

Антон Грановский Обитель Тьмы

Гиблое место – 9

Антон Грановский Обитель Тьмы

Пролог

При виде вышедшего из-за деревьев на лужайку ходока ведомые вскочили на ноги и радостно заулыбались.

– Лобан! – воскликнул один из них. – Слава богам, ты вернулся, ходок!

Ходок Лобан остановился у костра, горящего в сгущающихся сумерках, и взглянул на своего брата Куденю и на ведомых. Их было четверо. Пожилой брюхатый купец, тощий иноземец с вечно недовольным лицом и два зажиточных землепашца, которые отправились в Гиблое место на поиски чудного амулета, который должен был возродить оскудевшую землю и снова сделать ее плодородной.

– Ну, как? – робко глядя в угрюмое, выдубленное солнцем и ветрами лицо ходока, спросил брюхатый купец. – Осмотрелся?

Лобан не ответил. Он водил людей в Гиблое место уже два года и никогда не мог смотреть на своих ведомых без скрытого презрения. Здесь, в Гиблом месте, он был всемогущим королем. От него, и только от него, зависело – будут ведомые жить дальше или сложат свои головы в гиблой чашобе.

Купец и один из землепашцев растерянно и боязливо переглянулись.

– Так что скажешь, ходок? – снова спросил купец. – Есть там другой путь?

Лобан помолчал еще несколько мгновений, потом покачал головой и хрипло ответил:

– Нет. Придется разгрести этот завал.

Ведомые принялись разгрести завал из веток, травы и грязи. Лобан достал из ножен меч и взвесил его в руке. Меч был хороший, заговоренный кузнецом-вещуном от темных тварей. Лобан еще никогда не поднимал его на людей.

Что ж, всегда бывает первый раз. Лобан подал знак Кудене. Тот кивнул и положил руку на кряж меча. Лобан шагнул к ведомым, занес меч и рубанул купца по голове. Голова купца раскололась, будто как орех. На звук обернулся иноземец. Брови его изумленно взлетели вверх, но Лобан, выдернув меч из головы купца, размахнулся и резким ударом рассек иноземцу грудь.

– Лобан... – пробормотал один из землепашцев, обмирая от ужаса и птясь от окровавленных тел своих товарищей. – Лобан, что ты наделал?

Лобан, не отвечая, снова занес меч для удара. На этот раз к нему присоединился Куденя, и вдвоем они быстро зарубили землепашцев.

Сделав дело, братья-ходоки опустили мечи и перевели дух. Лобан вытер ладонью забрызганное кровью лицо и проронил:

– Кончено.

– Да, – тяжело дыша, отозвался Куденя. Он сорвал пучок травы и тщательно вытер щеки, шею и заляпанную кровью руку.

Лобан воткнул в землю меч, затем подошел к купцу, присел рядом и принялся обшаривать его карманы. Из одного ходок достал кошель с золотыми монетами. Затем он обшарил карманы тощего иноземца. На этот раз добычей ходока был мешочек с драгоценными яхонтами.

Куденя, ожидая, пока брат закончит обыск, покосился на изрубленный труп купца и язвительно произнес:

– Ну что, скупердья? По-прежнему будешь талдычить, что заплатишь мне только после того, как найдем чудную вещь?

В лесу что-то хрустнуло, и усмешка мгновенно сошла с лица Кудени. Несколько мгновений он вслушивался в звуки леса, потом посмотрел на брата и спросил:

– Ты слышал это?

– Что? – не понял Лобан, продолжая обшаривать одежду иноземца.

Куденя вздохнул.

– Нет, ничего... Просто показалось. – Он перевел взгляд на тело иноземца, облизнул пересохшие губы и тихо сказал: – Говорят, если ходок убил своего ведомого, падшие боги накажут его.

– Чушь. – Лобан выпрямился и сунул добычу в карманы кафтана. – До межи всего три версты, братка, и мы с тобой пройдем их.

Он повернулся к мечу, и вдруг Куденя взволнованно выкрикнул:

– Брат, там кто-то есть!

Лобан повернулся к Кудене и увидел, что тот показывает на черные вересковые кусты.

– Кто-то видел, как мы убили их, – прошептал Куденя.

Лобан нахмурился, шагнул к мечу и вырвал его из земли. Теперь, всего за три версты от счастливой жизни, он не намерен был сдаваться и готов был убить любого, кто встанет на их пути.

С мечом в руке ходок повернулся к вересковым кустам и крикнул:

– Кто там? А ну – выходи!

Кусты шелохнулись, и на поляну шагнул незнакомец. Это был человек. Высокий, одетый в белое и весь словно обсыпанный мукой.

Лобан дал знак Кудене, а сам резко спросил:

– Ты кто?

Незнакомец молчал. И тут Куденя бросился вперед и рубанул белого незнакомца

мечом. Тот отпрянул, выронил что-то на траву и вдруг завизжал, да так страшно и пронзительно, что у Лобана заложило уши, а меч сам выпал из разжавшихся пальцев.

Лобан согнулся пополам и заткнул уши ладонями.

Внезапно визг оборвался.

Оглушенный ходок выпрямился и снова взглянул на незнакомца, однако того уже не было, а Куденя, волоча по траве меч, шел к Лобану странной, покачивающейся походкой.

Не дойдя до старшего брата двух шагов, Куденя рухнул на траву. Лобан бросился к нему, быстро присел рядом и осмотрел тело брата. Кафтан на груди у Кудени взмок от крови. Прощупав его грудь пальцами, Лобан понял, что раны, оставленные белым незнакомцем, глубоки и смертельны.

– Я... убил его, – хрипло выговорил Куденя, и фонтанчик крови с клекотом вырвался у него изо рта.

На широком лице Лобана выступили капли пота. Он погладил Куденю по голове и тихо произнес:

– Да, братка. Ты его убил.

Куденя хотел еще что-то сказать, но закашлялся, и брызги крови полетели Лобану на лицо.

Вытирая рукавом лоб, Лобан не заметил, как за спиной у него выросла еще одна белая тварь. Огромный коготь, похожий на костяной нож, молниеносно вошел Лобану в спину.

Лобан дернулся и, почти теряя сознание от боли, медленно обернулся. Голова белой твари походила на человеческий череп, но вместо челюстей у нее было что-то вроде муравьиного жвала.

Оглушительно завизжав, чудовище ударом белого крыла сбilo Лобана с ног, затем быстро схватило обоих ходоков за ворота кафтанов и стремительно поволокло их в чащобу.

Приподняв голову, Лобан увидел, как четыре белые фигуры склонились над убитыми ведомыми, и то, что эти твари делали с людьми, повергло Лобана в такой ужас, что он на мгновение забыл о боли.

Дотасив ходоков до верескового куста, чудовище небрежно швырнуло их на траву. Затем оно склонилось над Лобаном и заглянуло ему в лицо. Лобан отвернулся. Пока чудовище занималось его израненным телом, Лобан смотрел на мертвое лицо брата. Боли он уже не чувствовал, только слабость, отчаяние и горе.

– Куденя... – хрипло прошептал Лобан. – Братка... Прости...

За секунду до того, как тварь закончила свое ужасное дело, силы покинули Лобана, глаза его закатились под веки, и он испустил дух.

Кем бы ни были падшие боги, они оказались милосердными к Лобану, ибо то, что стало происходить с его телом дальше, было страшнее самой страшной посмертной муки.

Глава первая

1

Тихо потрескивала лучина. Искорки срывались с черного фитилька и падали на столешницу. Маленький мальчик лежал в постели, натянув одеяло до самого подбородка, и, затаив дыхание, слушал рассказ бабушки. Бабушка была старая-старая, глубокие морщины избороздили ее лицо. На коленях у бабушки лежало вязанье, и железные спицы тускло посверкивали в ее маленьких руках.

– Никто не знает, откуда Первоход пришел в Хлынское княжество, – говорила бабушка Сухота тихим, старческим голосом. – Поначалу-то хлынды приняли его за ведуна, а причиной тому был волшебный огнестрельный посох, с которым Глеб Первоход не расставался ни на минуту.

Голос старушки звучал монотонно и хрипло.

– Бабушка, а что такое огнестрельный посох и где Глеб Первоход его раздобыл? –

спросил, глядя на Сухоту любопытными глазенками, мальчик.

– Не знаю, милый. И никто не знает. Едва появившись в городе, Глеб Первоход тут же прогневил старого князя Аскольда, и тот заточил его в темницу. А после – приказал Глебу отправиться в Гиблое место, кишачье темными тварями, и добыть целебную траву для умирающей княжны Натальи.

Мальчик слегка поежился под одеялом и тихо спросил:

– И Первоход отправился в Гиблое место?

– Да, – кивнула старуха. – Он и четыре его товарища. Товарищи сложили головы в черном бору и на Моревских рудниках, но сам Глеб вернулся. С той поры приклеилось к нему прозвище Первоход, потому как стал он первым ходоком в места погиблые и первым добытчиком чудных вещей.

Сухота перевела дух и быстро посчитала петли. Затем вновь заработала спицами и продолжила сказ про Глеба Первохода:

– С тех пор люди стали часто ходить в Гиблое место за чудом. Водили их туда ходоки – отважные сорвиголовы, готовые за серебряную резанку схватиться один на один с оборотнем или притащить в Порочный град связанного упыря.

При упоминании об упырях и оборотнях мальчик опять поежился.

– Бабушка, а зачем тащить темных тварей в Порочный град?

Старуха, не отводя взгляда от спиц, усмехнулась.

– Плохие люди стравливают упырей и оборотней промеж собой, ставят на них деньги и смотрят, кто победит. Порочный град – дурное место, внучек. Не дай тебе Белобог когда-нибудь забрести туда.

Старуха перевела дух, затем заговорила снова:

– В былые годы хозяином Порочного града был купец Крысун Скоробогат, но после его гибели заправлять там всем стал князь Добровол. Глеб Первоход слыл при Крысуне первейшим среди ходоков, самым сильным, опытным и умелым. Темные твари боялись его как огня. А Крысун Скоробогат платил ему за работу звонкой монетой. Но потом Глеб Первоход убил Крысуна Скоробогата.

– За что же он его убил? – с боязливым удивлением спросил внук.

– За то, что Крысун Скоробогат превратился в темную тварь. А Глеб Первоход ненавидел темных тварей. – Старуха пожевала сухими губами, после чего продолжила: – И все было бы хорошо, но пока Первоход находился в Гиблом месте, власть в Хлынском княжестве захватил боярин Добровол. Добровол сам назначил себя князем, приказал схватить Глеба Первохода и отправить его в Морию.

– В Морию, – тихо повторил мальчик. Подумал и уточнил: – А что это такое, Мория, бабушка?

– Мория – это страшная-престрашная темница. Стоит она на острове. А остров тот – посередь широкой-преширокой реки. Реку ту называют Волхов, потому что на берегах ее, в черных, непролазных лесах, живут волхвы. Волхвы те столь страшны, что даже князь Добровол опасается с ними связываться.

Мальчик снова обдумал слова старухи, нахмурился и спросил:

– Бабушка, а кто такие волхвы?

– Колдуны, – ответила старая Сухота. – Они охраняют темницу Морию, насылая на узников страшные сны и питаясь их страхами. Князь Добровол не мешает волхвам жить так, как им любо, а они взамен присылают ему самоцветные камни, которые добывают в своих лесах.

– И Глеба Первохода волхвы тоже мучили страшными снами?

Старуха кивнула.

– Да. Три года, три месяца и три дня провел Глеб в кошмарной Мории. Так бы и сгинул, но пришли за ним отважные друзья и вызволили Глеба из полона. С тех пор Глеб Первоход не появлялся в Хлын-граде. Одни говорят, что он сгинул в заколдованном лесу, другие – что перебрался к новгородским словенам и стал правой рукою ихнего князя

Миломысла. Доподлинно же о Первоходе ничего не известно.

Худенькое личико внука посуровело, и он проговорил звонким и сердитым голосом:

– Если Глеб Первоход такой сильный, почему он не придет и не убьет князя Добровола?

Сухота дернула уголками узких, губ.

– Пред тем, как попасть в Морию, Глеб изобрел для князя много удивительных и страшных вещей. Самые жуткие из них – мушкеты и пушки. Они стреляют по врагам железными стрелами и огненными шарами.

– Это все придумал Глеб Первоход?

Старуха кивнула.

– Да. И не только это. Первоход научил людей печатать книги, он изобрел целебное снадобье, которое излечивает людей от самых тяжких хворей. Первоход придумывал свои вещи людям во благо, но князь Добровол обернул их против людей. Он завоевал окрестные княжества, разорил их города и деревни, а жителей захватил в полон и сделал своими рабами.

– Глеб Первоход должен вернуться в Хлынь и прогнать плохого князя! – твердо заявил мальчик. – Он ведь самый сильный и отважный ходок. Ты сама об этом говорила, помнишь?

– Помню. – Старуха мягко улыбнулась. – Но ратники князя Добровола вооружены мушкетами. А кроме того, у князя Добровола есть волшебный амулет, который имеет над Глебом Первоходом страшную власть. Пока амулет у Добровола, Глеб не может причинить князю никакого вреда.

Пальцы мальчика крепко стиснули край одеяла.

– Это несправедливо! – сердито проговорил он.

– Тише, милый, тише.

Старуха пугливо покосилась в сторону окна. На мгновение ей показалось, что за окном из натянутого бычьего пузыря промелькнула белая тень. По полу пронесся сквозняк, и пламя лучины дрогнуло. Старуха напрягла слух и настороженно уставилась на дверь.

Ее тревога передалась и мальчику.

– Ты чего, бабушка? – понизив голос, спросил он.

Несколько секунд старуха молчала, потом облегченно вздохнула и вновь посмотрела на внука.

– Ничего. Должно быть, показалось.

Она поправила на коленях вязанье и сказала:

– С тех пор, как исчез Глеб Первоход, темные твари совсем распоясались. Каждый день в город привозят на подводах мертвых воинов, убитых оборотнями и упырями. А взамен выбывших князьки поручики набирают по дворам новых, чтобы отправить их к меже. И конца-краю этому не видно.

– Я слышал про межу, бабушка. Она отделяет нас от Гиблого места, верно?

– Верно, милый.

Поразмыслив немного, внук спросил:

– Бабушка, а может, Первоход вернулся в свою страну? Туда, откуда он приехал к нам много лет назад.

Старуха качнула головой:

– Вряд ли. Люди говорят, что Первоход не может вернуться, пока не выполнит все, что ему суждено судьбой. Вроде бы падшие боги оставили у него на предплечье зарубки, похожие на небольшие шрамы. Чем больше подвигов совершает Первоход, тем меньше остается зарубок. Только когда все шрамики исчезнут, Глеб Первоход сможет покинуть наше княжество и вернуться домой.

Спицы вновь замелькали в морщинистых руках бабушки.

Мальчик лежал на кровати и задумчиво смотрел на темный потолок, на котором плясали отблески лучины. Тени и блики складывались в чудные фигуры, и в фигурах этих мальчику чудился то оборотень, то упырь, а то и нечто такое, о чем ему никто и никогда не

рассказывал, – страшное, крылатое, с огромной зубастой пастью.

Несколько секунд мальчик, как замороженный, смотрел на игру теней, потом с усилием отвел взгляд и вновь посмотрел на старуху.

– Бабушка, – тихо позвал он, – а откуда ты все это знаешь?

– Про Первохода?

– Да.

– Я, милый, два года проработала в княжьем тереме. Убирала горницы и опочивальни, мела двор, стирала белье. Много чего делала. Да ты, поди, и сам помнишь.

Мальчик зевнул. Потом кивнул головой и сонным голосом подтвердил:

– Да. Я помню. Тогда еще мамка с папкой были живы.

– Верно, милый.

– Бабушка, когда я вырасту большим, я тоже стану ходоком в места погиблые, – заявил мальчик. – Я буду убивать темных тварей и искать чудные вещи, как Глеб Первоход.

Сухота улыбнулась.

– Будешь, милый, обязательно будешь.

Мальчик хотел еще что-то сказать, но вдруг уставился на окно, и глаза его расширились от ужаса. С улицы, уткнув лицо в натянувшийся до предела бычий пузырь, на него кто-то смотрел.

– Ба... ба... – пробормотал мальчик, поднял руку и показал на окно.

Старая Сухота повернулась, но за мгновение до этого страшное лицо отпрянуло от окна. Не заметив ничего странного, старуха снова посмотрела на внука и недоуменно спросила:

– Что случилось, милый? Ты что-то увидел?

– Там кто-то был, – в ужасе вымолвил мальчик, таращась на окно.

Сухота улыбнулась, протянула морщинистую руку и успокаивающе погладила внука по коленке.

– Тебе почудилось, милый. Мне тоже всякое чудится... Все будет хорошо. Уж ты мне поверь.

Голос старухи звучал ласково и мягко, и мальчик успокоился. Он хотел продолжить разговор, но вместо этого раззевался и постепенно – под мерный, спокойный голос бабушки – задремал.

Дождавшись, пока внук уснет, Сухота отложила вязанье. Ее тоже клонило в сон, и противиться сну в столько поздний час было незачем.

Старуха поднялась с кресла и, прихрамывая, пошла к топчану, накрытому соломенным тюфяком и застеленному сверху чистым льняным покрывалом. Однако лечь Сухота не успела. Какой-то странный звук привлек ее внимание и заставил напрячь слух и насторожиться.

Звук повторился, и на этот раз Сухота его узнала. Это был негромкий, сухой кашель, словно кто-то прочищал горло. Старуха схватилась за сердце, и в этот момент в сенях тихо скрипнула дверь.

Старая Сухота посмотрела на внука, мирно спящего под теплым шерстяным одеялом, потом повернулась и, нахмурившись, решительно заковыляла к двери. Открыв дверь сенцов, она остановилась. С виду в морщинистом лице Сухоты ничего не изменилось, лишь глаза ее увлажнились от ужаса, а нижняя губа мелко задрожала. И было от чего. В сенях стояла худая, бледная женщина в грязном одеянии.

Старуха узнала ее сразу, но вымолвить имя смогла лишь со второй попытки.

– Зо... Зоряна? Зорюшка моя, ты ли это?

– Это я, мама.

Зоряна была бледна, так бледна, словно ее кожа отродясь не побывала на солнце. Волосы у нее были влажные и спутанные, и на вид – тонкие, как волосы младенца.

Старуха перевела взгляд с лица дочери на ее одежду и испуганно проговорила:

– На твоей одежде... кровь.

– Это не моя, – тихо отозвалась дочь.

– А чья?

Дверь снова отворилась, и в сени вошел мужчина. Одежда на нем была такая же окровавленная, как на Зоряне, а лицо, слегка испачканное кровью, было еще бледнее, чем у нее.

– Любомил! – ахнула старуха.

– Да, тещушка. Это я.

Старуха прижала к груди сморщенные руки.

– Как же это? Вы ведь утонули. В день первого покоса. Тебя, Любомил, сожгли в погребальном круге. Я была там. А тебя, Зорюшка...

Дочь сделала легкий останавливающий жест рукой и сипло перебила:

– Ты не рада, что мы вернулись, мама?

– Рада, но... – Голос старухи сорвался на хриплый шепот: – Чья на вас одежда?

Дочь и зять не ответили. Тогда старуха, приглядевшись к одежде, сказала:

– В таких куртках ходят промысловики и ходоки.

– Забудь про одежду, мама. – Голос дочери звучал слабо и как-то вяло, словно не успел набрать должной силы. – Проведи нас в дом, согрей и накорми. Нам холодно и голодно. С самого покоса мы не держали во рту ни крошки.

Лицо Сухоты побледнело, и она проговорила дрогнувшим голосом:

– Внук не должен вас видеть.

– Ляшко? Он здесь?

– А где ж ему быть?

– Мы по нему соскучились. Впусти нас в дом, и мы обнимем его.

Несколько секунд на лице старухи отражалась борьба, после чего она решительно заявила:

– Этого не должно быть, милая. Это неправильно. Мертвецы не могут явиться к живым во плоти.

– Но мы явились, – тихо возразила Зоряна.

Старуха вновь отрицательно качнула головой.

– Не обессудьте, милые, но я не пущу вас в горницу.

Зоряна и Любомил переглянулись.

– Ты не сможешь нас остановить, мама, – глухо проговорила Зоряна.

– Мы все равно войдем, – сухо проговорил зять Любомил.

За спиной у него, за приоткрытой в ночную темень входной дверью, послышался какой-то шум.

– Кто там? – встревоженно спросила Сухота. – Кого это вы привели?

– Те, благодаря кому мы здесь. Они так же голодны, как мы.

Зоряна обернулась к двери.

– Зорюшка, нет! – крикнула старуха и попыталась схватить мертвую дочь за руку, но не успела.

Большая белая фигура, подобно огромной ночной бабочке, стремительно влетела в сени, сшибла Сухоту с ног и вцепилась ей когтями в грудь и лицо.

Другая фигура, такая же мучнисто-белая, распахнув с размаху дверь, устремила в горницу. Секунду спустя цепкие лапы схватили притихшего мальчика и выдернули из-под одеяла. Мальчик вскрикнул от боли и ужаса, но тут же захлебнулся собственным криком. Багровая струя крови брызнула на одеяло, и в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим чавканьем белых тварей.

2

Темно и глухо было об эту пору в княжьем городе. Улицы опустели еще задолго до заката. Ставни на домах плотно закрыты. На дороге поблескивали лужи. Синие мухи,

облепившие конский навоз, блестели в лунном свете, как хуралуговые заклепки на броне ратника.

Лишь один человек стоял на улице, поджидая медленно катившийся по дороге возок. Человек был высокого роста, худ и угрюм. Лицо у него было молодое, усы и борода темные, но волосы – седые, будто у старца.

Возчику Руму человек был незнаком, а потому, остановив лошадку, он слегка напрягся.

– Поздновато ты едешь, – сказал незнакомец глуховатым голосом, и голос этот Руму очень не понравился.

Возчик сунул руку в карман полукафтана и нащупал нож.

– Так я это... домой возвращаюсь, – добродушно пояснил он. – Тебя куда отвезти-то, друг?

– Отвези меня к Северной стене, – сказал незнакомец, плотнее кутаясь в плащ.

Возница Рум покосился на него через плечо и спросил прямо:

– Ты разбойник?

– Есть люди, которые так думают, – спокойно ответил седовласый парень. – Тебя это смущает?

Рума это совершенно не смущало. Хлынские разбойники и душегубы его не обижали. Порою он помогал им скрываться от княжьих охоронцев или перевозить награбленную добычу до схрона, за что получал десяток медяшек, а то и целый серебряный кун. Откровенно говоря, Рум знал почти всех хлынских разбойничков в лицо. А вот этого парня припомнить не мог, хотя тот и не был похож на новичка. Должно быть, опытный «волчара», но из залетных.

Рум решил не забивать себе этим голову и, дождавшись, пока незнакомец усядется в возок, тронул лошадку с места.

– Тихо у вас тут, – сказал седовласый разбойник. – Даже собаки не лают.

Возчик обернулся и проговорил через крутое плечо:

– Половину собак перерезали темные твари, а уцелевшие после заката забиваются под крыльцо и до утра боятся тявкнуть.

Седовласый усмехнулся и передернул плечами. Должно быть, ночная сырость забиралась под плащ и студила его худощавое тело.

– А ты сам-то тварей не боишься? – поинтересовался незнакомец.

Рум покачал головой.

– Не. У меня полные карманы чудных вещей. Коли появится упырь или волколак, суну ему в харю гнилушку-огневик. А против оборотней я каждый вечер выпиваю по два глотка настоя из рысьего ижменя. Даже если оборотень меня тяпнет, сам я в оборотня не обращаюсь. Так-то.

Седовласый усмехнулся и сказал:

– А ты предусмотрительный.

– Есть такое, – в тон ему ответил Рум.

Возок слегка потряхивало на ухабах. Сидящий внутри Глеб Первоход, а это был именно он, беспрестанно кутался в плащ и никак не мог согреться.

Дома медленно проплывали мимо. В какой-то миг Глеб поймал себя на странном ощущении, будто мир этот нереален, а все, что он видит – ночной город, возчик, луна, – лишь части какого-то тягучего, невнятного сна.

«У меня полные карманы чудных вещей, – так утешал себя возчик. – Коли появится упырь или волколак, суну ему в харю гнилушку-огневик. А против оборотней я каждый вечер выпиваю по два глотка настоя из рысьего ижменя».

Глеб хмуро усмехнулся. Он прекрасно знал: чтобы спастись от темных тварей, чудных вещей и заговоренных настоев мало. Нужно, чтобы само Провидение оберегало тебя от их зубов и когтей. Да и на Провидение особо уповать не следует. Любого ходока, даже самого успешного и удачливого, рано или поздно настигает лютая погибель. Самые везучие погибают быстро, и останки их дочиста обглаживают темные твари или дикие звери. Самые

несчастливые – встают после смерти упырями и бродят по лесам и деревням в поисках живой плоти.

Минут двадцать спустя возок остановился.

– Опасный у тебя промысел, – сказал возчику Глеб.

Тот усмехнулся, внимательно взгляделся в лицо Глеба и заявил:

– Не опаснее, чем твой, ходок.

Брови Первохода удивленно приподнялись.

– Почему ты думаешь, что я ходок?

– Это видно.

– Видно?

Возчик кивнул:

– Угу. По глазам. Они у вас иные, нежели у обычных людишек. Недаром говорят, что темные твари – дети Гиблого места, а ходоки – его пасынки.

По лицу Первохода пробежала тень недовольства.

– Уж больно ты догадливый для простого возчика, – сухо проговорил он.

– А кто тебе сказал, что я простой? – прищурился Рум. – Я катаю по городу ночных людей. Простой бы так не смог.

Глеб выбрался из возка и спрыгнул на землю.

– Будь осторожен, ходок, – напутствовал его Рум. – В последнее время в городе очень неспокойно.

– Ты про темных тварей?

– Не только.

– Тогда о ком?

Возчик обернулся по сторонам, затем чуть нагнулся и негромко проговорил:

– Об оживших мертвецах и о тех, кого они с собой приводят.

– Что ты...

– Прощай, ходок! И удачи тебе! Н-но, пошла!

Возок резко рванул с места, круто развернулся и покатил прочь.

Глеб не стал задумываться над словами возницы. Мало ли кто и что говорит.

За три года, проведенные в плену у волхвов, Глеб сильно изменился внешне. Волосы его, прежде каштановые, стали серебристыми. Черты лица обострились, а щеки запали. Восстановиться полностью Глеб не успел и прежней силы пока не чувствовал, однако от слабости, сковавшей его тело сразу после освобождения, не осталось и следа.

– С Богом! – тихо проговорил себе Глеб и зашагал вниз по улице.

«С Богом». Первоход усмехнулся своим словам. Теперь, когда на шее у него висел серебряный крестик Рамона, слова эти приобретали вполне конкретный смысл.

«Интересно, есть ли у христиан какие-нибудь привилегии на этом свете? – подумал Глеб. – Свой собственный ангел-хранитель мне бы сейчас не помешал. Ну, или хотя бы маленький, голозадый ангелок, который смог бы подать мне в бою оброненный меч или швырнуть в лицо врагу горсть песка, пока я поднимаюсь с земли».

«Этот крест – не подарок, – прозвучал у Глеба в ушах мягкий голос толмача-иноземца Рамона. – Когда тебе станет легче, ты мне его вернешь. Если тебе так удобнее, отнесись к нему, как к оберегу».

Глеб стер усмешку с лица и огляделся по сторонам. Никого. Улица по-прежнему была пуста.

В голове у него все еще не было ясности. Там, так же, как и в душе, царила тьма. Мысли и чувства пробивались сквозь эту тьму, как легкие блики света. Но победить тьму они пока были не в силе.

– Эй, паря! – услышал Глеб негромкий голос у себя за спиной.

Глеб опустил руку на кряж меча и обернулся. Из темноты вышли четверо, но не охоронцы. Судя по одежде – ночные душегубы, отслеживающие запоздалых путников или безмятежных бражников, возвращающихся из кабака домой.

Разбойники неподалеку от пыточного дома, у самой городской стены? Странно. В былые времена горожане обходили это место стороной, считая его страшным и нечистым. Видимо, за три минувших года нравы хлынцев сильно изменились.

Глеб молчал, по-прежнему держа пальцы на рукояти меча. Тогда одна из фигур выдвинулась вперед, и Глеб не без удивления понял, что это – баба. Высокая и крепкая, как мужик, в мужицком кафтане и в суконной шапке с загнутыми краями, похожей на те, в которых щеголяют ремесленники.

– Далеко ли собрался? – хрипло спросила она.

Глеб не ответил. Тогда другой разбойник, сутулый, почти горбатый, со злостью проговорил:

– Чего молчишь, старик? Язык проглотил?

– Вид у него боевой, – сказала баба-разбойница. – Гляди-ка, даже меч имеется.

Разбойники засмеялись. Глеб, по-прежнему сжимая в пальцах рукоять меча, чуть-чуть продвинулся вперед, рассчитывая расстояние для удара. Призрачный свет луны осветил его лицо, и один из разбойников удивленно воскликнул:

– Эге, да он не старик! Только голова седая!

Тогда Глеб спросил:

– Что вам нужно?

– Ты чужак и, должно быть, не знаешь, что каждый, кто сюда приходит, должен платить нам мзду, – ответила разбойница.

– За что?

Сутулый незаметно дернул рукавом, и на ладонь ему из рукава выпала гирька кистеня.

– Да ты, я вижу, совсем глупый, – процедила сквозь зубы разбойница. – Я ведь только что сказала – мзду нам платят за проход. Хочешь пройти – плати.

Глеб прищурил недобрые глаза.

– Лучше бы вам уйти, ребята, – сказал он.

Бродяги снова заухмылялись.

– На вид бледный да тощий, а на язык – дерзкий, – определила разбойница.

– Может, мы ему подкоротим язык-то, Нона? – свирепо сверкая глазами, предложил сутулый.

Баба, одетая мужиком, коротко кивнула. И в тот же миг в руках у разбойников появились ножи. Глеб взглянул на сверкнувшие клинки, натянуто улыбнулся и негромко проговорил:

– Я вижу, некоторые вещи остаются неизменными. Даже спустя три года.

– Чего? – хмуро переспросил один из разбойников.

Глеб нахмурился.

– Еще раз говорю вам: уйдите с дороги, и останетесь целы.

И в этот миг разбойница, сжимая в руке широкий нож-косарь, ринулась на него. Глеб молниеносно выхватил меч и одним ударом отсек бабе голову. Голова со стуком упала на подмерзшую землю, и разбойники остановились, раскрыв рты.

– Ты убил ее! – хрипло выдохнул один из них.

Глеб усмехнулся и процедил сквозь зубы:

– Женщины постоянно теряют из-за меня голову. Ваша подружка не стала исключением.

– Ты уверен, красавчик? – послышался хриловатый голос с земли.

Глеб опустил взгляд и с изумлением уставился на говорящую голову, которая смотрела на него снизу вверх налитыми злобой и кровью глазами. Лежащее рядом туловище зашевелилось и вдруг село на траве, а его правая рука зашарила вокруг в поисках головы, явно собираясь вновь водрузить ее на плечи.

Вот пальцы наткнулись на голову и ухватили ее за волосы, но Глеб не сплеховал – клинок его меча дважды тускло сверкнул в лунном свете. Первым ударом он рассек голову ведьмы надвое, а вторым разрубил ей грудь вместе с сердцем.

Увлеченный борьбой с ведьмой, Первоход не заметил, что с разбойниками тоже произошли страшные метаморфозы. Они сбросили теплые кафтаны, опустили на четвереньки и быстро, всего за какие-то три-четыре секунды, обросли шерстью.

3

«Вот оно что», – понял Глеб, чуть попятившись.

Душегубы были обращенными. Целая банда городских оборотней с ведьмой во главе. Три года назад, до того, как князь Добровол упек Глеба в кошмарную Морию, это было бы невозможно. Определенно, этот мир катится прямиком в ад.

Оборотни окружили Глеба и, лязгая зубами, стали сужать круг. Перед глазами у Глеба слегка помутилось от слабости, в призрачном мороке качнулось лицо девки-колдуньи Лесаны, а ее голос тихо проговорил:

«Это травка-переглядка, Глеб. Встретишь оборотней – дунь им щепотку в лицо».

Оборотни изготовились к атаке, но Первоход опередил их. Ошеломив тварей, он молниеносно прыгнул к одному из оборотней и одним ловким ударом срезал тому ухо. Зверь, взыв, отскочил в сторону.

Оборотни ринулись на Глеба, но он поднял перед собой испачканный черной кровью меч и решительно произнес:

– Заклинаю вас болотным духом, темные твари! Стойте, где стоите!

Оборотни остановились всего на мгновение, но этого мгновения Глебу оказалось достаточно, чтобы выхватить из кармана куртки горстку сушеной, перетертой травы.

Перевернув руку ладонью кверху, Глеб дунул на горстку травяной пыли. Облачко травки-переглядки взмыло в воздух, пролетело полсажени, отделяющие Глеба от оборотней, и опустилось на их морды. Оборотни вздрогнули и жадно вдохнули траву трепещущими ноздрями.

И вдруг твари заперебирали лапами и стали кружиться, сперва медленно, а потом быстрее. Наконец они завертелись волчками и с каждым оборотом вертелись все сильнее и сильнее. Через несколько секунд вращение стало таким неистовым и быстрым, что оборотни превратились в серые смерчи, из которых в стороны летели слюна и шерсть.

Неожиданно это дикое, неистовое вращение резко прекратилось. Голые человеческие тела вылетели из волчьих шкур и полетели на траву. Пустые шкуры, всклокоченные, окровавленные, попадали рядом.

Глеб перевел дух и хрипло проговорил:

– Надо же, подействовало. Ай да колдовская трава!

Затем, не желая терять время, повернулся и зашагал дальше. Через несколько мгновений он уже забыл про выпотрошенных оборотней и всецело сосредоточился на деле, ради которого прибыл к Северной стене.

Когда Первоход отошел на полтора десятка саженей, один из окровавленных, голых мужиков поднял голову, потряхнул ею и злобно изрек:

– Вот гад... Едва не вышиб из меня дух.

– Споймать бы... – тихо сказал другой.

– Да леший с ним... – отозвался третий. – Другой хабар найдем.

Все трое уселись на траве и принялись обалдело трясти перепачканными грязью и кровью головами.

– Глызь, а Глызь? – позвал один из них.

– Ну? – отозвался второй.

– А чего это с тобой?

Глызь перестал трясти головой, опустил взгляд и посмотрел на свой голый, запавший живот.

– Вот те на, – изумленно прохрипел он. – Я человек!

Он поднял взгляд на товарища, и удивление на его лице сменилось изумлением.

– Дяк, так ведь и ты тоже!

– Точно! – поддакнул третий, которого звали Глот. – А я? Что со мной?

Двое других уставились на вопрошавшего и выдохнули хором:

– И ты!

Насмотревшись друг на друга, мужики глянули на выпотрошенные волчьи шкуры, лежавшие неподалеку.

– Это что же... – процедил пораженный до глубины души Глызь, – выходит, мы больше не оборотни?

– Выходит, что так, – подтвердил Дяк. – Не знаю, что сделал этот парень, но он исцелил нас.

– Вот это да! – И Глызь вдруг захохотал.

Несколько мгновений Дяк и Глот с удивлением смотрели на товарища, а потом захохотали сами. Три голых, перепачканных кровью мужика сидели на полянке, смотрели друг на друга и хохотали, как дети. Их волчьей жизни пришел конец, и впервые за много месяцев они были счастливы.

4

Может, кому-то и тяжело жилось в Хлынь-граде, да только не одноглазому барыге по кличке Бельмец. Чем мрачнее и невыносимее становилась жизнь, тем больше люди надеялись на чудо. А где искать чуда, как не у главного перекупщика Хлынь-града? То-то и оно.

Князь Добровол наставил у межи дозоров, удвоил число конных объездчиков. Пробираясь в Гиблое место дорожкам становилось все труднее и труднее. Многие не возвращались обратно, а те, что возвращались, приносили одну лишь дрянь. Но на безрыбье и рак рыба, и торговля у Бельмеца не прекращалась ни на день.

Что за беда, коли товар – дерьмо? Главное – уметь его подать. Как ни крути, а любая чудная вещь, по сути своей, великая тайна. И каждого, кто решил прикупить себе немного чуда, Бельмец сразу предупреждал – быть может, вещь принесет счастье, а быть может, великую беду. Решайте сами.

Несмотря на столь зловещее предупреждение, людей, готовых рискнуть, находилось много, и Бельмец день ото дня все больше процветал.

Вот и в этот вечер карманы одноглазого барыги были до отказа забиты плохоньким товаром. Паренек, стоявший перед ним под темной сенью дуба, был уже четвертым покупателем за день. Четвертым – и таким же тупоголовым, как предыдущие три.

Оглядывая сломанную Огневую пику, которую всучил ему Бельмец, паренек уточнил:

– А эта вещь правда поможет против оборотней?

– Еще как поможет, – кивнул одноглазый барыга. – Пока пика у тебя, оборотни и близко не подойдут.

– Это хорошо. – Парень улыбнулся. – Мне в Яров-град на ярмарку ехать, а дорога туда идет через лес. Думал нанять провожатых, но теперь не стану. – Он снова оглядел Огневую пику. Затем уточнил: – А от разбойников она отбиться поможет?

– И от разбойников поможет, – заверил его Бельмец. – Пусть только сунутся – враз испепелит!

– А как пика действует?

– Да все просто. Как только встанет перед тобой разбойник или темная тварь – жми вот на этот бугорок. Но пока не появятся – не жми. Иначе испортишь вещь.

– Странные они, эти чудные вещи, – задумчиво проговорил парень, осторожно и бережно покручивая в руках Огневую пику. – И откуда только взялись?

– Сам ведь небось знаешь. Много сотен лет тому назад с неба на землю упала колесница с богами. Точнехонько на Кишень-град. Кишень с тех пор стоит мертвый, а леса вокруг него стали гиблыми.

– Да-да, я помню, – кивнул парень. – По всей гиблой чащобе разбросаны чудные вещи, оброненные падшими богами. И рыщут по той чащобе темные твари.

Парень сунул Огневую пику в карман, еще раз горячо поблагодарил Бельмеца и зашагал восвояси.

Барыга проводил парня насмешливым взглядом. Чудная вещь, которую он всучил парню, была абсолютно бесполезна и против нечисти, и в бою. Но парню об этом знать не обязательно. Пока. Ну, а потом... Бельмец усмехнулся. Потом – суп с котом. Скорее всего, этого заезжего щенка он больше никогда не увидит. А коли увидит, то щенку же хуже. Пусть только попробует сунуться, костей не соберет.

Бельмец представил себе, как парень воюет с напавшими на него упырями и волколаками, и усмехнулся. Легче отбиться от медведя ивовым прутиком, чем от темной твари сломанной пикой. Паренек не вернется, это как пить дать.

Совесть Бельмеца совершенно не мучила. Мало ли кто и от чего гибнет. Жить вечно еще никому не удавалось. Ну, а раз так, то и жалеть людей незачем.

И тут на пути паренька, который не успел еще отойти далеко, встал высокий человек в темном плаще.

– Эй, малый, – окликнул он незадачливого покупателя. – Погоди-ка.

Парень остановился. Человек, окликнувший его, был молод лицом, но седовлас и не по-юному угрюм.

– Чего тебе, дядя? – спросил его парень, недовольно сдвинув брови.

– Ты купил эту вещь у Бельмеца?

– Ну.

– Дай посмотреть! – Незнакомец протянул руку.

Парень отступил на шаг и, вынув из кармана покупку, угрожающе поднял ее перед собой.

– Лучше не пробуй, дядя. Это Огневая пика. Задумаешь плохое, нажму на бугорок, и останутся от тебя рожки да ножки.

Незнакомец улыбнулся и вдруг молниеносным движением вырвал чудную вещь из рук парня. Затем нажал пальцем на бугорок, о котором говорил Бельмец, и ничего не произошло.

– Не понял, – удивленно проговорил парень. – Это что же... Она не действует?

– Идем к Бельмецу, – сухо проговорил седовласый незнакомец. – Если кто-то и сможет ответить на твои вопросы, то только он.

Завидев, что покупатель возвращается, да еще и не один, барыга напрягся. Впрочем, особой тревоги он не испытывал. Стоило Бельмecu свистнуть, и тут же из-за угла заброшенного, полусгоревшего амбара появилась бы пара рослых, крепких ребят с мечами наперевес.

Бельмец уже заготовил наглую улыбку, но вдруг лицо его оцепенело.

– Первоход?! – удивленно воскликнул он. – А говорили, ты сгинул в Мории.

– Не сгинул, как видишь, – последовал холодный ответ.

Бельмец сверкнул на Глеба белым глазом, облизнул узкие губы и сказал:

– А ты переменился. Поседел, отощал. Несладко тебе пришлось в эти три года, верно?

– Верно, – спокойно проронил Глеб.

– Три года назад при одном твоём имени всякий, на кого ты имел зуб, покрывался испариной. Но теперь ты не выглядишь так грозно. Осталась ли в тебе прежняя сила, ходок?

– Хочешь проверить? – осведомился Глеб.

Бельмец прищурил единственный зрячий глаз.

– Зачем мне проверять? Другие проверят. Тут на тебя многие в обиде, Первоход. Многим ты не давал жизни, и никто этого не забыл. Я бы на твоём месте не разгуливал открыто по городу.

Глеб почувствовал раздражение и дернул щекой.

– Хватит болтать, барыга. Пять минут назад ты продал парню вот эту вещь.

Глеб вынул из-за спины Огневую пику и показал ее Бельмecu. Тот глянул на вещицу и,

усмехнувшись, хотел было отпустить шутку, но встретился с Глебом взглядом и стер едва наметившуюся ухмылку с лица.

– Верно, продал, – нехотя признал он.

– Так вот, эта пика не работает.

– Правда? – Бельмец хмыкнул. – Вот незадача-то. Что ж, бывают оплошности и в моей работе. Слышь-ка, паря, давай пику сюда. А деньги я тебе верну. Не все, конечно, а половину.

– Почему же половину? – удивился парень.

– Потому что другую я уже отдал тому, у кого ее перекупил. Разумеешь?

Парень нахмурился, но возражать не стал. Слишком уж дурная слава шла о барыге Бельмце. У него всегда можно было разжиться чудной вещью, но вернуть обратно – ни-ни. Это еще удача, что он согласился отдать половину уплаченной суммы.

Парень взял протянутое барышником серебро, сунул его в карман, повернулся и уныло побрел восвояси.

– Подожди меня у колодца, – сказал ему вслед Глеб.

Парень не отозвался.

На этот раз Бельмец не удержался от усмешки.

– Не станет он тебя ждать, Первоход. Уж больно глаза твои холодны и колючи.

Глеб посмотрел на него ледяным взглядом.

– Паренек наверняка продал все, что имел, чтобы купить у тебя Огневую пику. Тебе не совестно?

Барыга пожал плечами:

– Огневая пика – страшное оружие. Кто знает – быть может, парень собирался лютовать на большой дороге? Представь, сколько купцов и странников я только что спас.

Глеб несколько секунд разглядывал Бельмца в упор, затем вздохнул.

– Не нравишься ты мне, барышник. И никогда не нравился.

– Так ведь и я от тебя не в восторге, ходок.

Ярость горячей, густой смолой закипела в душе Первохода.

Молниеносное движение – и вот уже Бельмец корчится от боли, а пальцы Глеба сжимают его горло. Сила в пальцах ходока уже не та, что прежде: суставы ломит, а сами пальцы вот-вот норовят разжаться, но барыга этого не замечает.

– Пусти... – в ужасе прохрипел Бельмец, выкатив на Глеба белый, незрячий глаз. – Пусти, ходок...

Глеб чуть прищурил темные, недобрые глаза и холодно осведомился:

– Хочешь жить?

– Да... – прохрипел Бельмец. – Хочу...

– Так я и думал. – Глеб разжал пальцы.

Барышник закашлялся, заплевался. Глеб подождал, пока тот прочистит горло, а затем спросил:

– Что у тебя есть? Только говори прямо.

Потирая пальцами покалеченное горло и поморщиваясь от боли, Бельмец сипло изрек:

– Нынче скудные времена. Карманы мои почти пусты.

– Значит, ты не будешь возражать, если я тебя обыщу?

Не дожидаясь ответа, Глеб запустил руки в карманы барышника. Он думал, что Бельмец будет сопротивляться, но тот вдруг сунул в рот два пальца и громко свистнул.

– Дьявол! – выругался Глеб, выпустил барыгу и быстро положил руку на кряж меча.

Из тьмы вышли трое подручных Бельмца. Все коренастые и крепкие, как дубки. В руках – короткие византийские мечи. Глеб окинул их спокойным взглядом, затем посмотрел на Бельмца и сказал:

– Вели своим шакалам убираться восвояси. Если через минуту они все еще будут здесь, переломаю тебе ноги.

Бельмец с ненавистью посмотрел на Глеба, но что-то в его лице подсказало барыге, что

новая внешность Первохода – обманчива и что исхудавшее тело его по-прежнему полно страшной силы.

Несколько секунд Бельмец размышлял, потом дернул щекой, перевел взгляд на своих телохранителей и неохотно проговорил:

– Отдыхайте, парни.

– Я могу убить его на месте, – сказал самый крепкий из них.

– Не стоит испытывать судьбу, Луд, – отозвался Бельмец. И повторил, повысив голос: – Отдыхайте, я сказал!

Парни, не говоря ни слова, повернулись и растворились во мраке. Глеб снова запустил руки в карманы барыги. Увы, карманы эти были забиты бесполезным мусором. Сломанные Дозорные Рогатки, разряженные Собиратели, сплюснутый золотой шарик против оборотней.

Помимо прочего, была тут и странная полупрозрачная сфера, похожая на мыльный пузырь. Глеб с такой штукой никогда не сталкивался, однако, будучи опытным ходоком, предпочитал не иметь дела с непроверенными чудными вещами.

Вдруг Глеб нащупал в одном из карманов Бельмеца горошину. Вынул, оглядел.

– Перелиц?

– Он почти истаял, – дрогнувшим голосом ответил барыга. – Тебе не пригодится.

Глеб молча положил Перелиц себе в карман.

Поняв, что потерял дорогую вещь, Бельмец сжал кулаки и с ненавистью проговорил:

– По нынешним временам Перелиц стоит целое состояние. Прежде ты не был вором, ходок.

– Верно, – сказал Глеб. – Но я сейчас не при деньгах. Рассчитаюсь с тобой, когда разбогатею.

– Поклянись Хорсом и Семарглом!

Глеб положил ладонь на грудь и сказал:

– Клянусь.

Бельмец обиженно шмыгнул носом.

– Ладно. Знаю, что ты человек слова.

Глеб снова запустил руки в карманы Бельмеца и на этот раз извлек полупрозрачную слюдяную сферу наружу.

– Что это за пузырь? – хмуро спросил он.

– Это-то? – Бельмец небрежно усмехнулся. – Сушило. Брось его в таз с водой, и оно тут же выпьет всю воду.

Глеб взвесил слюдяной пузырь на руке, на секунду задумался, а затем положил его себе в карман. После чего взглянул на сумку-ташку, притороченную к поясу Бельмеца, и спросил:

– Что в сумке?

Одноглазый барыга вздохнул, а затем расстегнул сумку и достал несколько вещей. Глеб узнал Зерцальные скобы и две оловянные бутылочки.

– Это все, что у меня есть, – сказал Бельмец.

– Что в бутылках?

– В темной – мертвая вода, во второй – волколачья кровь.

– Я их забираю.

Зерцальные скобы и обе бутылочки переключались в карманы Глеба.

Бельмец ухмыльнулся и недовольно проговорил:

– Гребешь подчистую, ходок? На что тебе все это?

– Пока не знаю, – ответил Глеб. – Сколько я тебе должен?

– Четыре золотых дирхема, – отчеканил Бельмец.

– Постараюсь заплатить до того, как меня убьют. Бывай, барыга!

Глеб повернулся и быстро зашагал прочь. Бельмец угрюмо посмотрел ему вслед и тихо проворчал:

– Живи, Первоход. И береги свою проклятую шкуру. Твоя погибель будет слишком

дорого мне стоять.

5

Через высокий забор Глеб перепрыгнул легко. Тело его еще не обрело былую силу, но прежняя кошачья ловкость к нему уже вернулась.

Возле угла здания стоял и мочился на траву охоронец. Глеб подошел к нему сзади, бесшумно вытащил из-за пояса кинжал, размахнулся и хлестко ударил его тяжелой рукоятью по голове. Охоронец не издал ни звука, падая на мокрую землю. Для верности Глеб еще дважды ударил его по темени, затем сунул кинжал в ножны и продолжил путь.

Через несколько минут, обогнув все посты охоронцев и никого при этом не убив, Глеб оказался перед комнатой старшего дознавателя Негоды...

Комната старшего дознавателя вовсе не походила на пыточную. Здесь не было ни дыбы, ни клещей, ни вощеных веревок. В печи уютно потрескивали березовые поленья, а на столе стоял кувшин с холодным квасом, рядом с которым поблескивала при свете восковых свечей гроздь красного винограда.

Сам старший дознаватель Негода лежал на укрытой медвежьей шкурой скамье, подложив под голову толстую пуховую подушку, и сонно глядел на блики огня, танцующие на полу перед печью.

Это был рослый и крупный мужчина с красным, отечным лицом и рыжеватыми усами. За плечами у дознавателя был долгий, тяжелый день. При прежних правителях работы было меньше. Ни князь Аскольд, ни княгиня Наталья, ни первый советник Глеб Первоход не заставляли его сдирать с людей кожу живьем и уж тем более не превращали лютую казнь в приятное глазу зрелище.

С тех пор, как у княгини Натальи случился последний выкидыш, князь будто обезумел. Он мог часами сидеть в пыточной комнате и с угрюмым любопытством наблюдать, как дознаватели мучают узников, срезая с них лоскутами кожу или прижигая ляжки каленым прутком.

Князь Добровол правил княжеством твердой рукой. Казалось бы, за три года люди должны привыкнуть держать себя в порядке и страхе. Ан нет. Стоило князю Доброволу уйти в запой или затосковать, как людишки тут же начинали шалить.

Скоморохи, напившись браги и меду, горланили по кабакам про князя непотребные песни, а бражники, слушая эти песни, ржали, как кони. Охоронцы, конечно, не бездействовали, но как-то так получалось, что за пару минут до их прихода нарушители порядка бесследно исчезали из кружечных изб. А на все вопросы охоронцев и княжских поручиков бражники лишь пожимали плечами и басили:

– Не видели. Не ведаем. – Или того хуже: – Быть – был, а куда девался – Велес его знает.

Этот день тоже не был исключением. С утра князь, опухший от тоскливой и хмельной ночи, пришел в пыточный дом и распорядился растолкать ката и бросить ему на мученье двух узников. Ката растолкать не смогли – живодер с полуночи начинал пить горькую и не просыхал до полудня.

Тогда Добровол призвал к себе старшего дознавателя Негоду, дал ему в руки скорняжный нож и велел сдирать с узников кожу. И Негода содрал. Начиная нехотя, но затем, как это частенько бывало, вошел в раж и резал узников со всем искусством, на какое только был способен.

Ушел князь лишь час тому назад, когда у Негоды уже не осталось сил на пытки.

Да, тяжелый был день... Впрочем, не тяжелее других.

– О, боги, как же это утомительно, – устало проговорил Негода. Он взял со стола виноградину, швырнул в рот и повторил: – Утомительно.

Затем раскусил виноградину зубами, усладив язык соком, и устало прикрыл глаза.

Заслышав скрип двери, Негода среагировал почти мгновенно: голова его быстро

поднялась с подушки, а рука схватилась за кинжал, лежавший на столе. Но Глеб оказался быстрее. Кулаком правой руки он вышиб из пухлых пальцев Негоды кинжал, а затем ударил дознавателя левым локтем в лицо и опрокинул его обратно на скамью.

– Ну, здравствуй, старший дознаватель Негода, – сухо проговорил Глеб.

Пару мгновений Негода таращился на незваного гостя обескураженным взглядом, затем тряхнул головой, усмехнулся и сказал:

– Ну, надо же. Сам Глеб Первоход пожаловал ко мне в гости. Почему не предупредил заранее? Я бы как следует подготовился к встрече.

Глеб молча сел на лавку, вынул из ножен кинжал и положил его на стол. Дознаватель Негода облизнул разбитые в кровь губы и хрипло спросил:

– Что тебе нужно, ходок? Зачем пожаловал?

На этот раз в голосе Негоды не было ни удивления, ни насмешки, а одна лишь злость.

– Три года назад князь Добровол упрятал меня в темницу Морию, – сказал Первоход. – Ты наверняка об этом слышал.

– Да, – угрюмо ответил Негода. – Я об этом слышал.

Глеб прищурился:

– Что ты слышал о Мории, дознаватель?

– То, что это самое страшное место на земле. И что тем, кто туда попал, нет пути обратно. – Дознаватель глянул на Глеба холодным, неприязненным взглядом и едва заметно усмехнулся. – Теперь я вижу, что последнее утверждение ошибочно.

Глеб поморщился и потер пальцами лоб.

– Мория не так страшна, как ее описывают, Негода, – тихо сказал он.

– Правда? – Дознаватель холодно и неприязненно прищурился. – По тебе этого не скажешь, ходок. Твоя голова бела, будто у старца. А в глазах твоих затаилась пустота. – Негода осторожно облизнул разбитые губы и добавил: – Ты вернулся, чтобы отомстить князю Доброволу?

– Мне нужен мой огнестрельный посох, – сказал Глеб вместо ответа. – Где он?

– Ты говоришь про ольстру? – Старший дознаватель нахмурился. – Не будь безумцем. Даже имея ольстру, тебе не одолеть князя Добровола. Благодаря тебе, у княжских дружинников теперь есть мушкеты. И поверь мне, они отлично умеют стрелять.

– Кажется, ты не расслышал мой вопрос, – глухо произнес Глеб. – Я спросил: где моя ольстра?

Дознаватель несколько секунд в упор смотрел на Глеба, затем дернул бородатой щекой и проговорил:

– А не пошел бы ты, ходок.

– Неверный ответ. – Кулак Глеба, описав короткую дугу, врезался в челюсть ката.

Негода заморгал глазами, потом мотнул головой и отплюнул кровь. Посмотрел на Глеба снизу вверх и процедил:

– Ты уже не тот, что прежде, Первоход. На тебя и твоих друзей объявлена охота. И я ничего тебе не скажу.

Глеб секунду или две размышлял, потом повернулся к печке и взял кочергу. Воспользовавшись заминкой, Негода попытался вскочить на ноги, но Глеб ударом кулака отправил его обратно на скамью. Затем открыл заслонку и сунул край кочерги в печь.

Негода смотрел на Глеба с испугом и недоверием.

– Ты не сделаешь этого, – убежденно проговорил он. – Ты – охотник на темных тварей. Ходоки не убивают людей.

– Это было раньше. Но ты сам сказал, что теперь я другой. Да и человек ли ты?

Кочерга достаточно раскалилась. Глеб достал ее из печи и повернулся к дознавателю.

– Попробуешь закричать, засуну тебе кочергу в пасть, – предупредил он.

Раскаленный докрасна конец кочерги приблизился к лицу Негоды.

– Хорошо! – хрипло выдохнул старший дознаватель, с ужасом глядя на орудие пытки. – Хорошо, я скажу!

Глеб медленно отвел кочергу от его лица.

– Не нравится мое угощение? – усмехнулся он. – Странно. Я слышал, ты очень любишь подчевать им других. Ну, а теперь отвечай: где моя ольстра?

– Твоя ольстра в соседнем доме, – хрипло выговорил дознаватель. – За молодецкой, под самой крышей. Но знай: она под замком, а ключи есть только у князя Добровола и у начальника охоронного дозора.

– Я вышибу дверь, – сказал Глеб.

– Раньше охоронцы вышибут тебе мозги.

Глеб опустил голову и задумался. Он не рассчитывал, что вернуть ружье будет просто. Однако излишние сложности ему тоже ни к чему. Стоит ли игра свеч?

Воспользовавшись задумчивостью ходока, Негода осторожно сунул руку под скамью, нащупал закрепленный на скобах острый нож и бесшумно вынул его из пазов. Взгляд его отвердел, а на щеках вздулись желваки. Один удар должен был решить дело. Старший дознаватель слегка отвел руку, нацелившись в левый бок ходока, чтобы ударить сильно и наверняка.

Нож, сверкнув в свете восковых свечей, стремительно понесся к цели, но не достиг ее. Глеб молниеносно обернулся, отбил руку ката от своего бока, выхватил кинжал и с размаху всадил его Негоде под кадык.

Негода захрипел, во рту у него громко булькнуло, и Глеб едва увернулся от брызнувшего фонтана крови.

– Дурак, – с досадой проговорил Первоход, вынув кинжал и оттолкнув от себя мертвое тело дознавателя. – Какой же ты дурак.

6

Шагнув в коридор, старший дознаватель Негода захлопнул за собой дубовую дверь и повесил на скобы замок. Дважды провернув ключ в замочной скважине, Негода вынул его и сунул в карман. Затем повернулся к двум охоронцам, шагающим ему навстречу с другого конца коридора.

Дождавшись, пока они подойдут ближе, Негода сурово спросил:

– Какого лешего вы здесь ходите? Почему не на улице?

– Так мы погреться, – промямлил один из охоронцев, не глядя дознавателю в глаза.

Несколько мгновений Негода молчал, в упор разглядывая до зубов вооруженных ратников, затем резко велел:

– Ступайте прочь! Смены дожидаться не надо!

Охоронцы недоуменно переглянулись.

– Чего уставились, кретины? – недовольно проговорил Негода. – Убирайтесь к лешему, пока не приказал выбить из вас дерьмо!

Вот это уже было вполне в духе Негоды. Охоронцы повернулись и, ни слова не говоря, зашагали прочь. Они не поняли, что взбрело в голову Негоде, но совсем не горели желанием это выяснять.

Дождавшись, пока они скроются за поворотом, дознаватель Негода повел себя странно. Он прислонился спиной к стене и сплюнул что-то в руку. В тот же миг лицо его задергалось и стало быстро меняться, а рыжеватые волосы начали быстро выцветать, пока не стали полностью седыми. Секунда-другая, и вот уж не дознаватель Негода, а ходок Глеб устало вытер рукавом потный лоб.

Было мгновение, когда в глазах у Первохода помутилось, и он до крови закусил губу, чтобы не потерять сознание. Но Господь оказался милостив, и приступ слабости быстро прошел. Немного передохнув, Глеб снова сунул в рот Перелиц, поправил на поясе меч и зашагал к выходу.

В зале молодецкой было пятеро охоронцев, коротавших время между дозорами за игрою в кости. Главным у них был угрюмый, черный, как цыган, начальник Марибор.

Войдя в молодецкую, Негода громко произнес:

– Привет тебе, начальник охоронцев Марибор!

– Здравствуй и ты, старший дознаватель. Зачем явился?

Негода посмотрел на охоронцев, играющих в кости за широким дубовым столом, вновь перевел взгляд на угрюмого охоронца и тихо проговорил:

– Отойдем-ка в сторонку. Есть разговор.

Начальник охоронцев Марибор нехотя поднялся с лавки и подошел к Негоде. Охоронцы, выходящие в ночные дозоры, недолго любили дознавателей, считая их живодерами и катами, поэтому Марибор смотрел на Негоду с едва скрываемой неприязнью.

– Ну? – недовольно спросил он. – Пошто отвлек?

Негода улыбнулся своей жутковатой, коварной улыбкой и почти шепотом ответил:

– Прослышал я, Марибор, что наверху, возле бывшей молодецкой, есть опечатанная комната. А в той комнате хранится огнестрельный посох Глеба Первохода. Это ведь так?

– Ну, допустим, – прогудел Марибор. – И чего дальше?

– Дозволь мне на него взглянуть.

Начальник охоронцев удивленно приподнял черные, косматые брови.

– Зачем тебе это?

– Я старший дознаватель, Марибор. У меня есть свои тайны. Кроме того, я имею право потребовать открыть любую комнату в Хлынь-граде. И ты знаешь, что это так.

Начальник охоронцев еще больше насутился. Он не горел желанием выполнять приказы старшего дознавателя, однако вынужден был признать, что Негода прав. Около года назад князь Добровол, опасавшийся заговорщиков, издал «Указ об открытых дверях». В соответствии с этим указом любой княжий дознаватель, имеющий на руках разрешение от старшего дознавателя Негоды, мог войти в любую дверь княжества, не спрашивая на то разрешения хозяев.

Несколько мгновений начальник охоронцев Марибор свирепо шевелил бровями, умиряя поднявшийся в груди гнев, затем вздохнул и нехотя признал:

– Твоя правда, дознаватель. Ты можешь войти в любую дверь. Хочешь ли ты, чтобы я отвел тебя туда сейчас?

– Да, – ответил Негода. – Я этого хочу.

Марибор, ни слова не говоря, повернулся и зашагал к шкафу, стоявшему в углу. Обогнул стол с охоронцами, подошел к шкафу и достал из кармана ключ.

Все это время старший дознаватель терпеливо ждал у двери. Пару раз лицо его вдруг начинало странно подергиваться, и тогда Негода отворачивался к двери, закрывал глаза и, взяв волю в кулак, заставлял себя успокоиться.

Наконец Марибор вернулся со связкой ключей в руке.

– Идем, дознаватель, – небрежно проронил он, открыл дверь и первым шагнул в коридор.

Шли бойко. Охоронцы, попадавшие на пути, почтительно кланялись Марибору и скользили по лицу дознавателя Негоды неприязненными взглядами. Наконец свернули к каменной лестнице и стали быстро подниматься вверх, минуя пролет за пролетом.

Несколько минут спустя Марибор и Негода стояли в оружейной комнате.

– Ну, как? – с хмурой усмешкой поинтересовался Марибор. – Нравится?

Негода внимательно осмотрел ольстру. Проверил затвор, спусковой механизм, магазин.

– Надо же, – удивленно проговорил он.

А удивляться было чему. Ольстра, пролежавшая на полке три с лишним года, была не только смазана маслом, но и заряжена. Пули с примесью белого железа, патроны с дробью – оба магазина были полны. Кроме того, в небольшой кожаной сумке, стоявшей тут же, на полке, было еще полтора десятков патронов.

Марибор, глядя на то, как сноровисто управляется Негода с ольстрой, подозрительно сдвинул брови и проговорил глухим, недоверчивым голосом:

– Вижу, тебе и раньше доводилось держать ольстру в руках.

– Было дело, – глухо отозвался старший дознаватель.

Покрутив оружие в руках, он повернулся к Марибору и сказал:

– Я изымаю у тебя ольстру.

По лицу начальника охоронцев пробежала тень. Он сдвинул брови и прорычал:

– Не знаю, полномочен ли ты это сделать, старший дознаватель Негода. Ольстру оставил на сем месте князь Добровол. Иногда он приходит сюда и любуются ею.

– Любуется? – Негода усмехнулся. – И только-то?

Лицо Марибора еще больше потемнело, а глаза превратились в две черные холодные прорези.

– О чем это ты, дознаватель?

– Неужели князь ни разу не пробовал из нее стрелять?

– Нет. Но он приказал содержать ее в чистоте и порядке. Так, как содержатся в Оружейных палатах мушкеты княжских стрельцов.

Несколько мгновений дознаватель и охоронец пристально смотрели друг другу в глаза. Потом Негода облизнул губы и сказал:

– И все же я забираю ольстру. Если ты недоволен, пошли своего человечка к князю. Будь уверен, пресветлый князь подтвердит мои полномочия.

Посчитав дискуссию законченной, дознаватель Негода закинул ружье на правое плечо, а сумку с патронами – на левое, и повернулся к двери. Однако Марибор все еще стоял у него на пути, и вид у охоронца был угрюмо-задумчивый.

– А что, если я не дам тебе вынести ольстру из комнаты? – медленно проговорил он.

– Тогда ты помешаешь важному и срочному расследованию, – холодно отчеканил Негода. – Расследованию, которое я веду по прямому указанию князя. Не думаю, что князю это понравится, но ты можешь попробовать.

– Гм... – Марибор сдвинул брови и задумался. Навлечь на себя гнев князя Добровола ему не хотелось. Это было не просто опасно, а смертельно опасно.

Недели три назад один молодой охоронец споткнулся о камень и налетел на князя головой по время шествия по Сходному мосту. Налетел не сильно, лишь боднул пресветлого чуток лбом в спину, но князь, ни слова не говоря, вынул из ножен кинжал и воткнул его парню в глаз. А потом продолжил шествие – так, будто ничего не случилось.

А в прошлую зиму князь Добровол за что-то осерчал на двух рабынь-наложниц. По приказу князя девок раздели донага, привязали к коням и протащили в таком виде через весь город, прямо по сугробам, буеракам и камням. После сего истязательства истекающих кровью девок швырнули в овраг, где их растерзали бродячие псы.

Лют был князь Добровол во гневе, очень лют. А вспыхнуть мог от любого пустяка.

– Ладно, – выдохнул наконец Марибор. – Твое право, дознаватель. Я тебе перечить не стану.

Начальник охоронцев посторонился, выпуская Негоду из комнаты, а следом вышел и сам. Захлопнул дверь, навесил замок, потом еще один, запер замки, сунул ключи в карман и, повернувшись к дознавателю, осведомился:

– Куда ты понесешь ольстру?

– В пыточный дом, – ответил Негода.

– Вот как? Отчего же ты не взял с собою стражу?

Негода растерянно нахмурился, но Марибор положил ему на плечо тяжелую длань и миролюбиво проговорил:

– Не беда. Я сам провожу тебя до пыточного дома.

– Но...

– И не возражай. Ольстра слишком ценна, чтобы носить ее одному. Либо так, либо никак.

– Что ж... – Негода отвернулся, и по его побледневшему лицу пробежала судорога. – Тогда идем.

И два недруга-начальника вместе зашагали по гулкому коридору.

7

На улице похолодало. Дул резкий ветер, заставляя Негоду поеживаться. Марибор же, казалось, не замечал ветра. Он был широк и тверд, как скала, и так же негибким.

На полпути к пыточному дому Негода вдруг остановился и пошатнулся.

– Что с тобой? – сухо осведомился охоронец.

Негода вскинул руку к лицу и хрипло проговорил сквозь прижатую к лицу ладонь:

– Нет... Ничего...

Он не договорил, снова пошатнулся и вдруг громко застонал. Волосы его стали стремительно белеть, а верх лица, не прикрытый ладонью и освещенный призрачным и тусклым светом луны, задержался, словно под кожей у дознавателя забегали жуки.

Марибор, еще не осознав до конца, что происходит, схватился за крест меча. Однако Глеб оказался быстрее. Отняв руку от изменившегося лица, он прыгнул вперед и боднул охоронца головой в грудь. Тот не упал, лишь шагнул назад, но машинально отдернул руку от меча. Воспользовавшись этим мгновением, Глеб выхватил свой меч и рубанул Марибора клинком по ноге.

Начальник охоронцев вскрикнул и повалился на землю. Штанина на его раненой ноге быстро промокла от крови. Глеб приставил конец меча к его груди и уверенно отчеканил:

– Сиди, где сидишь, Марибор, и останешься жив!

Начальник охоронцев мрачно взглянул на Глеба снизу-вверх.

– Выходит, ты сумел выбраться из Мории, ходок?! – прорычал он. – Видно, тебе помогают злые духи, раз ты сумел прийти сюда.

– Может, злые. А может, и добрые.

– Добрые? – Марибор скривился от боли в ноге и ухмыльнулся. – Ты убивал княжских ратников. А они не слишком-то похожи на темных тварей.

– Верно. Но они воины, и смерть – часть их работы.

Марибор попробовал шевельнуть ногой, зашипел от боли и прищурил холодные глаза.

– Тебе их совсем не жалко, ходок?

Глеб не ответил. Глянув на лужу крови, растекающуюся от ноги охоронца, он сказал:

– Перетяни бедро ремнем, если не хочешь остаться без ноги.

Марибор ощерил желтоватые зубы.

– Зачем мертвецу нога?

– Ты не мертвец.

Начальник охоронцев качнул цыганской головой.

– Ты украл ольстру, – сказал он. – Князь мне этого не простит. Лучше добей меня перед тем, как уйти. Не хочу подохнуть на дыбе.

Глеб понимал, что Марибор прав. Милосердия ради он должен был добить здоровяка. Но убить раненого и поверженного врага... на это у Глеба не хватало духу.

– Знаешь... – сипло начал он. – Я не стану тебя...

В это мгновение ветер переменялся и подул в сторону сторожевого дома охоронцев.

– Измена! – рявкнул Марибор. – Измена-а-а!

Глеб ударил охоронца мечом по голове, и Марибор захлебнулся собственным криком. Но было уже поздно. В сторожевом доме проревел охотничий рог, служащий сигналом тревоги.

Глеб быстро вытер окровавленный меч о чистую штанину мертвого охоронца, вложил меч в ножны, повернулся и, придерживая одной рукой перевязь с ножнами, в другой – ольстру, побежал к забору.

Через забор он перепрыгнул с трудом, а приземлившись по ту сторону, едва не потерял

равновесие и не ткнулся лицом в траву. Усталое тело болело, а суставы ныли, требуя отдыха. По лицу то и дело пробегали болезненные судороги – последствия применения Перелица, позволившего Глебу изменить внешность и похитить ольстру.

Слегка прихрамывая, Первоход побежал прочь от забора. Однако не успел он пробежать и полверсты, как в отдалении послышались крики охоронцев и собачий лай. Должно быть, они обнаружили тело Марибора и совершенно очевидно – пустили по следу Глеба сторожевых псов.

– Дьявол, – процедил Первоход сквозь сжатые зубы и ускорил бег.

Желания встречаться с огромными овчарками у него не было никакого. Однако встретиться пришлось. Огромные лохматые звери быстро нагнали беглеца.

Один из псов резко рванулся вперед, пробежал несколько саженей большими скачками и взвился в воздух. Однако, прежде чем зубы пса коснулись горла Первохода, ходок молниеносно рубанул зверя мечом по груди. Пес рухнул к ногам ходока с развороченной грудью и попытался укунить беглеца за сапог. Глеб отдернул ногу и сильным ударом меча добил пса.

Но к нему уже неслись еще два зверя. Свистнул, рассекая воздух, меч. Первый пес с громким визгом отлетел в сторону, разбрызгивая потроха. Второй ткнулся мордой в землю и оцепенел.

Глеб вытер рукавом потный лоб. Скоро весть о похитителе «громового посоха» разлетится по всему городу. Князь Добровол не настолько глуп, чтобы не сложить в уме два и два. Он и его советники сразу поймут, что Глеб Первоход вернулся в Хлынь, а поняв, поднимут на ноги всех дружинников и охоронцев.

Теперь нельзя было терять ни минуты.

8

Глеб не просто так выбрал этот вечер для решающего удара. Он знал, что каждый четверг князь пирует со своими военачальниками в пиршественном зале. Пиршественный зал находился над подвалами, стены в нем были выложены из гранита и облицованы малахитом, а дубовые двери были так толсты и мощны, что, даже приникнув к ним с другой стороны ухом, никто бы не смог расслышать, о чем князь толкует за трапезой со своими военачальниками и боярами.

Пиршественный зал был настоящей звуконепроницаемой крепостью. Однако, будучи когда-то первым советником княгини Натальи, Глеб подробно и тщательно обследовал огромный княжий терем и знал в нем все тайные ходы. В том числе и такие, о которых не догадывались ни князь Добровол, ни сама княгиня Наталья.

Один из этих ходов, тайный, подземный, прорытый еще лет двести назад, а лет сто назад благополучно позабытый, вел от высокого забора, огораживающего двор, к княжьим бертьяницам, где хранились зерно, колбасы, кожи и вино.

Этим-то подземным ходом и воспользовался Глеб, чтобы проникнуть в терем.

Пир уже начался. Столы были расставлены в три ряда. Подле них стояли дубовые скамьи, накрытые шкурами. Трон самого князя был заботливо укрыт мягким персидским ковром. Пиршественная посуда сверкала в свете сотен свечей – золоченые ковши были щедро украшены жемчугом, а винные кубки были сплошь из серебра.

Пир явно длился уже более получаса, однако князя Добровола во главе стола Глеб не увидел. Должно быть, «пресветлый и всемогущий властелин» сидел в углу, за китайской ширмой, где для него был приготовлен отхожий горшок с позолоченным стульчаком. Остальным бражникам полагалось справлять нужду во дворе, и только князь мог делать *это*, не покидая пиршественного зала.

Вскоре холопы с пустыми кувшинами и блюдами зашагали к бертьяницам за добавкой, а следом за ними захромал распорядитель-кравчий. Это был здоровенный, костлявый мужик с плешивой головой и белесой, всклокоченной бородкой.

Глеб пропустил холопов мимо, дождался пестро разодетого кравчего, быстро схватил его за шиворот, прижал к себе и накрыл ему рот ладонью.

– Тихо, – шепнул он в красное ухо кравчего. – Крикнешь – умрешь. Промолчишь – останешься жив. Понял меня?

Хромой верзила скосил глаза на Глеба и кивнул. Глеб убрал ладонь с губ кравчего и тихо спросил:

– Сколько за столом гостей?

– Две дюжины, – сипло ответил кравчий, быстро сообразив, что с человеком, который так легко проник в пиршественный зал, миновав четыре заслона охоронцев, шутки плохи.

– Отчего так мало? – спросил Глеб.

– После очередного выкидыша у княгини Натальи князь разлюбил шумные пиры.

– Ясно. А воевода Бранимир там?

– Да.

– Сотники?

Кравчий наморщил лоб и ответил:

– Десятеро.

– Кто остальные?

– Дворовые бояре и их слуги. – Кравчий вновь покосился на Глеба и сглотнул слюну. – Кто ты, парень? На печенег али хазара не похож.

Глеб не ответил. Прикинув в голове дальнейшие действия, он распорядился:

– Поди к двери и закрой ее за холопами.

– Так ведь будут стучать, – неуверенно возразил кравчий.

– Пусть стучат. Ступай.

Кравчий заковылял к двери, ведущей к бертьяницам, и закрыл ее. Потом нагнулся, поднял с пола дубовую балку и положил ее на железные скобы. Обернулся и посмотрел на Глеба, ожидая дальнейших распоряжений.

– Снимай одежду, – сухо сказал Первоход.

– Чегось?

– Снимай одежду. И поживее.

Кравчий нахмурился, но и на этот раз не осмелился спорить с человеком, на боку у которого висел меч, а из-за плеча торчал срезанный приклад мушкета.

В пиршественный зал князь строго-настрого воспрещал входить с оружием. Исключение делалось только для воеводы Бранимира и самых преданных сотников. Кравчий это прекрасно знал. Знал это и Глеб.

Наконец верзила-кравчий стянул с себя светлый плащ, парчовую куртку и красные атласные штаны, оставшись в одних портках.

– Молодец, – похвалил его Глеб. – А теперь развернись.

Кравчий повиновался беспрекословно. Дождавшись, пока он повернется спиной, Глеб вынул из ножен кинжал и ударил кравчего по лысоватому затылку тяжелой наборной рукоятью. Затем подхватил падающего верзилу под мышки и аккуратно уложил на пол.

На то, чтобы переодеться в пеструю одежду распорядителя, ушло меньше минуты. Когда все было готово, Глеб понадежнее упрятал меч и ольстру под плащ, вышел в гудящий двумя дюжинами мужских голосов зал, пересек его быстрой походкой и подошел к дубовым створам, ведущим в соседнюю проходную комнату, а из нее – в широкий теремной коридор.

Как Глеб и предполагал, никто из присутствующих не обратил на него внимания. Большие гости были заняты трапезой, разговорами и возлияниями.

Остановившись у двери, Первоход поднял руки и, стараясь действовать как можно тише, проверил запоры, потом выхватил из-под плаща меч и ольстру и развернулся лицом к пиршественным столам.

Новый приступ слабости заставил Глеба покачнуться. Он стиснул зубы и полоснул себя по руке лезвием меча. Острая боль заставила туман перед глазами рассеяться, и прежде чем зрение полностью вернулось, Глеб громко прокричал:

Ходоку пришлось еще дважды выкрикнуть княжье имя, прежде чем гул голосов затих и в зале воцарилась тишина. И тут брови Глеба съехались на переносице. Князя Добровола за столом по-прежнему не было, но и закуток за китайской ширмой, который просматривался от двери насквозь, был пуст.

Когда Глеб перевел взгляд на военачальников, воевода Бранимир и четыре его сотника уже сжимали в руках мечи и свирепо смотрели на незваного гостя. Страх у них в глазах не было, только удивление и ярость.

Воевода Бранимир был крупным седобородым мужчиной с широким лицом, испещренным шрамами. Кольчуги на нем не было, только роскошная светлая ферязь, подпоясанная широким золоченым поясом.

Сотники были одеты так же, только пояса на них были серебряные, а сами они выглядели лет на десять моложе воеводы.

– Кто ты такой и почему пришел в пиршественный зал с оружием? – грозно рявкнул Бранимир.

– Мое имя Первоход! – так же громко ответил Глеб. – Меня не было в княжьем граде три года, но многие из вас отлично меня помнят!

По залу пробежал ропот, военачальники обменялись удивленными взглядами. Первоход тем временем окончательно понял, что совершил ошибку. Князя Добровола в пиршественном зале не было, а рискованная и тщательно просчитанная вылазка Глеба лишалась всякого смысла.

«Какого лешего я вылез? – с отчаянием, злобой и горечью подумал он. – Видел ведь, что Добровола нет!»

Да, видел. И уверил себя, что князь за ширмой. Просчет, который можно объяснить лишь приступом слабости и связанным с ним помутнением сознания.

Глеб, по-прежнему сжимая в руках меч и обрез ружья, чуть повернул голову и покосился на дверь у себя за спиной. На смену злобе и отчаянию пришла тоска. Единственный шанс на успех упущен. Другого, возможно, не будет.

Глеб собрал волю в кулак и крикнул:

– Где Добровол?! Почему его нет в пиршественном зале?!

Воевода и вооруженные сотники перешагнули через лавки и двинулись на Глеба. Лица их были словно высечены из гранита, а глаза блестели холодным, безжалостным блеском. Глеб спокойно поднял ольстру и нажал на спусковой крючок. Громыкнул выстрел. Пуля сбила со стола свечу, пробила насквозь бочонок с вином и высекла искры из каменной стены за спиной у воеводы.

Ратники остановились. Вот теперь они готовы были слушать.

– Воевода Бранимир, опусти оружие! – властно и громко приказал Глеб. – И вели своим сотникам бросить мечи и лечь животами на пол!

На широком, испещренном шрамами лице воеводы не дрогнул ни один мускул.

– Как посмел ты ворваться с ольстрой в пиршественный зал?! – пророкотал он, испепеляя Первохода гневным взглядом.

Тон воеводы был презрительным и надменным, и Глеб почувствовал, как в душе у него горячей волной поднимается гнев.

– Вели им лечь на пол, если не хочешь, чтобы я убил вас всех, – отчеканил Глеб. – Ну!

Воевода чуть прищурил серые глаза и качнул седобородой головой.

– Ты не посмеешь, ходо.

– Правда?

Глеб сунул меч в ножны и достал из кармана штанов кожаный мешочек с огненным зельем, начиненный железной шрапнелью. Затем протянул руку, поднес мешочек к пламени

свечи и запалил фитиль. По залу вновь пронесся ропот. Сотники смотрели на Глеба молча и холодно, но глаза домовых бояр наполнились страхом.

– Когда фитиль догорит, будет взрыв, – безжалостным голосом сообщил Глеб. – И он будет столь страшен, что в сравнении с ним взрыв пушечного ядра – просто детская шалость.

– Ты врешь! – пророкотал воевода.

– Да ну? – Глеб прищурился. – Кажется, ты забыл, кто изобрел вам все эти мушкеты и пушки. Ты говоришь не с простым ходоком и не с бездомным бродягой. Ты говоришь с Глебом Первоходом. А теперь вели своим людям лечь на пол, пока бомба не взорвалась.

Воевода несколько секунд смотрел на тлеющий фитилек бомбы, потом нервно повел подбородком и приказал:

– Сотники, делайте, как он велит!

Подчинились сотники беспрекословно. Швырнули на пол мечи, а затем и сами распластались на широких листовенничных досках. Глеб вперил взгляд в лицо воеводы и повторил свой вопрос:

– Где князь Добровол? Почему его нет в зале?

– Его нет не только в зале, ходок. Его нет во всем тереме. Нет и не будет еще несколько дней. Ты ошибся и проиграл. Признай это и сдайся. – Несколько секунд воевода молчал, потом насмешливо посмотрел на ольстру и проговорил: – Неужели ты думаешь, что мушкет поможет тебе?

– До сих пор помогал, – сказал Глеб.

В этот миг самый молодой из сотников вскочил на ноги и со скоростью рыси прыгнул на Глеба. Прогремел выстрел, и сотник рухнул на пол с простреленной грудью. Глеб посмотрел на труп сотника и мрачно изрек:

– Некоторым проще умереть, чем поверить в очевидное.

Горячая волна гнева вновь захлестнула Глеба. Желание расправиться с ратниками было почти непреодолимо. Палец Первохода вновь лег на спусковой крючок. Он двинул в сторону головой, разминая шею, и тут что-то укололо его в ключицу. Глеб не сразу понял, что это, а когда понял, нахмурился: это был серебряный крестик Рамона.

Несколько мгновений Глеб стоял неподвижно, потом медленно опустил ольстру.

– А теперь, вояки, делайте, как я скажу! – прорычал он. – И если посмеете меня послушаться... Я убью вас всех!

* * *

Выйдя из терема, Глеб сунул ольстру в кобуру и двинулся дальше. Сильный северный ветер гнал по черному небу серые обрывки туч, охапками сбивая листья с берез.

В отдалении, у костерка, стояли, надвинув шапки на уши и втянув головы в воротники кафтанов и кожухов, замерзшие охоронцы.

Холод, неизвестность и мрачная пустота в душе навевали на Глеба мрачные мысли. Вечер был слишком богат на события и сильно истощил его. Бояр, слуг и ратников Первоход оставил в пиршественном зале, на полу, связанными по рукам и ногам. Рты их были заткнуты кляпами, сделанными из распоротых рушников.

Однако Глеб не успел пройти и двадцати шагов по теремному двору, как вдруг охоронцы встрепенулись, а из-за высокого забора донесся звук трубы. Едва Первоход успел укрыться за одним из сарайчиков, как широкие ворота распахнулись, и во двор въехал князь Добровол в окружении всадников с мушкетами. Судя по неровной посадке, князь был пьян.

«Должно быть, вернулся из Порочного града», – пронеслось в голове у Глеба.

Князь Добровол сидел на огромном, толстоногом коне. Меч его, усыпанный драгоценными камнями, бился по бархатному чепраку. Небрежно швырнув поводья подбежавшему слуге, Добровол слез с коня и любовно похлопал его ладонью по шее. Перстни, отразив свет костра и факелов, ярко брызнули на пальцах Добровола.

И в этот миг Глеб открыл огонь. Три стрелка Добровола, не успев достать мушкеты,

слетели с коней и рухнули в грязь. Еще четверо успели запалить фитили, но Глеб не дал им времени прицелиться. Когда мушкеты выстрелили, сами стрелки уже лежали на земле бездыханными.

Оставшимся Глеб крикнул:

– Опустите мушкеты, стрельцы!

Двое не подчинились. Глеб вскинул ольстру к плечу и первым же выстрелом разmozжил одному из них голову. Второй предпочел не искушать судьбу, швырнул мушкет на землю и поднял руки.

Глеб перевел взгляд на князя Добровола. Тот стоял посреди двора, среди окровавленных тел стрелков, и смотрел на Глеба. Плотный, осанистый, густобородый, князь был бледен, но во взгляде его не было ни удивления, ни испуга.

– Я ждал тебя, ходок, – проговорил он раскатисто и властно. – Ждал с того самого дня, когда узнал о твоём побеге из Мории.

– Тогда ты знаешь, что будет дальше! – так же громко отозвался Глеб. – Я пришел тебя убить, Добровол.

Князь усмехнулся в каштановую бороду и слегка качнул головой:

– Нет, ходок. Ты пришел со мной поговорить. И поверь: мне есть, что тебе сказать.

Глеб продолжал держать Добровола на прицеле. Тогда князь широко усмехнулся и сказал:

– Ты скверно выглядишь, ходок. Мория высосала из тебя все соки. Должно быть, тебе трудно держать в руках ольстру. Что, если мы пройдем в терем и сядем за стол? Я прикажу подать нам лучшего вина и самых вкусных закусок.

– Ты, видать, и впрямь сошел с ума, если думаешь, что я сяду с тобой за стол, – холодно проговорил Глеб.

– Вот как? – В бороде Добровола вновь тускло сверкнула улыбка. – Ну, тогда давай, убивай меня. Ну же! Стреляй!

Глеб медлил.

– Что же ты не стреляешь, ходок? Не хватает духу убить своего князя? – Добровол усмехнулся и обвел насмешливым взглядом притихших стрельцов и челядь. – Вы видите? – громко и спокойно произнес он. – Сам Глеб Первоход, о котором рассказывают так много сказок, не решается меня убить! Воистину, я, а не он, – избранник богов!

Добровол засмеялся, затем вновь посмотрел на Глеба и сказал:

– Опусти свой мушкет, ходок. Ты способен на многие чудеса, но все они ничто перед моей властью. И перед моей волей.

Глаза Глеба заволокло гневной пеленой, но руки, которым и впрямь тяжело было держать ольстру, подвели. «Громовой посох» медленно опустился.

– Вот так, – кивнул князь Добровол. Он глянул на своих стрелков и презрительно проговорил: – Поднимите свои мушкеты, ратники. И не дрожите. Мое слово разит сильнее ольстры, а перед моею властью все стрелы и пули – вздор.

Глеб стоял перед своим врагом, растерянный и обескураженный, не понимая, что с ним произошло и почему, черт возьми, он не смог нажать на спусковой крючок.

– А теперь ступай за мной в терем, Первоход, – приказал Добровол. – А вы... – он небрежно глянул на челядь, – ...уберите здесь.

10

Они сидели в маленькой горнице, которую Добровол назвал «моей темницей». Князь – в кресле, накрытом мягкой рысьей шкурой, Глеб – на жесткой резной скамье.

Добровол первым нарушил долгое молчание:

– Ну? И что ты скажешь, Первоход?

– Я убил половину твоего «убойного отряда», – сказал Глеб ледяным голосом.

Князь дернул упитанной щекой и небрежно проговорил:

– Вздор, наберу новых. Пред тем как я отправил тебя в Морию, ты щедро меня одарил. Нет в мире власти прочнее той, которая держится на мушкетах и пушках. Воистину ты самый великий мастер на земле, раз сумел упрятать в их стволы столь могучую силу.

Глеб никак не отреагировал на этот насмешливый комплимент.

– Почему я не смог тебя убить? – сухо спросил он.

Добровол достал с шеи гайтан, на котором висел небольшой костяной амулет, и показал его Глебу.

– Узнаешь? Это амулет богини Сорни-Най, которой поклоняются лесные люди. Это ведь она отправила тебя из далекого грядущего в наш скудный «средний» мир.

Глеб удивленно приподнял брови.

– Я думал, ты не веришь в эти сказки, Добровол.

Князь усмехнулся.

– Я верю во многое такое, что более ограниченные умы считают ерундою и вымыслом. И, как ты уже знаешь, моя вера сделала меня самым великим властителем в этой части мира. Но речь сейчас не об этом. Богиня Сорни-Най может отправить тебя обратно, в твоё время.

– Откуда ты это знаешь?

Добровол усмехнулся.

– Не один ты обращаешься за помощью к великим вещуньям.

– Тебе все это рассказала Голица?

– А разве она единственная вещунья в нашем княжестве?

Глеб на мгновение замер, а потом с угрюмой недоверчивостью спросил:

– Хочешь сказать, что встречался с ведьмой Мамелфой?

– Она не просто ведьма. Она – самая великая из всех ведьм.

Глеб качнул головой. Затем прищурил темные, глубоко запавшие глаза.

– Мамелфа никогда и никому не помогает за просто так. За свою помощь она берет плату, и плата эта страшна.

– Правда? – Князь хмыкнул. – Как знать, возможно, для меня она сделала исключение.

– Ты отдал ей свое живое сердце в обмен на мертвое? Отвечай мне, Добровол! Твое сердце мертво? Это оно выморозило твою душу и превратило тебя в безжалостного зверя?

– В безжалостного зверя? – Зрачки князя сузились. – Это ты говоришь обо мне? Двор перед теремом усеян мертвецами. И всех этих людей убил ты. Ты, а не я!

Глеб молчал.

– Ты думал, что наше княжество поражено болезнью, – продолжил Добровол, снисходительно глядя на ходока. – Ты хотел его вылечить, ходок. И у тебя получилось. Ты хороший лекарь, Первоход.

Глеб вытер рукавом сухие, потрескавшиеся губы, взглянул Доброволу в глаза, усмехнулся и проговорил сипловатым голосом:

– Я не лекарь. Я боль.

Князь откинулся на спинку кресла и засмеялся. Потом смахнул с глаз выступившие слезы и сказал:

– Амулет Сорни-Най у меня, ходок. Поэтому ты и не смог меня убить. И от меня зависит, вернешься ты домой или нет. Я – твой повелитель.

Глеб несколько секунд молчал, затем холодно процедил:

– Не слишком ли много ты на себя берешь, Добровол?

– Не больше, чем могу унести, – в тон ему ответил князь. – Я отдам тебе амулет Сорни-Най, ходок. И ты сможешь вернуться домой, когда пожелаешь. Амулет исполнит твоё желание.

– Но ты не отдашь мне его просто так. Что я должен сделать?

Добровол приосанился, приподнял голову и небрежно обронил:

– Послужи мне, Первоход.

Брови Глеба приподнялись.

– Я не ослышался? Ты хочешь, чтобы я стал твоим слугой.

– Ты не ослышался, ходок. Ты лучший «охотник за головами» из всех, кого я знал.
– Я охочусь лишь на головы темных тварей.
– Верно, – кивнул князь. – Именно поэтому я обращаюсь к тебе. Прежде чем мы продолжим разговор, я хочу, чтобы ты кое на что взглянул. – Добровол поднялся с кресла. – Следуй за мной, Первоход.
– Куда?
– В подвал. И приготовься. Зрелище будет неприятное.

11

Князь Добровол не обманул Глеба, когда говорил, что зрелище будет неприятным. Не обманул – просто слегка «смягчил краски».

Помещение, в которое князь привел Глеба, было раза в два меньше пиршественного зала. Каменные стены покрыты изморосью. Несколько березовых и смоляных факелов, воткнутых в железные скобы, тускло освещали ряд дубовых столов, на которых лежали (как вначале показалось Глебу) большие свертки.

Едва переступив порог зала, Первоход поморщился от тяжелого, неприятного запаха.

– Чем здесь воняет? – спросил он.

Князь Добровол усмехнулся:

– Сейчас сам все увидишь.

Впустив Глеба и войдя вслед за ним, он плотно притворил за собой дверь, затем повернулся лицом к комнате и громко окликнул:

– Прехвал! Куда ты подевался, подлый лекаришко?

В углу, на лавке, зашевелилось что-то темное. Приглядевшись, Глеб понял, что это человек. Тощий, с растрепанными волосами и такой же растрепанной скудной бороденкой. Человечек сел на лавке и потер кулаками глаза.

– Прости, княже, – проговорил он тонким, сипловатым голосом. – Кажись, я задремал.

Тощий человечек отнял кулаки от глаз, взглянул на Глеба, близоруко прищурился и спросил:

– Кто это с тобой, пресветлый князь?

– Это мой гость, – ответил Добровол. – Его зовут Глеб Первоход.

Тощий поднялся на ноги. Вынул из железной скобы факелок и поджег еще два, прикрепленных рядом. В зале стало светлее. Тощий сунул факелок за скобу и вновь повернулся к вошедшим.

– Прости, пресветлый князь, – с глумливой усмешкой проговорил он, – но мне нечем попотчевать твоего гостя. Если, конечно, твой гость не питается мертвечиной.

Тощий хихикнул, и князь Добровол неприязненно скривился.

– Гляди, чтоб твои шутки не довели тебя до беды, Прехвал.

Тощий человечек стер ухмылку с лица и подошел к князю. Одет он был в заношенный шерстяной подклад и кожаный фартук, забрызганный чем-то белым.

– Этот шутник – мой лекарь Прехвал, – сказал Добровол, обращаясь к Глебу. – Не смотри, что выглядит как шут. В лекарской науке этому скомороху нет равных.

Остановившись перед Глебом, лекарь оглядел его с ног до головы, откинул с высокого, шишковатого лба прядку реденьких волос и весело проговорил:

– Так значит ты – Первоход? Тот самый, который сварил целебное снадобье из обычной плесени? Приятно с тобой познакомиться, ученый муж.

Он протянул Глебу руку, и тот без особого энтузиазма ее пожал. Ладонь у лекаря Прехвала была тощей, холодной и липкой, но пожатие – на удивление крепким.

Покончив с приветствием, Глеб осмотрел столы, на которых под грязными покрывалами было разложено что-то большое, затем покосился на князя и спросил:

– Зачем мы здесь?

Добровол, не отвечая ему, снова обратился к своему лекарю:

- Прехвал, я ничего ему не рассказывал. Хотел, чтобы он сперва посмотрел.
- Правильно сделал, княже. Тому, что здесь лежит, нет названия.
- Тогда покажи ему все, а я зайду после.

Добровол вышел из зала. Лекарь Прехвал ущипнул себя за клочковатую бородку, с любопытством оглядел Глеба и сказал:

- Что ж, ходок, идем. Сейчас ты все увидишь сам.

Лекарь повернулся и зашагал к ближайшему столу. Глеб секунду стоял на месте, потом нехотя последовал за ним. Остановившись возле стола, лекарь протянул руку и одним резким движением сдернул покрывало.

На столе, вне всякого сомнения, лежало тело человека. Тело было обнажено и с головы до ног опутано какой-то белой дрянью, похожей на паутину. Неприятное зрелище, однако Глебу доводилось видеть и не такое.

- И что дальше? – сухо спросил он.
- Как видишь, это человек. И он мертв. Но это еще не все.

Лекарь протянул руки к телу, лежащему на столе, подцепил паутину ногтями и резко раздвинул ее, открыв взглядам живот мертвеца. В животе этом, синеватом, чуть вздувшемся, багровела рана.

– Это десятник Бориполк, – объяснил лекарь. – Он отправил своих ратников в дозор, а сам пошел к костру. Там его и нашли. Это случилось неподалеку от Гиблого места. В полутора верстах от межи.

- Вот как, – неопределенно проговорил Глеб. – И что же с ним случилось?
- Какая-то тварь вспорола Бориполку брюхо и запихала в него свое яйцо.
- Яйцо?
- Да. Сейчас я покажу.

Лекарь Прехвал повернулся к соседнему столу и сорвал второе покрывало. На столе и впрямь лежало большое черное яйцо. Гладкое, блестящее, идеально ровное. Размером оно было с небольшую дыню. Под ложечкой у Глеба засосало от неприятного предчувствия. Он облизнул языком пересохшие губы и тихо спросил:

- Что было внутри яйца?
- Ничего, – ответил лекарь.
- Как ничего?

– Да вот так. Когда я надрезал скорлупу, из яйца вырвался клубок дыма и тут же рассеялся в воздухе. Больше там ничего не было.

Прехвал протянул руки, осторожно взял яйцо и так же осторожно перевернул его. С другой стороны в яйце зияла большая дыра. Изнанка яйца оказалась такой же черной и блестящей, как поверхность. Глеб отвел от него взгляд, посмотрел на соседний стол, на котором, под затертым до дыр льняным покрывальцем тоже что-то лежало, и спросил:

- Что там?

Лекарь усмехнулся, подошел к столу и, не отвечая, сорвал покрывало, предоставив Глебу увидеть все самому.

Увиденное заставило Глеба побледнеть. На первый взгляд это было похоже на кучу окровавленного, но уже подсохшего тряпья, испачканного белой пылью. Однако тряпье это было странным, и лишь приглядевшись, можно было угадать на нем пучки волос, высохшие глаза, дырочки ноздрей и желтые, ссохшиеся уши, похожие на скрученные сухие листья.

- Это... – Глеб сглотнул слюну. – Это было человеком?

Лекарь кивнул:

- Да. Но теперь это лишь высохшая кожа с остатками плоти.

Глеб перевел взгляд ниже и увидел уже знакомый разрез.

- Внутри этого парня тоже было яйцо? – хрипло спросил он.

– Да, – ответил лекарь. – Что-то выросло у него в утробе, а затем выползло из него. Что-то большое. Примерно... как человек.

Лекарь замолчал, подождал, не скажет ли чего Глеб, затем продолжил:

– Думаю, первый труп – это начало. Какой-то огромный паразит убил человека и отложил в него свое яйцо, как это делают мухи. Потом... – Прехвал указал на второй труп, вернее, на то, что от него осталось. – Из яйца вылупилась личинка, выела своему носителю все потроха, а окрепнув, выбралась из него наружу.

С полминуты Глеб молча обдумывал увиденное, а затем спросил:

– Что за тварь могла сделать такое с людьми?

Лекарь улыбнулся.

– А вот это самое интересное, – сказал он. – Пройдем к следующему столу.

Прехвал дошел до стола первым, подождал, пока Глеб встанет рядом, затем ухватил покрывало за край и стянул его. Глеб невольно отступил назад, рот его открылся от удивления, а на лбу выступили капли пота.

На столе лежало нечто странное. На первый взгляд существо походило на человека, закутанного в белый плащ. Все оно было белое, словно присыпанное мукой. Гладкая белая голова по виду напоминала человеческий череп, однако вместо челюстей у существа были жвала, словно у насекомого.

Приглядевшись, Глеб понял, что полы белого плаща на самом деле крылья.

– Что это за тварь? – тихо спросил Глеб. – Откуда она?

Лекарь ухмыльнулся.

– Красавец, правда? Стрельцы прикончили его два дня назад, недалеко от Кривой балки. Видишь эти дыры? – Лекарь указал пальцем на черные запекшиеся прорехи на груди и животе существа. – Они всадили в него пять пуль из белого железа, прежде чем он издох. Хотя любой другой твари, пришедшей к нам из гиблой чащобы, хватило бы и одной.

– Ты думаешь, что эта тварь явилась из гиблой чащобы?

– А где еще могло зародиться такое чудовище?

Глеб вынул из-за пояса кинжал и тронул одно крыло твари острием. На кончике острия осталось белое пятнышко.

– Крылья покрыты пылью, – объяснил лекарь. – Я назвал эту тварь Призрачным всадником. Потому что крылья его похожи на плащи, какие носят наши конные ратники.

– Ты осмотрел внутренние органы этой твари? – спросил Глеб.

Прехвал кивнул.

– Конечно. Снаружи они похожи на человеческие. А вот внутри... Впрочем, лучше тебе взглянуть на это самому.

И он взялся за щипцы.

Глеб, преодолевая отвращение, склонился над распотрошенным чудовищем и взглянул на разрезанное темно-багровое сердце. Ткань этого сердца была очень странной. Она словно состояла из сотен черных, обугленных паутинок, переплетенных между собой.

– Красиво, правда? – услышал Глеб сипловатый голос лекаря. – То же самое в печени, селезенке и кишечнике. Да и легкие выглядят так же. Если хочешь, могу показать.

Глеб выпрямился и качнул головой.

– Не надо.

Затем полез в карман за бутовыми сигаретами. Лекарь с интересом посмотрел, как Глеб прикуривает от железного огнива, ухмыльнулся, достал из кармана кожаного фартука сухарик и бросил его в рот.

– Ты часто ходил в Гиблое место, верно? – поинтересовался он, хрустнув сухариком.

Глеб не ответил. Лишь пыхнул сигаретой и прищурил глаза от дыма.

– Быть может, тебе приходилось видеть что-нибудь подобное прежде? – снова спросил лекарь.

Глеб стряхнул с сигареты пепел, вновь посмотрел на белую крылатую тварь, лежащую на столе, и сказал:

– Прежде я таких не встречал.

Лекарь улыбнулся, вздохнул и мечтательно проговорил:

– Хотел бы я хоть раз побывать в гиблой чащобе.

Глеб жестко прищурился.

– Зачем тебе?

– Я ученый. Меня влечет все новое. – Прехвал помолчал секунду и добавил: – Мне доводилось вскрывать упырей, волколаков и оборотней. Я пытался разложить на составные части бурую пыль и голодную грязь. Однако я никогда не дышал воздухом Гиблого места.

– Удовольствие небольшое, – угрюмо проронил Глеб.

– Да, но все-таки. – Лекарь как-то странно покосился на Глеба и осторожно вымолвил: – В народе болтают, что люди, которые часто ходят в Гиблое место, подпитываются его Силой. И что со временем они становятся такими же сильными и живучими, как темные твари. Правда ли это?

Глеб усмехнулся.

– Ты бы с удовольствием разложил меня на этом столе и вскрыл, верно?

– Верно, – признался Прехвал.

– Вот тут тебе не обломится, лекарь. Уж извини.

Прехвал улыбнулся.

– Как знать, ходок, как знать. Однажды боги могут смилостивиться и подарить мне эту возможность.

Несколько секунд оба молчали, с холодным, неприязненным интересом разглядывая друг друга, затем лекарь сказал:

– Итак, подведем итог. В городе появились новые твари. Эти твари убивают людей и откладывают в трупах свои мерзкие яйца. А затем из этих яиц вылупляются какие-то убудки, сжирают тела и, набравшись сил, выбираются...

Дверь зала со скрипом открылась, и на пороге снова появился Добровол. Войдя в зал, князь плотно притворил за собой дверь и посмотрел на Глеба.

– Что скажешь, ходок? – спросил он, прищулив маслянистые глаза. – Увиденное произвело на тебя впечатление?

– Зачем ты привел меня сюда, Добровол? – ответил Глеб вопросом на вопрос. – Чего от меня хочешь?

Князь сделал лекарю знак, тот кивнул, взял покрывало и быстро накрыл им белую тварь.

– Видишь ли, Первоход, – медленно начал Добровол, – ты лучший из ходоков, и я никогда этого не оспаривал. Никто не умеет сражаться с темными тварями лучше тебя. Я хочу, чтобы ты разобрался в этом деле. Покамест мне удастся держать все в тайне. Но представь, что начнется, когда горожане узнают про чудовищ, рыскающих по городу и откладывающих в людях яйца. – Добровол передернул плечами и добавил, скривив лицо: – По городу и без того идет молва, что я не могу совладать с темными тварями.

Глеб смотрел на князя удивленно:

– Неужели ты боишься бунта? У тебя есть мушкеты и пушки. При желании ты можешь стереть город с лица земли.

– Могу, – согласился князь. – Но кем я тогда буду править? Из кого набирать воинов? Из печенегов или хазар? – Он усмехнулся и качнул головой. – Люди называют меня злыднем, ходок, но не хотят замечать, что зол я только к чужим. Страх застил им глаза, и они не видят, что я отношусь к ним, как к своим родным детям. Я никогда не поверну пушки против своего народа. Даже если это будет стоить мне княжьего трона.

Добровол сдвинул брови, помолчал секунду, чтобы подчеркнуть важность следующих слов, а затем сказал:

– Разберись в этом деле, Первоход. Найди рассадник крылатых тварей и выжги его дотла.

Лекарь Прехвал кашлянул в тощий кулак и встрял в разговор:

– Выжечь рассадник тварей – это полдела, княже. Мы не знаем главного: что за твари вылупились из яиц. И где они прячутся. Белые твари страшны, но еще больше нас должна страшить неизвестность. Первоход, я ведь прав?

– Да, – согласился Глеб. – Ты прав, лекарь.

– Тогда выясни и это, – хмуро сказал Добровол. – Узнай, что происходит в городе. Убей чудовищ. Сделай это, и я отдам тебе амулет лесной богини.

– Что ж... – Глеб сдвинул брови. – Похоже, ты не оставляешь мне выбора. Я сделаю то, что ты просишь, Добровол. Но потом ты исполнишь свое обещание. И не дай тебе Белобог обмануть меня... пресветлый князь.

По изменившемуся лицу Добровола было видно, что тон Глеба покоробил его. Однако князь смирил гордыню и стерпел.

– Да будет так, – процедил он сквозь зубы. – Ты выглядишь больным, Первоход. Отдохни перед походом в моем тереме, верни себе прежние силы. А как только почувствуешь себя лучше, отправляйся в путь.

Вкус бутовой сигареты был горек, а дым выедал воспаленные от усталости глаза. Возвращаясь в терем, Глеб столкнулся в дверях с воеводой Бранимиром. Тот был при оружии. Меч, кинжал, три метательных ножа. Поверх шерстяного подклада – блестящая, как чешуя, броня.

Глеб лишь скользнул взглядом по его широкому, испещренному шрамами лицу и хотел пройти мимо, но воевода преградил ему путь.

– Странная сегодня ночь, ходок, – проговорил он хрипловатым басом. – Не находишь?

Глеб молча пожал плечами. Бранимир усмехнулся.

– Теперь ты один из нас, ходок. – Глаза воеводы на мгновение яростно сверкнули, но он тут же притушил их блеск. – Но ты нанес мне смертельную обиду. Такие обиды не забывают. Никогда. Но пока ты угоден князю, я тебя не трону.

– Я тебя тоже, – сказал Глеб и хотел пройти мимо, но воевода положил ему на грудь огромную ладонь.

– Не спеши, я еще не договорил. Когда-нибудь я заставлю тебя вспомнить о том, что ты сделал в пиршественном зале. Хочу, чтобы ты это знал.

У Глеба не было сил ни на спор, ни на препирательства. Он отвел взгляд от широкого лица воеводы, обошел его громоздкую фигуру и, не проронив ни слова, вошел в терем.

Час спустя, лежа на мягком тюфяке, набитом гусиным пухом и сухим мхом, Глеб обдумывал все, что услышал и увидел за день. На сердце у Глеба было тревожно, неприятные предчувствия терзали его душу.

Стараясь успокоиться, Первоход взглянул на свою потертую кожаную сумку, лежавшую на полу. В сумке лежали чудные вещи, отнятые у барыги Бельмеца. Вспомнив о них, Глеб почувствовал себя чуть увереннее. Вещицы не первоклассные. Но все же это лучше, чем ничего.

Белокрылые твари, конечно же, прилетают в город из Гиблого места. А Глеб предпочитал не соваться в Гиблое место, не имея при себе хотя бы одной чудной вещи. Эти вещи не только давали ему уверенность в себе, но и служили своеобразным оберегом, или скорее чем-то вроде пропуска. Он не раз замечал, что к тем, у кого в кармане лежит чудная вещь, Гиблое место относится с большим доверием и дает больше шансов на выживание.

Глеб отвел взгляд от сумки и перевернулся на другой бок. Он вдруг поймал себя на мысли, что гиблая чащоба тянет его. И если бы у Добровола не нашлось для него задания, он бы, пожалуй, придумал себе задание сам.

Интересно, что Гиблое место приготовит для Глеба на этот раз? Глеб сомкнул глаза, и в полудреме ему привиделось что-то вроде вещего сна. Он видел белые фигуры Призрачных всадников, вспарывающих животы стрельцам, видел странных людей с волчьими головами, видел чьи-то огромные силуэты, похожие на силуэты деревьев, однако столь страшные, что от них хотелось бежать. И еще много всякого видел Глеб в этом странном полусне.

Приоткрыв на мгновение глаза и вернув себе способность мыслить здраво, Глеб вспомнил, что меч у него – из обычного хуралуга и совсем не заговоренный. Упыря таким мечом убить можно, а вот для волколака он не опаснее лесной коряги.

Снова закрыв глаза и постепенно погружаясь в сон, Глеб решил, что прямо с утра

наведается к кузнецу Вакару и попросит его выковать новый меч.

Глава вторая

1

Дом кузнеца Вакара стоял на отшибе. Добротный был дом, богатый. А за домом располагалась большая кузница, из которой доносился стук молота.

Глеб прошел к кузнице и распахнул дверь. Кузнец, хлестко работая молотом, что-то ковал. Он, без сомнения, заметил, что кто-то встал у открытой двери, однако труд свой не прервал, дабы проковка не остывала понапрасну. Лишь когда заготовка начала бледнеть, он вновь сунул ее в угли, раздул мехи и только потом обернулся.

– Вот это да! – Из-под закопченных губ Вакара сверкнули два ряда белых зубов. – Не думал, что еще когда-нибудь увижу тебя, Первоход.

Кузнец за те три года, что Глеб его не видел, сильно постарел. Он по-прежнему был широк в плечах и кряжист, но в кудрях и бороде его стало больше седины, чем рыжины. Вакар широко улыбнулся, вытер рукавом рубахи раскрасневшееся, потное лицо, швырнул на верстак клещи, затем снял рукавицы и отправил их туда же.

– Ну, здравствуй, Первоход. А я слышал, что ты сгинул в Мории.

– Слухи часто врут, Вакар.

– Когда они говорят о твоей гибели, то да. Я был уверен, что ты вернешься. И я рад видеть тебя живым.

Мужчины крепко обнялись.

– Я отвлек тебя от работы, – с улыбкой сказал Глеб.

Кузнец качнул головой.

– Работы у меня всегда много. А друзей – мало. Но скажи сразу: спрятать мне тебя или ты можешь ходить по городу открыто?

– Могу ходить открыто.

Вакар чуть прищурил светлые, умные глаза и коротко кивнул:

– Ясно. Тогда идем в дом.

Перед тем, как покинуть кузницу, здоровяк Вакар оставил поковку остывать на наковальне, а затем, обняв Глеба рукой за плечи, зашагал с ним к дому.

Через пять минут он уже потчевал гостя тем, что послали боги. На столе стояла чаша с крупяной похлебкой, приправленной салом. На оловянной тарелке лежал кусок вареной говядины, нарезанный ломтями. Рядом – полкаравая хлеба, свежего, но темного от куколя.

– Прости за скромный стол, – виновато произнес кузнец. – Это все, что есть. Выпьешь браги?

Глеб качнул головой:

– Нет. Я три года был под хмелем и соскучился по трезвой жизни.

– Значит, те ужасы, которые я слышал о Мории, правдивы?

– Ужасы всегда правдивы, Вакар. Этим они отличаются от хороших вестей.

– Пожалуй, ты прав, – раздумчиво протянул кузнец. Затем тряхнул кудлатой головой, перетянутой красной тесьмой, улыбнулся и сказал: – А ты давай ешь. Для ходока ты стал слишком тощ, и если тебя не откормить, кто-нибудь из охоронцев спутает тебя с оголодавшим упырем.

Глеб засмеялся и взял в руку деревянную ложку.

Кузнец, поглядывая на то, как Глеб ест похлебку, закусывая ее хлебом, взял кувшин и наполнил кружку брагой. Отхлебнул глоток, вытер рукавом рот и сказал:

– Слыхал про наши новости? Князь Добровол огородил Гиблое место кордонами. Говорят, что охраняют те кордоны сотни дружинников.

– И как? – поинтересовался Глеб, уминая хлеб. – Помогает?

Вакар усмехнулся.

– Не очень.

Глеб, проглотив последнюю ложку похлебки, отодвинул тарелку, взглянул на кузнеца и сказал:

– Благодарю за угощение, Вакар. А теперь давай о деле. Ты, должно быть, догадываешься, зачем я к тебе пришел?

Кузнец слегка прищурил красноватые веки и предположил:

– Тебе понадобился заговоренный меч?

– Угадал. Только не один, а два.

Вакар отхлебнул браги, мрачно пошевелил бровями и уточнил:

– Против кого я должен их заговорить, Первоход? Против людей или против темных тварей?

– Против темных тварей.

Морщинистое лицо кузнеца помрачнело.

– Значит, опять собрался в Гиблое место? – недовольным голосом спросил он.

Глеб чуть склонил голову и ответил:

– Возможно.

– И зачем на этот раз?

– По заданию князя Добровола.

Лицо Вакара вытянулось от удивления. Несколько секунд он недоверчиво смотрел на Первохода, потом вздохнул и изрек:

– Воистину, что-то неправильно устроено в этом мире, если такие люди, как ты, служат таким злодеям, как Добровол, а не наоборот. Не по нраву мне этот твой поход, Глеб.

– Не беспокойся обо мне, друг, – мягко проговорил Первоход. – Может, найду тебе гриб бессмертия. Помнишь, ты когда-то о нем мечтал.

Вакар дернул щекой.

– Леший с ним, с грибом. Гиблое место сейчас не то, каким было три года назад, парень. Там творятся страшные и непонятные вещи.

– Там всегда творились страшные и непонятные вещи, – возразил Глеб. – Иначе бы его не называли Гиблым местом.

– Так-то оно так. Но сейчас там появилось что-то еще. Что-то, чему нет названия и от чего кровь стынет в жилах, даже в таких старых и крепких, как мои.

Глеб чуть прищурил карие, холодновато мерцающие глаза.

– Откуда ты знаешь?

– Ты забыл, что я не только кузнец, но и вещун? – хмуро ответил Вакар. – Сны мне снятся, Глеб. Нехорошие сны. Такие, что после них, раз проснувшись, впредь вообще не хочется засыпать.

Кузнец допил брагу, поставил кружку на стол и задумчиво пошевелил кустистыми бровями.

– В «Трех бурундуках» у Озара один ремесленник рассказывал чудные вещи. Дескать, он уже дважды встречал на улицах города своих друзей, с которыми не виделся несколько лет.

– Что же тут странного? – не понял Глеб.

– Ничего. Кроме того, что друзья эти давно умерли, и он сам был на их похоронах.

Глеб небрежно дернул плечом.

– Мужики много чего болтают в подпитии. Не стоит верить всему, что говорится в кружечных домах.

– Это верно, – согласился Вакар. – Однако слухи никогда не возникают на пустом месте. Что, ежели мертвяки и впрямь разгуливают по Хлынь-граду? Когда-то такое уже было, помнишь?

– Ты про «посланников тьмы»?

– Да.

Глеб покачал головой:

– Я крепко запечатал врата Преисподней, Вакар¹. Эти твари никогда не выберутся наружу.

– Так-то оно так, – раздумчиво проговорил кузнец. – Но кто сказал, что те врата были единственными?

На это возражение Глебу не нашлось, что ответить. Вакар вновь взялся за кувшин.

– Давай выпьем, Первоход. Одному мне пить уже в тягость.

Глеб покачал головой.

– Нет, не хочу.

– Не чтобы напиться, а чтобы не отвыкнуть. Давай.

– Ладно. Плесни чуть-чуть.

Вакар взял с воронца еще одну кружку, плеснул в нее на треть и протянул Глебу. Свою он, как и прежде, наполнил до самых краев. Мужчины сделали по глотку, после чего кузнец сказал:

– Значит, ты помирился с князем Доброволом. Чем же он тебя подкупил?

– Великая ведьма Мамелфа дала ему амулет, способный вернуть меня домой. Я хочу использовать эту возможность.

Кузнец отхлебнул браги, обдумал слова Глеба и сказал:

– Никогда не мог понять, чем тебе так плохо у нас? Деревья, небо и звезды всюду те же. А все остальное – пыль. Пыль, морок и чепуха. Зачем тебе возвращаться туда, откуда ты прибыл, Глеб? На кой ляд?

Глеб пожал плечами и коротко ответил:

– Тянет.

Вакар допил брагу, отодвинул кружку и сказал:

– У меня есть отличные заготовки для мечей. Приходи завтра утром, через пару часов после восхода солнца. Все будет готово.

Глеб улыбнулся.

– Благодарю тебя, друг. Пусть боги помогут тебе.

– И тебе тоже, – пробасил в ответ кузнец. – Боги Семаргл и Хорс всегда тебе сопутствовали. Пусть так будет и впредь.

2

Хозяин, а по совместительству и целовальник кружала «Три бурундука», куда Глеб зашел вскоре после посещения кузнеца, узнал его сразу.

– Первоход? – Брови его приподнялись. – Вот уж кого не чаял здесь увидеть.

– Я всегда прихожу нечаянно, ты ведь знаешь, – сказал на это Глеб. Окинул рослую фигуру бородача Озара насмешливым взглядом и добавил: – Ты, я вижу, ничуть не изменился. Все такой же упитанный и самоуверенный.

– А вот ты стал иным, – молвил Озар. – Твои волосы белы, как крыло христианского ангела. Что за беда так сильно выбелила тебе голову?

– А ты разве не слыхал?

– Про Морию?

– Угу.

Озар прищурил черные глаза.

– Выходит, это правда?

– Правдее некуда.

Хозяин кружала обдумал слова Глеба, кивнул и спросил:

– Но теперь ты в порядке?

¹ Об этом рассказывается в романах «Посланники тьмы» и «Тайный враг».

– Да, – ответил Глеб. – Теперь я в порядке.

– Отлично. – Озар хмыкнул. – А то я уже стал привыкать к тому, что на тебя постоянно кто-нибудь охотится.

– Нынче моя голова недорого стоит, – сказал Глеб. – Награду за нее уж точно не дадут.

– Это хорошо, – снова кивнул Озар. – Но было бы еще лучше, если бы все хлынские душегубы прознали об этом. А то, по незнанию, могут снова попытаться срезать твою голову с широких плеч и принести ее на медном блюде князю. Что будешь есть-пить, Первоход?

Глеб посмотрел на кувшины с вином, березовицей и медом и задумчиво проговорил:

– Пить или не пить – вот в чем вопрос.

– У тебя вопрос, у меня – ответ, – сказал целовальник и взял с полки большой кувшин. Глеб улыбнулся.

– Ты читаешь мои мысли, Озар. Пора восполнить недостаток алкоголя в крови. Налей-ка мне красного вина, друг. Сегодня знаменательный день.

– Что за день? – уточнил целовальник.

– Первый день остатка моей жизни. Думаю, это стоит отметить.

– Несомненно. – Красное вино плеснулось в оловянный кубок. Взяв кубок, Глеб глянул по сторонам, потом чуть подался вперед.

– Послушай-ка, Озар... хочу тебя кое о чем спросить.

– Спрашивай, Первоход, – разрешил Озар, натирая полотенцем оловянные стаканчики.

– По городу ходят странные разговоры об оживших мертвецах. Слыхал?

Верзила-целовальник нахмурился и нехотя отозвался:

– Да уж слыхал.

– И что ты об этом думаешь?

– Думаю, что разговоры эти – пьяная брехня.

Глеб кивнул.

– Да, наверное, так. Но я буду благодарен тебе, Озар, если ты перескажешь мне истории, которые слышал.

Целовальник недоверчиво посмотрел на Глеба из-под сдвинутых бровей.

– Зачем это тебе, Первоход?

– Коллекционирую страшные истории. – Глеб достал из кармана медную монету и положил ее на стойку. – Это плата за первую.

Озар небрежно смахнул монету в карман кожаного передника и сказал:

– Ремесленник Покоп врал, что дважды за последнюю неделю встречал в городе своих померших приятелей.

– Он был сильно пьян, когда рассказывал об этом?

Озар подумал, затем качнул головой.

– Нет, не думаю. Покоп мастер – золотые руки. А чтобы руки были золотыми, нужно иметь ясную голову.

– Так-так... – Глеб нахмурился. – И что, Покоп пробовал с ними заговорить?

– С мертвецами?

– Ну.

Озар усмехнулся.

– Он их окликал. Но те не пожелали с ним говорить и быстро скрылись. Годится тебе в коллекцию эта история?

– Вполне. – Глеб достал из кармана еще одну монетку и положил на стойку. – Продолжай в том же духе, и этот разговор сделает тебя богачом, Озар.

Целовальник смахнул монетку в карман и продолжил:

– Три дня назад из гофских стран вернулся купец Збруй. Он не был здесь почти два года. На Сходной площади Збруй встретил стригача Малюту. Малюта выглядел странно. Кожа у него была нежна, будто у младенца, а на голове вместо былой лысины колосился пушок. Когда Збруй его окликнул, стригач помахал ему рукой и сказал, что очень спешит. А после скрылся в толпе.

Глеб бросил на стойку третью монетку. Озар посмотрел на нее, но брать не стал.

– Не знаю, сгодится ли тебе следующая история, Первоход, – раздумчиво проговорил он. – Видишь ли, в чем дело... В Хлынь-граде не только видят мертвецов. В Хлынь-граде пропадают люди.

Глеб чуть прищурился.

– Я собираю разные истории, Озар. Возможно, сгодится и эта. Рассказывай.

– Что ж... Тогда слушай. У пьяницы Велизара есть тетка – старуха Сухота. А у нее – внук. Родители мальчонки в день первого покоса утонули в реке. Несколько дней назад Велизар решил навестить старуху Сухоту и своего племянша. Пришел, постучал, вошел в избу. Да только ни старухи, ни мальчишки там не было. На первый взгляд изба выглядела заброшенной. Печь холодная, а все вокруг покрыто белой пылью, толщиной в палец. А на этой пыли – следы босых ног. Следы взрослые, не детские и не старушечьи. Велизар хорошенько обыскал избу...

Целовальник остановился, чтобы перевести дух. Глеб нетерпеливо поторопил:

– И что ж он там нашел?

Озар нахмурился и ответил:

– Кожу.

– Кожу?

– Да. Это была человеческая кожа. Одна старая, морщинистая, вторая – чистая, детская. Лицо Глеба оцепенело.

– Что было дальше? – глухо спросил он.

– Дальше? – Целовальник вздохнул. – Велизар выскочил на улицу и стал звать охоронцев. Подъехали ночные дозорные. Велизар рассказал им, что и как, дозорные спрыгнули с коней и вошли в избу. Да только никакой кожи там не нашли. И вообще ничего не нашли. Кроме белой...

– Пыльцы, – задумчиво договорил за него Глеб. – Ты сказал, что Велизар – пьяница. Так, может быть, ему все это привиделось?

– Может, и привиделось, – неожиданно легко согласился хозяин кабака. – Да только Велизар мужик крепкий. И сколько бы он ни выпил, в глазах у него никогда не двоится. А старуха с мальчишкой в самом деле исчезли. А дом их до сих пор стоит пустой.

Глеб отхлебнул вина и проговорил:

– Н-да... Странная история.

– Об том и толкую. Но годится ли она тебе в твою «коллекцию»?

Глеб усмехнулся, достал еще пару монет и прибавил их к той, что уже лежала на дубовой стойке. Озар широкой ладонью смахнул их в карман фартука. Затем чуть нагнулся и сказал, слегка понизив голос:

– Для мужика лучший отдых – провести ночь с красивой и на все готовой девкой. Если хочешь, могу пособить.

Глеб непонимающе посмотрел на Озара, затем усмехнулся и продекламировал:

Ведут себя девушки смело,
Но их от себя я гоню.
Не нужно мне женского тела,
Я женскую душу ценю.

Нет, приятель, не надо. Но за предложение спасибо. – Он взял кубок и отхлебнул вина. Поморщился. – Кислое у тебя вино, Озар.

– Уж какое есть, – невозмутимо отозвался хозяин кружала и вновь принялся натирать полотенцем стакан.

Пламя свечей в шандалах колыхнулось. Глеб, не оборачиваясь, резко дернул локтем. Бродяга, подступивший к нему сзади, рухнул на пол с разбитым лицом. Из разжавшихся пальцев на пол выкатился нож.

Глеб посмотрел на разбойника через плечо и хмуро проговорил:

– Очередной охотник за головами. – Потом перевел взгляд на целовальника и сказал: – Я тут намусорил. Скажи своим ребятам, чтоб убрали.

– Уберут, – прогудел в ответ целовальник. Затем насмешливо прищурил глаза и добавил: – Приятно знать, что ты вернулся, Первоход.

3

Толмач Рамон посмотрел на девушку, спящую рядом с ним, потом отвел взгляд, закинул руки за голову и уставился в черный потолок, по которому прыгали рыжие отблески печного огня.

На душе у него было мрачновато. С того момента, как Глеб Первоход вызволил его из Мории, прошло не так уж много времени. По крайней мере, недостаточно, чтобы Рамон смог полностью восстановиться. Рамон старался не думать о Мории, но память то и дело подбрасывала ему образы из кошмарных снов, по которым он странствовал больше полутора лет. И тогда у Рамона возникало жуткое ощущение, что кошмар еще не кончился и что через мгновение или два он поймет, что все еще блуждает в царстве снов, насланных на него кровожадными волхвами Мории.

Вот Глеб – это да. Этот парень сделан из более прочного материала, чем Рамон. Интересно, где он сейчас? Перед тем как расстаться с другом, Первоход сказал, что собирается вернуть себе свою жизнь. Звучало это вполне однозначно.

Три года назад, пока Глеб охотился на темных тварей, Добровол захватил в княжестве власть. А когда Глеб вернулся, новоявленный князь велел своим людям схватить ходока и тайком, под покровом ночи, увезти его в далекую Морию.

Лишь через год Рамону удалось выяснить, что Первоход жив. Узнав об этом, итальянец тут же отправился в путь, надеясь вызволить Глеба из лап таинственных волхвов. Но вместо этого – сам угодил в узилище.

Лежа на кровати, Рамон мотнул головой, прогоняя неприятные воспоминания, и тихо сказал сам себе:

– Надо выпить.

Откинув одеяло, он сел на кровати и опустил босые ноги на холодный пол. Его подруга спала, и сон ее был безмятежен и светел. Одеяло сползло с ее груди, обнажив розовый сосок, и Рамон почувствовал, как в нем вновь просыпается желание.

Отвернувшись, он осторожно поднялся с топчана, пошел к лавке и быстро оделся.

На улице чуть потеплело. Но крыши домов и голые холодные ветви деревьев поливал дождь. Далеко, почти у самого горизонта, под тяжелым, темно-серым небосклоном вырос лес. Мимо блажного дома прошли дозорные. В руках у одного из них покачивался фонарь с огарком. Точно волчий глаз.

Дождавшись, пока дозорные скроются, Рамон вышел из-за дерева и продолжил было путь, но вдруг остановился снова. От большого можжевельного куста отделилась темная фигура. И в то же мгновение в руках итальянца тускло сверкнули два кинжала.

– Кто бы ты ни был, не подходи ближе! – отчеканил Рамон и выставил кинжалы перед собой, чтобы злоумышленник понял, что он вооружен.

Но вместо того чтобы ретироваться, высокая фигура сделала шаг вперед, а знакомый голос весело произнес:

– Рамон, не убивай меня. Я тебе еще пригожусь.

Итальянец облегченно вздохнул и сунул кинжалы в ножны.

– Рад, что с тобой все в порядке, Первоход, – с улыбкой сказал он. – Тебя не было несколько дней. Куда ты запропастился?

– Улаживал кое-какие дела, – ответил Глеб. – Ну, здорово, брат!

Мужчины крепко пожали друг другу руки.

– Наш друг Хлопуша все еще в городе? – поинтересовался Первоход.

Итальянец откинул с лица прядку вьющихся черных волос и ответил:

– Нет. Здравяк уехал в Топлево. У него тяжело захворала троюродная тетка, и он надеется получить свою часть при дележе наследства.

– Уважительная причина, – согласился Глеб. – А где Прошка?

– Воренок подался на заработки в Поморье. Кто-то внушил ему, что тамошние жители настолько простодушны и наивны, что, уходя, не запирают собственных домов. Я пытался отговорить его, но воренок был тверд в своем решении почистить карманы поморцев. Как прошла твоя встреча с князем Доброволом, Первоход?

– Нормально.

Рамон подождал, не скажет ли Глеб еще чего-нибудь, но, поскольку тот молчал, итальянец заметил с мягким упреком:

– Не доведет тебя до добра привычка так много мне рассказывать, друг.

Глеб усмехнулся.

– Да, пожалуй, ты прав. Убить Добровола я не смог. Его амулет все еще имеет надо мной власть. Он согласился отдать мне амулет, если я кое-что сделаю для него.

– Ты обязался выполнить его поручение в обмен на амулет?

– Да.

– И что же это за поручение?

– Будем охотиться на тварей в белых плащах и на оживших мертвецов, разгуливающих по городу, – ответил Глеб.

Рамон приподнял черные брови и посмотрел на Первохода недоверчивым взглядом, думая, что тот шутит. Глеб, однако, остался серьезен.

– Пресвятая Дева... – проговорил тогда итальянец. – Похоже, ты не шутишь.

– Верно, не шучу. Завтра утром кузнец Вакар вручит нам заговоренные против нечисти мечи-всерубы. А вечером мы устроим ловушки у западной стены и разошлем по всем концам города соглядатаев с сигнальными рожками. Если эти твари действительно ведут себя так нагло, как рассказывал Добровол, мы их сцапаем. Охота обещает быть веселой, толмач. Надеюсь, ты не откажешься от участия?

Рамон чуть прищурил свои бархатные глаза, усмехнулся и ответил:

– С моей стороны было бы неразумно пропустить такое веселье.

4

Два соглядата, Колобуд и Хован, медленно брели по ночной улице, время от времени позевывая и тихонько переговариваясь, чтобы не сморил сон.

– Нет, Колобуд, ты как хочешь, однако ж я с тобой не соглашусь, – сказал Хован и смахнул с глаз выступившие от зевоты слезы.

– Почему не согласишься? – хмуро отозвался Колобуд.

– Да потому. Ты хоть и умный мужик, а все ж дурак.

– Чего это ты меня дураком ругаешь, Хован? Я ведь и обидеться могу.

– Обижайся сколько тебе заблагорассудится. А все равно останешься дураком. Будь ты в здравом уме, ты бы не отказался от серебряной резанки.

– Да не мог я донести на родного брата! Пусть даже за серебряную резанку! Я ведь не совсем бессовестный.

– Тогда какой ты, к лешему, соглядатай? – Хован шмыгнул носом и сплюнул в траву. – Нет, брат, в нашей службе неженками быть нельзя. Брат, сват, дядька – какая, к лешему, разница, коли ты выполняешь свою работу, а заодно и свой долг пред князем.

– Какой еще долг? – хмуро огрызнулся Колобуд. – Я князю служу за деньги, а не за совесть.

– Вот и я о том же, – победно кивнул Хован. – Ну, а коли совести нет, так и нечего об ней рассуждать.

Колобуд растеряннo моргнул.

– Запутал ты меня совсем, Хован. Не об том ведь я говорил.

– Тогда о чем?

Колобуд снова поморгал, затем дернул щекой и с досадой ответил:

– Теперь уж и сам не помню. А только брата я сдавать не стану. Даже за кучу серебра. В наших жилах течет одна кровь.

Колобуд не кривил душой, когда говорил это. Несмотря на скотское ремесло соглядата, Колобуд, в отличие от многих своих сотоварищей, сумел сохранить в себе остатки человечности и изредка врал начальству во спасение родных ему людей.

Так было и с братом Колобуда, которого уличили в крамольных речах против князя Добровола. Колобуд должен был подсмотреть и подслушать, с кем встречается и что говорит его брательник. Услышанное и увиденное целиком и полностью уличало брательника, однако после долгих душевных терзаний Колобуд не стал сообщать об этом начальнику службы соглядатаев.

– В наших жилах течет одна кровь, – с угрюмой твердостью повторил Колобуд, не глядя на Хована.

Хован усмехнулся и хотел возразить, но смолчал и вдруг остановился, на что-то уставившись. Колобуд тоже остановился.

– Ты чего? – недоуменно спросил он.

– Гляди, – пробормотал дрогнувшим голосом Хован, поднял руку и показал на что-то.

Колобуд посмотрел туда, куда показывал товарищ.

На освещенной луной полянке между двумя сараями, утонувшими в тени деревьев, стояло белое существо. По виду это был высокий мужчина, с головы до ног закутанный в белый плащ, и, не получи Колобуд нужных указаний заранее, он бы сроду не заподозрил в белой фигуре темную тварь.

Хован сглотнул слюну и тихо проговорил:

– Это он. Тот, кого нам велено выследить.

– Призрачный всадник? – севшим от волнения голосом прохрипел Колобуд.

Хован кивнул.

– Угу.

Колобуд пристальнее взгляделся в белую фигуру, освещенную призрачным светом луны. Фигура стояла неподвижно, лишь ветер тихонько колыхал края белого плаща. Он сглотнул слюну и тихо спросил:

– Что будем делать, Хован?

– То, что нам велено, – ответил тот.

Осторожно, стараясь не делать резких движений, Хован полез в карман за сигнальным рожком.

– Великий Сварог, спаси и сохрани нас от напастей, – пробормотал соглядатай Колобуд и тоже потянулся за сигнальным рожком.

И вдруг белая фигура исчезла. Быстро, в одно мгновение – только что стояла, и вот ее уже нет.

Хован и Колобуд растерянно и изумленно заморгали глазами.

– Где ж он? – пробормотал, озираясь по сторонам, Хован.

– Нету, – выдохнул Колобуд. – Может, нам почудилось?

– Как это?

– Тут неподалеку Кислое озерцо, вода в нем теплая, вот и парит.

– Думаешь, это был пар?

– Ну!

Хован нахмурился:

– Наверно, так.

Еще несколько секунд они вглядывались в то место, где стояла белая фигура, затем облегченно вздохнули. Колобуд повернулся к своему спутнику, но вдруг выпучил глаза и хрипло крикнул:

– Хован! Обернись!

Обернуться Хован не успел. Тело соглядателя дрогнуло от молниеносного удара, а грудь его пронзила такая боль, будто кто-то всадил в нее раскаленный железный прут. Хован опустил взгляд. Из правой стороны его груди торчал странный клинок, похожий на белое костяное жало.

Костяное жало с чавканьем втянулось обратно, и кровь из раны хлынула Ховану на живот, закапала на траву.

Пару мгновений Колобуд смотрел на труп своего товарища и на зависшую над ним белую крылатую фигуру, затем повернулся и бросился бежать. Выхватив на ходу сигнальный рожок, он что есть мочи дунул в него.

Громкий, резкий и пронзительный звук на мгновение заложил Колобуду уши. И тут вторая белая тварь, выскочив из вересового куста, налетела на него и сбила с ног.

Соглядатель Хован, лежащий на траве, в луже собственной крови, попытался встать, но белая тварь снова повалила его. Быстрым ударом огромного белого когтя чудовище вспорол Ховану живот и вырвало кишечник. Затем, ловко орудуя белыми щупальцами, вставило черное яйцо в полый, окровавленный живот соглядателя.

А по пустырю, ярко освещенному луной, уже неслись на помощь поверженным соглядатам трое ратников.

– Оставь его, тварь! – крикнул один, размахивая мечом.

Тварь развернулась и уставилась на приближающихся воинов пустыми черными глазницами. Затем с громким хлопком распростерла крылья, сорвалась с места и устремилась им навстречу.

Бегущий впереди ратник успел рубануть чудовище мечом, но оно ловко увернулось, подхватило ратника когтями за плечи и взмыло с ним в воздух. Затем, круто извернувшись, швырнуло беднягу на двух других ратников, которые торопливо вынимали из сагайдаков оперенные стрелы.

Удар брошенного тела был настолько силен, что оба ратника повалились на траву, сбитые с ног. Дальнейшее случилось почти молниеносно. Две белые твари стремительно налетели на ратников и принялись кромсать их острыми когтями, похожими на костяные ножи.

* * *

Услышав крик, Рамон отпрянул от костра, возле которого грелся, резко развернулся и побежал к сараям. Глеб в сопровождении ратников ушел далеко, и ждать их не было смысла.

Завернув за сарай, Рамон на мгновение остановился, уставившись на белых тварей, затем выхватил из ножен два обоюдоострых кинжала и бросился вперед. Одна из тварей, выпустив из когтей ратника, ринулась ему навстречу.

Рамон увернулся от когтей и ударил тварь кинжалом в плечо, затем полоснул ее вторым кинжалом по белому черепу. Тварь отвратительно взвизгнула и отпрянула, Рамон шагнул вперед и нанес ей еще два быстрых, точных удара.

Тварь отчаянно взвыла, забила крыльями и отшатнулась. Рамон выставил перед собой кинжалы и холодно проговорил:

– Никак не уговонишься, моль? Подходи ближе – я подрежу тебе крылышки.

Чудовище с яростным клекотом ринулось на толмача. Кинжалы в руках итальянца двигались с невероятной быстротой. Каждый раз, уворачиваясь от когтей твари, он наносил ей один или два удара, стараясь задеть глаза или горло.

За спиной у Рамона послышался конский топот, в следующий миг из черного облака деревьев вырвались четыре конных дружинника. В руках у них были кривые печенежские сабли. Завидев дружинников, вторая тварь оставила растерзанное тело Колобуда и взлетела в воздух. Однако вместо того чтобы скрыться от преследователей, она развернулась в воздухе и, издав пронзительный звук, похожий на визг и вой одновременно, устремилась навстречу

всадникам.

От резкого разворота призрачного летуна в воздухе за клубилась белая пыльца, а тварь уже достигла первого ратника и, махнув когтистой лапой, сбила его с коня. Тут же, не останавливаясь, она бросилась на второго.

В этот миг первая тварь ударила Рамона в лицо крылом и сбила его с ног. Она уже занесла над толмачом свой белый коготь, чтобы рассечь ему живот, но стрела, выпущенная одним из всадников, со свистом пронеслась у головы твари, оцарапав ей череп. Тварь резко развернулась и, с силой махнув крыльями, устремилась к своему обидчику, забыв про Рамона.

В следующее мгновение вся поляна превратилась в поле битвы. Кровь фонтанами орошала жухлую траву. Слышались крики, ругань, стоны, шум крыльев. Все это длилось не больше минуты, а потом две белые крылатые фигуры резко взмыли в воздух и понеслись к лесу. Поляна за их спинами была завалена растерзанными телами дружинников и залита кровью.

5

– Рамон! Рамон, ты слышишь меня?

Толмач открыл глаза и рассеянно посмотрел на склонившегося над ним Глеба.

– Апостол Петр? – хрипло вымолвил он.

Глеб качнул головой.

– Нет. Всего лишь Первоход.

– Тоже неплохо, – пробормотал Рамон и снова закрыл глаза.

На мгновение Глебу показалось, что дыхание итальянца прервалось, а черты лица обострились. Он схватил друга за плечи и слегка потряхнул.

– Рамон, ты живой?

Толмач снова открыл глаза.

– Да... – пробормотал он, облизнул губы и скосил глаза на суетящихся вокруг ратников, бородатые, хмурые лица которых были искажены яростью. – Если только эти люди в кафтанах – не ангелы.

– Они не ангелы, – заверил его Глеб.

Рамон слабо улыбнулся.

– Восславим за это Господа. Их физиономии стали бы большим испытанием для моей веры.

Факелы так ярко освещали пустырь, что на нем было светло, как днем.

– Они убили семь ратников! – прорычал воевода Бранимир. – Семь вооруженных, опытных ратников и двух соглядатаев. Что же это за твари?

Глеб, сидя на коленях возле Рамона, приподнял другу голову и поднес к его губам флягу.

– Пей, – сказал он. – Это травяной отвар целебных трав. Он тебе поможет.

Толмач послушно отхлебнул из фляги. Закашлялся и вновь опустил затылок на свернутую охотничью куртку, которую подложил ему под голову Глеб.

– Плохо? – негромко осведомился ходок, вглядываясь в землисто-бледное лицо Рамона.

– Бывало и хуже, – отозвался толмач.

– Ты уверен, что не ранен?

– Уверен. Только голова болит. – Рамон положил пальцы Глебу на предплечье и сказал: – Первоход... Послушай, это важно...

– Что? Говори.

– У этой твари нет крови. Я несколько раз ударил ее кинжалами. Порезы были глубокие, но я не видел крови. Не видел крови, понимаешь?

– У всякой живой твари должна быть кровь, – пробасил воевода Бранимир, стоя рядом с Рамоном и хмуро наблюдая за тем, как его люди укладывали растерзанные тела ратников

на носилки и тащили их к телегам. – Видимо, тварь увернулась от твоих кинжалов.

– От кинжалов Рамона не может увернуться ни одна тварь, – возразил Глеб. – И если он говорит, что зацепил ее, будь уверен: так все и было.

Воевода прищурил тяжелые веки и неприязненно вымолвил:

– У страха глаза велики.

Глеб нахмурился и открыл рот для резкого ответа, но Рамон опередил его:

– На горячись, Первоход. Бранимир прав в одном: у всякой живой твари есть кровь. А это значит...

– Хочешь сказать, что тварь, с которой тебе пришлось иметь дело, не живая? – резко спросил воевода.

Рамон, глядя не на него, а на Глеба, кивнул. Глеб, нахмурившись, задумчиво поскреб пальцами горбинку на переносице.

– Выходит, все гораздо сложнее и запутаннее, чем я думал, – медленно произнес он. – Думаю, нам требуется помощь профессионала.

– Что? – не понял воевода Бранимир. – Какого еще профессионала?

Глеб поднял на него взгляд и ответил:

– Надо нанести визит вещунье Голице. Нам следовало с самого начала прийти к ней. Возможно, тогда твои ратники остались бы живы.

По широкому лицу воеводы пробежала тень.

– Это невозможно, ходок, – хмуро проговорил он.

– Что? – не понял Глеб. – Почему?

Воевода кашлянул в огромный кулак и ответил:

– Пару месяцев назад князь приказал переловить в городе всех ведьм и заточить их в темницу. Первой, кого схватили охоронцы, была Голица.

Несколько секунд Глеб молчал, переваривая услышанное. Поверить в это было трудно. Вещунья Голица пользовалась в Хлынь-граде огромным авторитетом. Она много лет помогала людям, используя свои чары только во благо. Было время, когда Глеб относился к вещунье с подозрением, но с тех пор она несколько раз помогла ему в борьбе с темной нечистью, и у Глеба не было повода ей не доверять.

С какой стати князь Добровол решил устроить охоту на ведьм? Чем ему не угодил Голица? В былые времена властители охотно приходили к ней за советом. За что же Добровол невзлюбил безобидную вещунью?

И вдруг Глеб понял, в чем тут дело.

– Так-так... – Он холодно прищурился. – Чувствую, что к этому делу приложила руку колдунья Мамелфа. Надоумить Добровола заточить Голицу в темницу могла только она. Так сказать, избавилась от конкуренции.

Воевода нахмурился и сказал:

– Не понимаю, о чем ты.

– Охотно верю. Для тебя это слишком тонкие материи, ратник.

Сообразив, что ходок сказал что-то обидное, Бранимир сжал кулаки и яростно сверкнул на Первохода глазами.

– Ладно, «Халк», расслабься, – небрежно произнес Глеб. – Где бы ни была Голица, мы должны с нею встретиться. Не будем откладывать, сделаем это сейчас же.

Бранимир покачал седовласой головой.

– Не уверен, что она жива. Наши дознаватели круты, когда дело касается ведьм.

– Моли Сварога, чтобы с Голицей все было в порядке, – холодно отчеканил Глеб. – Иначе...

Он не закончил фразу, но это и не требовалось. Иногда взгляд гораздо красноречивее слов.

* * *

Мрачен и темен был княжий град. Дул холодный северный ветер. Тучи, первые вестники грозы, черными валами перекашивались над крышами домов. Вскоре упали первые редкие капли дождя.

Глеб был серьезен и угрюм. Ему не терпелось встретиться с Голицей, однако он вынужден был идти медленно, чтобы Рамон, утомленный схваткой с Призрачными всадниками, не отставал. Бранимир шагал чуть в стороне от них – тяжелой, неторопливой поступью. Седые локоны выбились из-под его кожаного шлема и серебрились в зловещем свете луны. Лицо воеводы было мрачным, неприступным. Было видно, что он по-настоящему переживает из-за гибели своих людей и, возможно, отчасти винит в произошедшем себя.

Наконец подошли к темнице. Навстречу им выскочили дозорные, но, узнав Бранимира, поспешно открыли тяжелые ворота и распахнули их перед ночными гостями.

Протопав сапогами по каменному крыльцу и узкому коридору, они свернули направо и, пройдя еще чуток, остановились перед мощной дубовой дверью. Воевода поднял руку и громыхнул по двери кулаком.

Лязгнул отодвигаемый засов, и дверь приоткрылась. В щель выглянуло загорелое, бородатое лицо.

– Чего таращишься? – сердито спросил Бранимир. – Открывай!

Он толкнул дверь могучей рукой и распахнул ее. Переступив порог, Бранимир, Глеб и Рамон попали в большое, довольно темное помещение. Кабы не два берестяных факела, полыхающие на стенах, здесь царил бы полный мрак.

Оглядевшись, Глеб увидел еще четыре двери. Двери эти вели в тесные камеры, в которых томились узники. Охранников было двое. Один стоял перед нежданными гостями, скользя удивленным взглядом по их суровым лицам, второй сидел за столом, подперев щеку кулаком. Узнав воеводу, он тут же вскочил с лавки и вытянулся перед ним во фронт.

Глеб, не в силах больше сдерживать kloкочущий внутри гнев, схватил ближайшего охоронца рукою за грудки, притянул его к себе и промолвил:

– Веди нас к Голице, кат.

Охоронец посмотрел на руку наглеца, стискивающую ворот его подклада, поднял на Глеба недовольный взгляд и сухо промолвил:

– Посторонним входить к вещунье запрещено.

– Вот как? – Глаза Первохода сузились. – Или ты вступишь меня к ней, или я въеду туда на тебе верхом.

Охоронец побагровел и вопросительно посмотрел на воеводу. Тот молча кивнул. Охоронец протянул руку к деревянному щиту, на котором висели ключи, выбрал нужный и, высвободив ворот из разжавшихся пальцев Глеба, повернулся к первой же двери.

– Не думаю, что вы чего-то от нее добьетесь, – сказал он, открывая дверь. – Вещунья давно выжила из ума. Я бы на вашем месте даже не пытался.

Щелкнул замок, и тяжелая дверь со скрипом приоткрылась. Глеб снял со стены березовый факел и быстро шагнул внутрь.

Голица сидела на деревянной лавке, накрытой тощим соломенным тюфяком. На коленях у нее лежало сосновое полено, и она тихо покачивала его, как младенца. Несмотря на скрип двери и тяжелые шаги Глеба, она не подняла голову, чтобы посмотреть, кто пришел.

Платье вещуньи было грязным и рваным. Юбка превратилась в лохмотья. От прежней дородной полноты вещуньи не осталось и следа. Перед Глебом была худая, изможденная, немолодая уже женщина со спутавшимися, грязными волосами. Распухшие от побоев губы ее тихонько шевелились. Глеб прислушался и услышал тихую, жутковатую колыбельную:

– Спи, малютка, засыпай... Отправляйся в мертвый край... Где слезам числа не счесть... Принеси мне злую весть...

От этой тихой песни Глеба пробрал мороз.

– Голица, – позвал негромко он.

Вещунья не шелохнулась.

– Голица, ты слышишь меня? Это я – Глеб Первоход. Ты должна меня помнить.

Несколько мгновений вещунья сидела неподвижно, с упавшими на полено грязными прядями волос, затем медленно подняла голову и взглянула на ходока. Взгляд ее голубых глаз был пуст и безумен.

– Ты снова хочешь это сделать, охоронец, – хрипло проговорила она. – Я не буду сопротивляться, но не трожь мое дитя.

Глеб медленно, стараясь не делать резких движений, подошел к Голице и присел на корточки.

– Вещунья, я...

Голица протянула к нему полено и сказала дрогнувшим голосом:

– Это твое дитя, охоронец. Не убивай его.

Затем вновь прижала к себе полено, посмотрела на него нежным взглядом и тихо запела, осторожно качая полено на руках:

– Спи, малютка, засыпай... Ждет героя мертвый край... Там, где бедам несть числа... Ждет героя ангел зла...

Глеб выпрямился.

– Прости, что потревожил тебя, вещунья, – с горечью произнес он. – Я сегодня же встречусь с Доброволом. И будь я проклят, если он тебя не освободит.

Глеб повернулся, чтобы уйти, и в этот миг вещунья сказала:

– Эти твари не из Гиблого места, ходок.

Глеб быстро обернулся:

– Что? О ком ты говоришь?

Голица смотрела на него ясными, умными глазами.

– О Призрачных всадниках, – сказала она и усмехнулась: – Вы ведь так их называете?

Первоход снова присел рядом с лавкой.

– Откуда же они? Откуда они пришли, Голица?

– Оттуда, где мы все когда-нибудь окажемся.

– Ты говоришь о царстве мертвых? Но никакого царства мертвых нет. Это просто миф, страшная сказка для взрослых.

Голица прищурила светлые глаза и тихо спросила:

– Ты не веришь в ад и рай?

– Нет, не верю.

– Но крест у тебя на груди говорит об обратном.

Брови Глеба удивленно приподнялись. Крестик был спрятан под одеждой, и знать о нем вещунья не могла.

– Крест я надел на шею по просьбе друга, – сказал он. – Не придавай ему большого значения.

Голица снова опустила взгляд на свое полено.

– Спи, малютка, засыпай... – тихо запела она, покачивая полено. – Ждет героя мертвый край... – И вдруг оборвала песню и снова подняла взгляд на Глеба: – Ты должен отправиться туда, ходок. Отправиться и найти своего мертвеца.

Глеб недоуменно вскинул бровь.

– Мертвеца?

– Да, – чуть слышно прошелестела вещунья, глядя Глебу в глаза. – Того, который отопрет для тебя врата.

– Ты говоришь про врата в другое измерение?

Голица улыбнулась.

– Ты знаешь, Первоход. Ты сам все знаешь.

Глеб повел плечами, словно внезапно озяб, потом нахмурился и сказал:

– Я встречал упыря, который умел открывать проход в иное измерение. Но его забили камнями мальчишки, когда он сунулся на торжок. Где я найду другого? И как его

распознаю?

– Найдешь, – с улыбкой сказала Голица. – Распознаешь.

Она опустила взгляд на свое полено и вновь принялась покачивать его, мурлыча под нос песню:

Спи, мой ангел, засыпай.
Отправляйся в мертвый край.
Где не пашет землю плуг,
Где не будет грязных рук.
Выплавляй мечи из криц,
Покарай своих убийц...

Глеб слушал песню с напряженным лицом. И чем дольше он ее слушал, тем сильнее вздувались желваки у него под скулами и тем холоднее становился его взгляд.

Вещунья замолчала, продолжая глядеть на полено и мерно покачивать его на руках. Косматые волосы вновь упали ей на лицо, скрыв его. А пальцы так крепко стиснули полено, что побелели от напряжения. Выглядело это неприятно и жутко.

Глеб выждал еще немного, потом выпрямился и вздохнул.

– Мне жаль, что меня не было рядом, Голица.

Он отвернулся и зашагал к двери. Когда он, Глеб, уже положил пальцы на медную ручку, вещунья хрипло проговорила ему вслед:

– У демона десять жизней, ходок. На одну больше, чем у кошки. Помни об этом.

– Обязательно запомню, – не оборачиваясь, сказал Глеб и вышел из темницы.

Охоронцы стояли в сажени от двери и тихо о чем-то переговаривались. Воевода сидел на лавке, подперев голову кулаком, и, кажется, дремал.

Глеб подошел к охоронцам, остановился и спросил холодным, спокойным голосом:

– Вы насильовали ее?

Охоронцы замолчали и уставились на Глеба. После долгой паузы один из них разлепил губы и переспросил:

– Что?

– Вы насильовали вещунью, – повторил Глеб. – Она понесла от одного из вас. Когда вещунья разродилась, вы убили младенца. А чтобы она не рыдала, вы подсунули ей полено. Все верно?

Охоронцы переглянулись. Самый говорливый из них ухмыльнулся и сказал:

– Ей это понравилось. Все бабы сучки, ходок. А эта стерва и подавно.

Глеб выхватил из ножен меч и всадил его охоронцу в глотку. Второй охоронец смертельно побледнел, облизнул языком обескровленные губы и пробормотал:

– Что ты...

Клинок второй раз блеснул в свете факелов, и охоронец рухнул на пол с рассеченной грудью.

Воевода Бранимир вскочил с лавки и оцепенело уставился на трупы, затем обхватил пальцами рукоять меча и перевел взгляд на Глеба. Глаза его пылали гневом и ненавистью.

– Ты убил княжьих охоронцев, – проскрежетал Бранимир.

Глеб, не отвечая, поднял с пола пучок соломы, тщательно стер с клинка кровь и вложил его в ножны.

– Я забираю Голицу из темницы, – сказал он. – Если попробуешь меня остановить, ляжешь рядом с этими гадами.

Он повернулся к воеводе спиной и шагнул к двери. Спустя минуту он вышел из каменной клетки с Голицей на руках.

Князь Добровол, прошуршав пурпурной накидкой, скрепленной на правом плече драгоценной фибулой, втянул носом «дорожку» бурой пыли, отложил железную трубочку и откинулся на спинку кресла.

Посидел так немного, прикрыв веки, потом посмотрел на Глеба замаслившимися глазами и вымолвил:

– Бранимир сказал, что ты убил двух охоронцев.

Глеб не ответил. Тогда Добровол улыбнулся кривой, недоброй улыбкой, слегка махнул пальцами, усыпанными перстнями, и сказал:

– Ладно, леший с ними. А вот то, что ты увез из темницы Голицу, – плохо. Может быть, ты не знал, но пока тебя не было, я издал указ о запрете колдовства. Благодаря моим усилиям в городе не осталось ни одной поганой ведьмы.

– Голица никогда не употребляла свой дар во зло, – сказал Глеб.

– Зло... Добро... – Князь поморщился. – Какая, к лешему, разница? Имеет значение только мой указ. И ты, – Добровол повысил голос, – его нарушил.

– Голица больна. И она не вернется в темницу. Это мое условие.

Некоторое время князь Добровол смотрел на Глеба тяжелым, неприязненным взглядом, потом дернул щекой и сказал:

– Ладно, об этом после. А пока расскажи, как далеко ты продвинулся в деле, которое я тебе поручил.

– Пока недалеко. – Глеб потянулся в карман за сигаретами, но остановился на полпути. Курить здесь, в княжьем тереме, ему не хотелось. Было в этом что-то кощунственное – но не для княжьего терема, а для бутовой травы, которую он собирал и сушил собственноручно и которой очень дорожил. Глупо, конечно, но ничего не поделаешь. Глеб убрал руку от кармана и сказал:

– Призрачные всадники приходят в Хлынь-град не из Гиблого места.

– Вот как? – Добровол прищурил пустые, холодные глаза. – Тогда откуда?

– Из другого мира.

Князь хмыкнул и небрежно изрек:

– А разве Гиблое место – не другой мир?

– Гиблое место – часть нашего мира. Но есть и иной.

Добровол пошевелил пальцами, наслаждаясь холодным блеском драгоценных перстней, затем посмотрел на Глеба такими же холодными и такими же блестящими глазами и уточнил:

– И что это за мир? Как мы сможем в него попасть? И как Призрачные всадники попадают к нам?

– Врата в иной мир способен открыть лишь Избранный. Тот, кого падшие боги наградили этим волшебным даром.

– Значит, нам нужно найти этого человека?

– Да. Но это не человек.

– Вот как? Тогда кто?

– Упырь.

Лицо князя оцепенело. Глядя на него, Первоход отметил про себя, что Добровол сильно сдал за минувшие три года. Холеное лицо его заметно расплылось и пожелтело, от носа к концам губ протянулись две глубокие борозды, под глазами появились мешки, а сами глаза помутнели от пьянства и необузданных «экспериментов» с бурой пылью. Наконец Добровол снова обрел дар речи и насмешливо уточнил:

– Про упыря тебе Голица сказала?

Глеб молчал, продолжая изучать одутловатое лицо Добровола, которое с каждой секундой вызывало у него все больше отвращения. Князь злобно прищурился.

– Обычно тот, кто не желает отвечать на мои вопросы, лишается головы, – с легким раздражением напомнил он. Затем выдавил из себя улыбку и добавил: – Но для тебя я, конечно, сделаю исключение. Итак – как мы можем найти этого упыря? Как его распознаем?

– Полагаю, мы можем попытаться его выследить, – сухо ответил Глеб.

– Выследить... – Добровол хмыкнул. – Мудрое замечание, И как ты это сделаешь, ходок? Пустишь по его следу собак?

– Нет, князь, мы сделаем иначе. Мы отправимся туда, где упырей больше всего.

Несмотря на изрядную дозу вынюханной пыли, Добровол сразу сообразил, о чем идет речь. Его дородное, высокомерное, бородатое лицо слегка вытянулось, и он недоверчиво спросил:

– Ты говоришь о Кишеньском жальнике?

– Да. Я отправлюсь туда.

Добровол нахмурился.

– Что ж... Пожалуй, другого способа и впрямь нет. Я слышал, этот погост огромен, и он просто кишит упырями. Сколько воинов ты намерен с собой взять?

– Я намерен пойти туда со своим товарищем Рамоном.

– Вдвоем? – удивился князь.

– Да.

Добровол качнул головой.

– Это исключено. Я не отпущу тебя одного, ходок. На тебя и твою жалкую жизнь мне плевать, но слишком многое поставлено на карту.

Глеб молчал, исподлобья глядя на князя. Тот вновь шевельнул пальцами, словно блеск камней придавал ему силы и подсказывал правильные решения, и сказал:

– Вот как мы поступим, Первоход. Я пошлю с тобой двадцать самых метких стрелков. А с ними – воеводу Бранимира. Бранимир опытный воин, а рука его, несмотря на пожилой возраст, все еще тверда. Гораздо тверже и крепче, чем у большинства молодых ратников. Как ты на это смотришь?

– Никак, – сказал Глеб. – Это твои воины, и ты можешь делать с ними все, что пожелаешь. Даже раздеть догола и протащить на животах через весь город, как ты сделал со своими непокорными наложницами.

Князь Добровол поморщился.

– Я не желаю обсуждать с тобой свои деяния, – сухо и неприязненно проговорил он. – А кроме того, я никогда не меняю своих решений. С тобой пойдут мои стрельцы и Бранимир. Если по дороге они погибнут, значит, на то воля богов. Но ты... – Добровол сжал пальцами подлокотники кресла и слегка подался вперед, – ты отыщешь белых тварей и разберешься с ними. Даже если для этого тебе придется пройти сквозь огонь! Иначе не видать тебе амулета Сорни-Най как собственных ушей!

Князь вновь откинулся на спинку кресла.

– А теперь ступай в свою комнату и как следует подготовься к походу, – устало сказал он.

Глеб несколько секунд сидел молча. Лицо его было совершенно неподвижно, но в глазах полыхал холодный, бешеный огонь. Он разомкнул губы и медленно выговорил:

– Разрешаешь, значит? Что ж... – Он поднялся со скамьи. – Ты босс, тебе и карты в руки. Выступаем завтра на рассвете. Да, и приготовь бурую пыль.

– Зачем?

– Без нее врата не откроются. Уж ты мне поверь.

Добровол прищурил тусклые, маслянистые глаза.

– И сколько тебе нужно бурой пыли?

– Полпуда.

– Полпуда? – Князь изумленно уставился на Глеба. – В своем ли ты уме, ходок? Это же целое состояние!

– Ничего, от тебя не убудет. И еще... – Глеб поднял руку и резко смахнул со стола горстку бурой пыли. – ...Скажи наркотикам «нет», приятель.

Затем повернулся и, с наслаждением чувствуя спиной злобный, ненавидящий взгляд Добровола, вышел из горницы.

* * *

Воевода Бранимир стоял посреди комнаты навтыжку. Князь же медленно прогуливался по комнате, заложив руки за спину и мягко ступая по персидскому ковру арабскими туфлями.

– Итак... все подтвердилось, Бранимир. Вещунья рассказала Первоходу то же, что и нам. Призрачные всадники являются сюда из Иноземья.

Добровол остановился перед воеводой, посмотрел на него внимательным взглядом и повелел:

– Ты отправишься с ним и сделаешь все, как я тебе сказал.

– Слушаюсь, княже. Но что, если ходок не сумеет отыскать проход в Иноземье?

Добровол нахмурился, пригладил ладонью густую каштановую бороду и ответил:

– Он лучший в своем деле. Если Первоход не сумеет найти проход, то не сумеет никто. Нам остается только положиться на него. Ты же, мой верный Бранимир, будь внимателен и не спускай с Первохода глаз. Он далеко не прост и обязательно попытается затеять свою собственную игру.

Воевода сдвинул косматые брови и угрюмо уточнил:

– Когда мне убить его, княже? Как только он откроет проход?

Добровол вновь пригладил ладонью бороду, отчего камни на его пальцах сверкнули так ярко, что воевода вынужден был отвести взгляд.

– Это ты сам решишь, – сказал князь после паузы. – Возможно, он будет вам полезен и в Иноземье. Убей его, когда посчитаешь нужным, Бранимир. Главное, чтобы он не вернулся назад.

Воевода кивнул.

– Сделаю, пресветлый княже. Клянусь Перуном, ты больше никогда его не увидишь. Дозволь мне идти и подготовить все для завтрашнего похода.

– Иди, – разрешил князь.

Воевода низко ему поклонился, развернулся и чеканным шагом направился к двери.

Глава третья

1

На рассвете отряд верховых стрельцов в полном составе собрался во дворе перед конюшней. А с ними – воевода, Глеб и Рамон-толмач.

Глеб выбрал себе лучшего коня – рослого вороного скакуна, который был так нетерпелив, что и секунды не мог устоять на месте и то и дело бил копытами, высекая из каменистой площадки искры.

Глеб держался в седле легко и не без удовольствия. Рамон был задумчив. Время от времени он принимался что-то нашептывать – не то молился, не то читал стихи. Впрочем, выглядел он, учитывая происшествия последних нескольких дней, совсем неплохо. Целебный травяной отвар делал свое дело, и силы возвращались к Рамону и Глебу быстрее, чем можно было ожидать.

Одет толмач был в белую рубаху и бархатный камзол с теплым подкладом и кожаными врезками. Шерстяные штаны заправлены в яловые сапоги, а длинные черные волосы собраны на затылке лентой. Бородку и усы он подбрил, а одежду тщательно вычистил, так что стал стопроцентным воплощением опрятности.

Стрельцы по указанию Глеба сменили свои мухотяровые красные кафтаны на темные набойчатые. На головах у них были островерхие печенежские шапки, а за спинами, на специальной перевязи, прилажены мушкеты, кожаные мешочки с пулями и рожки с порохом.

Все стрелки были широкоплечие, опытные, с холодными глазами и бесстрашными лицами – и впрямь княжья элита. Глеб, еще не восстановившийся после трех лет, проведенных в Мории, на фоне этих крепышей казался долговым, худощавым подростком, для солидности выкрасившим волосы в серебристый цвет.

Воевода тоже надел кафтан понезаметней. Однако менять «генеральские» малиновые портки, шитые по швам до голенищ жемчугом, он наотрез отказался. Глеб поглядывал на эти малиновые штаны с иронией.

Сам Первоход предпочел куртку из коричневой замши и штаны из лосиной кожи. На широком ремне его висел промысловый нож в берестяных ножнах. За спиной, в чехле из барсучьей кожи – огнестрельная ольстра.

Взглянув на итальянца, Глеб с улыбкой подумал: «Хорошо, что туалетную воду еще не изобрели. Этот парень вылил бы на себя полфлакона».

Рамон заметил его взгляд и спросил:

– Как думаешь, удастся нам попасть в Иноземье?

Глеб пожал плечом.

– Не знаю.

– Ты ведь там один раз уже был. Тебя не пугает возвращение?

– А должно? – приподнял бровь Первоход.

– В Иноземье тебе пришлось лицом к лицу столкнуться с адскими созданиями. Помни о том, что теперь на шее у тебя висит крест. А значит – ты можешь ожидать Высшей помощи. И, на мой взгляд, тебе не помешало бы об этом помолиться.

– Может быть, ты и прав, – сказал Глеб. – Но я не умею молиться. Так что сделай это сам – и за себя, и за меня.

Глеб тронул коня и подъехал к воеводе Бранимиру.

– Как дела у нас с припасами? – осведомился он.

Воевода посмотрел на него холодным, отчужденным взглядом и ответил:

– Все, что нужно, мы захватили.

– Порох, пули?

– Тоже.

Глеб погладил ладонью шею коня и задумчиво проговорил:

– У нас всего два заговоренных меча. Это плохо.

– Моим стрелкам мечи не надобны, ходок. Или ты думаешь, что пулей, выпущенной из мушкета, нельзя убить темную тварь?

– Если эта пуля отлита из белого железа, то убьешь наверняка. Обычной пулей убить темную тварь нелегко. Только если вышибешь ей мозги.

– Тогда тебе не о чем волноваться, ходок, – заносчиво проговорил Бранимир. – В моем отряде самые меткие стрелки.

Чуть сбавив спеси, он кашлянул в кулак и попросил:

– Расскажи мне о том, что нас ждет впереди, ходок.

Глеб успокаивающе погладил своего горячего коня и ответил:

– До межи доберемся верхом. Дальше углубимся в лес верст на пять-шесть, а потом коней придется бросить или отогнать с кем-нибудь назад.

– А потом?

– А потом будет Черный бор. Бор этот относительно безопасен. Но дальше, верстах в пятнадцати от каменной межи, начинается гиблая чащоба. Она кишит темными тварями. Пройдя еще верст восемь, дойдем до места, где раньше была деревня Моревка. Там когда-то добывали руду. В Моревских рудниках полно волколаков, они хоронятся в пещерах от дневного света, который им неприятен. Верстах в пяти от Моревских рудников будет Кишеньский жальник. Это огромное и очень древнее кладбище. Вот туда-то нам с вами и надо.

– А что будет за кладбищем?

– Мертвый город.

– А за ним?
– Лес вечной гари.
– А за лесом?
Глеб усмехнулся:
– Вижу, тебе нравится задавать вопросы, воевода. Должно быть, в прошлой жизни ты был дознавателем.
– И все же – что там, за Лесом вечной гари?
– Я не могу ответить на твой вопрос, Бранимир. За Лесом вечной гари находится странная область, которая постоянно меняет свой облик. На сколько верст эта область тянется – никому не ведомо. Когда-то там было Пепельное озеро. Но потом оно исчезло. Что там сейчас... – Глеб небрежно пожал плечами. – Об этом тебе лучше спросить у темных тварей. Если, конечно, они захотят с тобой говорить.
Бранимир хотел еще что-то спросить, но Глеб повернулся к стрелкам и зычно крикнул:
– Слушай мою команду, парни!
Тяжелая рука Бранимира легла Глебу на плечо.
– Ходок, воевода здесь я, – угрюмым, недовольным голосом напомнил он.
Глеб, двинув плечом, сбросил его руку и холодно проговорил:
– На время похода тебе придется об этом забыть, Бранимир. – Затем вновь повернулся к стрельцам, восседающим на крепких конях. – Внимание, все! Наша экскурсионная группа отправляется в Гиблое место. Мы пройдем обычным туристическим маршрутом, главной тропой «ходоков в места гибели». Убедительная просьба – никому от группы не отставать и не отвлекаться. Фотографироваться на фоне достопримечательностей можно только с разрешения экскурсовода. Да, и еще: Бранимир теперь такой же турист, как и вы, а потому его приказы не имеют никакого значения. А вот того, кто ослушается меня, я брошу подыхать в гиблой чащобе! Все поняли?
Стрельцы удивленно уставились на воеводу, ожидая разъяснений. Бранимир сидел на своем вороном коне с хмурым видом и на стрелков не смотрел.
– Не слышу! – грозно пророкотал Глеб. – Все поняли?
– Да... Все... Мы поняли... – прогудели голоса стрельцов.
Глеб прищурил недобрые глаза.
– Надеюсь, что так! А теперь в путь!
Глеб тронул коня с места, развернул его и рысью поехал к большаку. Стрельцы и Бранимир двинулись за ним.
Воевода смотрел на спину Глеба гневным взглядом, чувствуя жгучее желание вынуть из ножен кинжал и метнуть его ходоку в спину. Лишь огромным усилием воли он заставил себя убрать руку с рукояти кинжала.
– Ничего, ходок... – беззвучно прошептали его губы. – Ничего... Я подожду.

2

По пути к Гиблому месту с отрядом не произошло ничего необычного. Ехали споро. Разговаривали мало. Время от времени устраивали привалы, подкрепляли силы хлебом и мясом, поили коней.

Погода благоприятствовала походу. Ветер утих, солнце светило ярко, и набегавшие изредка облака почти не портили картину. Глеб старался ни о чем не думать. Да, собственно, и думать тут было не о чем. Здравого смысла в этом походе немного, но Голица предложила ему положиться на веру – и Глеб положился.

Мерно покачиваясь в седле, он шурился на солнце, вдыхал полной грудью свежий лесной воздух и чувствовал себя почти счастливым. Теперь уже Глебу не верилось, что на целых три года он был лишен этих простых радостей жизни.

О времени, проведенном в царстве кошмаров, он тоже предпочитал не вспоминать. Нет, он не боялся этих воспоминаний. Просто они ничего не давали его душе. Старое

правило, гласившее: «Живи сегодняшним днем», срабатывало и сейчас. Позади – мрак. Впереди – туман. Все, что может сделать человек в этом мире, это положиться на волю Высших Сил и плыть по течению в надежде на то, что это течение приведет его, куда нужно. Так Глеб и делал.

Рамон ехал чуть в стороне, и вид у него был возвышенный и задумчивый. Стрельцы то и дело косились на толмача, явно потешаясь над его ухоженным, утонченным видом. В паре верст от межи один из них не выдержал и насмешливо проговорил:

– Эй, толмач, не свались с кобылы!

Рамон остановил на нем взгляд и холодно ответил:

– Друг мой, я объездил больше кобыл, чем ты насчитаешь волосков в своем венике.

– В каком венике? – не понял ратник.

– В том, который ты ошибочно принимаешь за свою бороду.

Ратник нахмурился, пригладил косматую бороду ладонью и с угрозой спросил:

– Может, и меня объездишь, остряк?

– Вряд ли это доставит мне удовольствие, – вежливо ответил Рамон. – Хоть с виду ты и знатный жеребец.

Стрельцы захохотали, а ратник плюнул на траву и отвернулся от толмача.

У межи путешественников встретил пост охоронцев. Тут было человек двадцать воинов в броне, вооруженных мечами и мушкетами. Воеводу они, конечно, узнали в лицо, но все же Бранимир, порядка ради, предъявил им бумагу от князя, разрешающую проезд.

– Как тут у вас нынче? – поинтересовался Бранимир у начальника поста.

– Да вроде бы спокойно, – ответил тот, поводя широкими плечами. – Уже два дня без происшествий. Позавчера утром три волколака попробовали прорваться у Кривой балки, но мы им дали отпор. Одного волколака застрелили, два других утекли в лес.

– Как насчет ходоков и добытчиков? – снова поинтересовался воевода.

– Не очень-то шалят. Дней десять назад трое добытчиков пробовали перебраться через бурелом около ржавых болот. Двоих мы поймали и отрубили им головы, как и предписывает княжий указ. А третий утонул в болоте.

– Ну, добро, – кивнул Бранимир. – Пошли с нами пару человечков, чтобы пригнали обратно наших коней.

– Сделаю, воевода.

На том разговор был закончен, после чего отряд продолжил свой путь, прихватив с собой двух молодых охоронцев.

За межой дорога пошла отвратная, разбитая, что ни аршин, то буерак. Воздух был мертвый и влажный. Кое-где на голых ветках пели птицы, но как-то неуверенно и пугливо.

Ехали медленно и почти не разговаривали. Стрельцы опасливо поглядывали по сторонам. Пусть еще не гиблая чащоба, но уже Черный бор. Тут держи ухо востро.

Однако и на этот раз боги миловали. За два часа пути не встретили ни одной темной твари, хотя солнце уже клонилось к западу. Пару раз, правда, раздавался отдаленный жуткий вой. Заслышав его, ратники напряглись, однако посмотрели на Глеба Первохода и, заметив, что он спокоен, быстро расслабились сами.

Вой больше не повторился. В лесу было тихо, переговаривались путники мало, слышались только треск сучьев да фыркание коней.

Вскоре въехали в гиблую чащобу. Лес стал гуще, и Глеб все чаще поглядывал на солнце. Кони с трудом продирались через кусты и, спотыкаясь, перебирали копытами по хрустящему валежнику. Пора было спешиться и отпустить коней, однако Глеб откладывал этот момент до последнего.

«Еще версту, – говорил он себе. – Еще полверсты. Все будет меньше работы ногам». Он чувствовал волнение от предстоящего путешествия в Иноземье. Гиблое место по-прежнему пугало его, но теперь Глеб воспринимал его всего лишь как досадное препятствие на пути к настоящему чуду. А чудо это – иной, неизведанный мир. Что же это за мир? Потерянный Рай? Ад, кишущий жуткими чудовищами и страдающими от нестерпимых

мук грешниками? А может быть, другая планета, населенная мудрыми гуманоидами? Или параллельная реальность, где реализовались варианты, которым не нашлось места в нашей Вселенной? Чем бы ни было Иноземье, но Глеб всей душой жаждал туда попасть.

Однажды ему уже довелось переступить порог Портала и оказаться в этом странном мире, но тогда он не прошел по траве Иноземья и версты. Теперь же Глеб был полон решимости продвинуться дальше.

Деревья были стройными, но росли тесно, и под сенью их крон было темно и прохладно. Вершины деревьев стряхивали на землю сумрак, шорохи леса и неясные тени пугали коней, и те настороженно косились по сторонам лиловыми глазами и встревоженно прядали ушами.

Вдруг Глеб резко остановил коня, быстро вскинул вверх руку в предостерегающем жесте и крикнул:

– Стоять! Замерите на месте!

Всадники осадил коней и замерли перед невиданным зрелищем. Прямо перед ними раскинулась прогалина, заполненная черной грязью. Прогалина подрагивала, как живая, и выглядело это зловеще, будто грязь была хищником, попавшимся в ловушку и лязгающим зубами на своих обидчиков.

Воевода остановил коня рядом с Глебом и удивленно спросил:

– Что это?

– Голодная прогалина, – ответил Глеб. – Сунешь в эту грязь ногу – и не будет ноги. – Он обернулся и, слегка привстав на стременах, проговорил: – Стрельцы, в голодную прогалину никому не лезть! Штука эта – смертельно опасная!

– Так надо ее объехать, – предположил один из ратников.

– Надо, – согласился Глеб и пристально посмотрел по сторонам, прикидывая, как это удобнее будет сделать.

Жидкая черная грязь зашевелилась, забулькала и вдруг, перехлынув через границы прогалины, стала стремительно растекаться влево и вправо.

Кони с храпом шарахнулись от прогалины.

– Грязь ползет! – крикнул кто-то из стрельцов.

– Она нас окружает! – завопил другой.

И был прав. Черный ручей голодной грязи стремительно обтек всадников с двух сторон и, еще до того, как стрельцы успели что-либо предпринять, замкнул круг за их спинами.

И тут у одного из них сдали нервы.

– Пошел! – крикнул он и, пришпорив лошадь, направил ее к черному кольцу голодной грязи.

Повинуясь приказу опытного седока, лошадь рыжей птицей взвилась в воздух и, несомненно, перепрыгнула бы зловещий черный поток, но тут случилось нечто непредвиденное: из жидкого ручья голодной грязи молниеносно вскинулась вверх огромная черная лапа, схватила лошадь за заднее копыто и рванула ее на себя.

Лошадь вместе со всадником рухнула в черный поток. Черные, блестящие языки грязи тотчас набросились на них со всех сторон. Лошадь отчаянно заржала, ратник закричал от боли, но в следующую секунду крик и ржание оборвались.

Оцепенелые ратники с ужасом смотрели на то, как черная грязь быстро обгладывает тела их товарища и его гнедой лошадки. Не прошло и минуты, как от них остались лишь белые скелеты.

Проглотив всадника и коня, черный ручей, окруживший путешественников, расширился. Теперь он был не меньше сажени в ширину.

Первым дар речи обрел воевода Бранимир.

– Первоход, – позвал он хриплым голосом. – Ты видел такое прежде?

– Чтобы голодная грязь загоняла людей в ловушку и окружала? – Глеб хмуро качнул головой. – Нет. Прежде она была на такое неспособна.

Глаза воеводы холодно и неприязненно сверкнули.

– Ты привел нас сюда и теперь не знаешь, как вывести? Тогда какой от тебя толк, ходок?

Глеб молчал. Лицо его было напряжено, на высоком лбу обозначились резкие морщины. Глеб размышлял.

– Воевода, кольцо сужается! – крикнул вдруг кто-то из стрелков.

Глеб и Бранимир устремили взгляды на черный поток. Голодная грязь и впрямь сужала кольцо – медленно, но верно.

– Через пять минут она нас сожрет, – прорычал воевода. И вдруг зычно крикнул: – Стрельцы, двум смертям не бывать, а одной не миновать! Мы не будем ждать, пока грязь подойдет вплотную, и попробуем перепрыгнуть через поток! Кого-то из нас она схватит, как только что схватила Лучана! Но если мы будем быстры, большинству удастся прорваться! Вы готовы рискнуть?

– Готовы, воевода!

– Мы рискнем!

– Мы попробуем!

– Стойте! – крикнул Глеб, перекрывая возбужденные голоса всадников. – Я еще не принял решение!

– Не указывай нам, ходок! – с ненавистью рявкнул воевода и хлестнул Глеба нагайкой по лицу.

Глеб резко отпрянул, кровь из рассеченной на лбу кожи закапала ему на висок и бровь. Бранимир отвернулся от Первохода и крикнул:

– Стрельцы, рассредоточьтесь! Мы прыгнем все одновременно! У этой дряни не хватит лап, чтобы...

Мощный удар кулаком в челюсть заставил воеводу прервать его речь. Бранимир слетел с седла и рухнул на землю. Глеб потрянул ушибленным кулаком, взглянул на ошарашенных ратников и властно приказал:

– Стойте на месте! – Затем двинул коня вперед, на ходу доставая что-то из кармана. Ратники увидели, что это небольшая вещица, похожая на мыльный пузырь.

– Что это? – хрипло спросил Бранимир, поднявшись на ноги.

– Сушило, – ответил Глеб. Приблизившись к подрагивающему черному ручью, он распорядился: – Прыгнете только тогда, когда я разрешу.

Затем легонько размахнулся и швырнул вещицу в черный поток.

По грязевому ручью пробежала дрожь. Прозрачный пузырь пару мгновений качался на волнах, а затем стал стремительно всасывать в себя влагу, быстро увеличиваясь в размерах, как накачиваемый воздухом пляжный мяч.

– Приготовились! – крикнул Глеб.

Пузырь продолжал стремительно расти, всасывая в себя все новые и новые порции голодной грязи. Черный поток мелел на глазах.

Глеб напрягся и тихо прошептал:

– Крылатый бог Семаргл, помоги нам. – Затем выждал еще несколько секунд и крикнул: – Вперед!

Резко взяв с места, Глеб первым направил коня к кромке грязи. Прыжок – и конь Глеба, по широкой дуге перелетев через обмелевший поток, приземлился на хрусткий валежник.

– Не останавливайтесь! – крикнул Глеб через плечо.

Краем глаза он увидел, что Сушило раздулось до размеров трансформаторной будки. Два десятка всадников, словно огромные птицы, взмыли на своих конях... И в этот миг раздался чудовищный хлопок. «Сушило» взорвалось, обдав все вокруг потоком голодной грязи.

Глеб осадил коня, за спиной у него послышались отчаянные вопли. Он обернулся. То, что Глеб увидел, напоминало сцену из фильма ужасов. Несколько полуобглоданных человеческих и лошадиных тел валялись на траве, а по этим телам ползали, как черные пиявки, сотни ошметков черной грязи. С невероятной быстротой, подобно адским пираньям,

обглаживали они трепещущую, горячую плоть.

Рядом с Глебом осадил коня Рамон. Обернувшись назад, итальянец на секунду замер, а затем согнулся с коня, и его шумно вырвало.

3

– Мы потеряли пятерых стрелков! – прорычал Бранимир, усевшись на бревно.

– Да, – хмуро прорычал Глеб.

Воевода посмотрел, как стрельцы разводят костер, затем снова взглянул на Глеба и угрюмо проговорил:

– Что ты на это скажешь, ходок?

– Ничего.

– Кажется, ты взялся довести нас до гнезда упырей в целости и сохранности.

– Не передергивай, воевода. Я никогда этого не обещал. Никто и никогда не водил в Гиблое место такую толпу. Уследить за двумя десятками ведомых невозможно. Скажу тебе больше, Бранимир: если до Кишеньского жальника доберется хотя бы половина нашего отряда, я буду считать это успехом.

Бранимир долго сидел молча, затем сказал:

– Не доверяю я вашему брату, ходоку. Знаю, что печетесь вы только о своей мошне, а на людей вам плевать.

– Ты это точно знаешь? – прищурился Глеб.

– Да.

– Что ж... Значит, ты знаешь гораздо больше меня. Оставим этот разговор, воевода. Не читай мне нотаций, а просто слушай, что я говорю. Слушай и выполняй. И тогда у тебя появится шанс выжить.

Глеб поднялся с бревна, отряхнул штаны и зашагал к костру. Навстречу ему шел коренастый молодой ратник. Разминувшись с Глебом, он подошел к Бранимиру, остановился и негромко спросил:

– Воевода, парни спрашивают: слушаться нам и дальше этого ходока? Он угробил уже пятерых.

Воевода глянул на стрельца тяжелым взглядом и грубовато ответил:

– Слушайтесь. Но лишь до тех пор, пока я это разрешаю.

– Хорошо, воевода. Я передам твои слова другим.

Ратник поклонился, резко развернулся и пошел к своим товарищам.

А пять минут спустя, когда костер ярко полыхал, а на палках, воткнутых в землю, обжаривались мясо и хлеб, между Глебом и Рамоном произошел следующий разговор.

– Глеб, – тихо сказал итальянец, – мне кажется, с этим воеводой что-то нечисто.

Глеб откинул с лица седую прядь и прищурил темные глаза.

– О чем ты, Рамон?

– Сам не знаю. Но мне кажется, он что-то таит в мыслях, что-то скверное и опасное. Это так и сквозит в его взгляде.

– Друг, ты стал слишком подозрителен. Бранимир просто боится. Боится Гиблого места и не доверяет мне.

– Мне кажется, если обстоятельства потребуют от него всадить ножи нам в спины, он сделает это без колебаний.

Глеб задумался.

– Не знаю, Рамон, – тихо проговорил он после паузы. – Не знаю. Может быть, и так. Но это мало что меняет. В любом случае мы должны идти вперед. Дойдем до Кишеньского кладбища, а дальше уже будем соображать, что делать. Ты, главное, береги свою голову. Я не склонен к сантиментам, но так уж получилось, что твоя голова мне так же дорога, как моя собственная.

Глеб подмигнул Рамону и потянулся за своей порцией разогретого вяленого мяса.

Толмач нахмурился. Глеб не захотел прислушаться к его словам. И он прав. Когда отправляешься с товарищами в опасный поход, нет ничего хуже пустых подозрений.

Нужно раздобыть факты. Как раздобыть? Обычным путем. Послушать, подсмотреть – это уж как придется.

Рамон вздохнул, поправил на поясе кинжалы и тоже потянулся за мясом. Озабоченный своими мыслями, он не заметил, что из густого куста бузины за ними наблюдают несколько пар нечеловеческих, налитых кровью глаз.

– Гляди-ка, – насмешливо сказал один из ратников, толкнув плечом соседа, и кивнул на Рамона. – А этот хлыщ не брезгует простой едой.

– Точно, – ухмыльнулся второй ратник. – А я думал, что он питается нектаром и цветочной пылью.

Первый ратник нагло посмотрел на Рамона и хохотнул. Рамон отложил мясо и медленно проговорил, обращаясь к насмешнику:

– Друг мой, улыбаясь так широко, ты рискуешь защемить себе уши.

Ратник прищурился.

– Тебе не нравятся мой уши, толмач?

– Уши приятные. И все же носи их молча. У таких говорунов, как ты, они часто отваливаются.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Только то, что количество твоих ушей в точности совпадает с количеством моих кинжалов. И когда ты мелешь языком, это совпадение совсем не кажется мне случайным.

Ратник не нашелся, что на это сказать, а Рамон вновь взял свой кусок говядины и запустил в него белые зубы.

4

Провожатые дозорных увели коней к меже, и дальше путникам предстояло пробираться по лесу пешком. Ратники шли молча, на лицах их, когда они оглядывали темный неприветливый лес, явственно читался страх.

Но идти пока было нетрудно. Шагали в основном по сухому ельнику, огибая непроходимые заросли низких березок. Зеленовато-рыжий мох под елями был мягок и густ. В вершинах шумел ветер.

Солнце медленно клонилось к западу, и путники, отмахав пешком много верст, начали уставать. Наконец Глеб сделал знак остановиться.

– Передохните малость, и потом двинемся дальше, – сказал он. – Часа через два разобьем лагерь и заночуем.

– Я чай, в Гиблом месте опасно ночевать, – негромко проговорил один из стрелков.

– Не опаснее, чем на передовой, – небрежно ответил Глеб.

– Слышь-ка, Первоход, а у тебя есть все эти хитрые вещи, которыми пользуются ходоки? – поинтересовался второй.

– Вы о чудных вещах?

– Угу.

– Кое-какие есть. Но мало. Да и бестолковые они.

Ратники заоглядывались друг на друга и удивленно зароптали. В их представлении «ходоки в места погиблые» были какими-то сверхлюдьми, в карманах у которых всегда имелись чудодейственные амулеты на все случаи жизни. Узнать, что это не так, им было неприятно.

Глеб, заметив их беспокойство, усмехнулся.

– Зачем вам чудные вещи, парни? У вас ведь есть мушкеты. Разве они не делают вас непобедимыми?

Ратники помрачнели. Выглядели они уставшими и ошеломленными, и Глеб решил их не доставать. Повернувшись к чащобе, оставшейся за спиной, он наткнулся на Рамона.

Итальянец тоже выглядел неважно. Бледность еще не сошла с его лица, а в глазах застыли страх и тревога. Глебу это не понравилось. Рамон был его единственной опорой в этом жутком месте, и он не хотел, чтобы толмач свалился в какой-нибудь овраг с сердечным приступом.

— Ну как, Первоход? — спросил Рамон напряженным голосом. — Ты что-нибудь чувствуешь?

Глеб прислушался к себе и кивнул.

— Да.

Рамон слегка побледнел и уточнил, перейдя на хриплый шепот:

— И что именно?

— Что хочу отлить, — спокойно ответил Глеб.

Толмач нахмурился.

— Первоход, я...

Глеб засмеялся и хлопнул Рамона по плечу.

— Ну же, толмач, не будь так серьезен. Вынь кол из задницы. Хлопуши на тебя нет!

При мысли об их общем друге, вечно голодном здоровяке Хлопуше, Рамон улыбнулся.

— Да уж, — сказал он. — Хлопуша был бы здесь весьма кстати. Интересно, где он теперь и что делает?

— На первый вопрос я тебе ответить не могу, а вот на второй знаю точный ответ. Хлопуша сейчас ест.

Глеб засмеялся, снова хлопнул Рамона по плечу и пошел к кустам. Он видел, какими глазами смотрят на него ратники, и понимал, как должны они его ненавидеть, но ничего не мог с собой поделать. Чувствовал он себя великолепно. Должно быть, в суждениях людей о том, что ходоки — пасынки Гиблого места, была доля истины. Здесь, в гиблой чащобе, Первоход явственно ощущал, как силы быстро возвращаются к нему.

А что до погибших ратников... Находясь в Гиблом месте, нельзя ни о чем сожалеть. Глеб знал лишь один рецепт, помогающий уцелеть: не думать ни о смерти, ни о возвращении, а просто идти вперед, уничтожая любого, кто встанет на пути. Отступишь хоть на шаг назад, поколеблешься хоть на миг — и считай, что ты уже труп.

* * *

Отдохнув и слегка подкрепившись, ратники зашагали споро и торопливо, стараясь пройти как можно больше до того, как ночная тьма опустится на лес.

Тревога за собственную жизнь вытеснила из голов ратников мысли о погибших товарищах. Теперь они старались не думать о плохом и были озабочены лишь одной мыслью — выжить.

Лес становился все заболоченнее. Черный бурелом завалил топь, и пробираться по нему было трудно. Некоторые стволы уже иструхлявились, а другие еще обманчиво сохраняли округлую форму, однако под тяжестью сапога тут же рассыпались, и тогда ноги путешественников увязали в чавкающей трясине.

Незадолго до заката стало посуше. Пройдя еще полторы версты, путники вышли к ручью. Глеб велел всем остановиться. Подойдя к ручью, он ополоснул в воде облепленные вязкой грязью сапоги. Толмач, Бранимир и ратники последовали его примеру.

Дальше путь стал сухим и твердым. На смену ольшанику пришел осинник. Между деревьями черными облаками висели густые купы можжевельника. А еще через несколько верст снова начался густой сосновый бор. Среди стройных стволов с зеленовато-серыми хвойными макушками не было видно ни берез, ни осин.

Уже начало смеркаться, когда Глеб вновь остановил отряд.

— Что случилось, ходок? — угрюмо спросил воевода.

Глеб не ответил, внимательно вслушиваясь в звуки вечернего леса и стараясь определить причину, заставившую его остановиться. Он явственно чувствовал опасность, но

не мог понять, откуда она исходит.

Он не слышал ни тихой поступи хищников, ни треска валежника под неуклюжими ногами упырей, ни тяжелого дыхания волколаков. Только негромкий шорох ветвей, колеблемых ветром. Впереди, между темными стволами, угадывалась поляна.

Глеб еще раз осмотрел лес и остановил взгляд на рощице странных деревьев. Деревьев было пять, все с черными стволами, безлистые, отдаленно похожие на осины, но определенно не осины. В каждом дереве, примерно на уровне полутора саженей от земли, зияло черное дупло. Помимо того, что Глеб не смог определить их вид, в черных деревьях имела еще одна странность – белесые пятна на стволах, похожие на колонии белой плесени. Каждое белесое пятно располагалось аккуратно над черным дуплом, будто в этом таилась какая-то непонятная закономерность.

Один из стрельцов тихо вскрикнул и тряхнул левой ногой, а затем выхватил из ножен кинжал и несколько раз рубанул по ветке, зацепившейся за его штанину. По его рваной штанине расплылось красное пятно.

– Что случилось? – быстро спросил Глеб.

– Да деревья тут... какие-то странные, – морщась от боли и с опаской поглядывая по сторонам, сказал ратник. – Будто нарочно цепляются. А ветви у них – как когти.

И вдруг Глеб понял, что его встревожило. Ветер! Никакого ветра не было! В лесу царил абсолютный штиль. Однако ветви деревьев тихонько покачивались, и время от времени по лесу пробегал легкий шум, словно деревья тяжело и уныло вздыхали.

Глеб выхватил из ножен меч и крикнул своим ведомым:

– Бегите к поляне! Быстро!

Страшный скрежет потряс чащобу. А следом случилось нечто такое, от чего даже у Глеба на голове волосы встали дыбом. Несколько деревьев сдвинулись с места и, подобно жутким великанам, со скрипом и скрежетом шагнули к путешественникам.

Стрельцы остолбенели.

– Ребята, деревья ходят! – хрипло выдохнул кто-то. – Да что ж это!..

Длинная ветвь выскочила из кроны дерева и молниеносно вонзилась стрельцу в открытый рот. Рывок – и внутренности стрелка рассыпались по траве, а сам он рухнул лицом на острые ветки подлеска. Все произошло так быстро, что никто не успел ничего сообразить.

Другая ветка, выстрелив из кроны, обвила тело второго стрелка. Затем вскинула его вверх и подбросила в воздух.

Черная дыра на стволе, которую Глеб принял за дупло, быстро расширилась, подобно огромной пасти, усеянной корявыми черными зубами, и из пасти этой, из самой ее утробы, пахнуло на оцепеневших от ужаса странников плесенью и грибной сыростью.

– Прорывайтесь к поляне! – крикнул Первоход ратникам, выхватил из ножен меч и ринулся вперед.

Свистнул, рассекая воздух, меч, и тут же в нескольких местах зазвенело железо. Кто-то пронзительно закричал.

Глеб рубил мечом извивающиеся ветви с холодной, расчетливой яростью, но место каждого отрубленного щупальца тут же занимало новое. Ратники сражались бок о бок с Глебом, но удары их становились все медленнее, они выбивались из сил.

Срубив мечом сразу два щупальца, Глеб обратил внимание на то, что белесое пятно над дуплом ближайшего дерева сильно завибрировало, и на мгновение Глеб ощутил странное чувство – словно белое пятно смотрело на него, как огромный глаз.

– Рамон! – закричал Глеб, продолжая рубить ветви. – Белое пятно над дуплом!

Итальянец кивнул и устремился к дереву, ловко уворачиваясь от хищно змеящихся ветвей.

С кошачьей ловкостью Рамон запрыгнул на дерево, перепрыгнул с ветки на ветку, выхватил из-за пояса кинжалы, перехватил их, замахнулся и вогнал два сверкающих клинка в белесое пятно над дуплом.

Дерево с ужасающим треском вскинуло ветви вверх, на мгновение замерло, затем

издало хриплый, душераздирающий, многоголосый хрип и с оглушительным грохотом повалилось на землю.

Рамон перекувыркнулся через голову и вскочил на ноги.

– Первоход, их можно убить! – закричал он.

Глеб увернулся от очередной когтистой ветви, отбил мечом другую, после чего отшвырнул меч, выхватил из кобуры ольстру и крикнул:

– Ратники, стреляйте в белые пятна на коре!

И выстрелил первым.

Дохнули огнем и мушкеты стрельцов. Грохот выстрелов потряс чащобу.

Ратники Бранимира и впрямь оказались отличными стрелками. Шквал пуль разнес белые пятна над черными дырами ртов в ошметки. Ожившие деревья закачались, стали заваливаться набок, а стрельцы продолжали стрелять, остервенев от злобы и испуга.

Наконец все пять деревьев, огласив лес громким звериным ревом, рухнули на землю и замерли.

Глеб, тяжело дыша, опустил ольстру и вытер рукавом куртки лоб. Потом посмотрел на мертвых чудовищ, усмехнулся и хрипло проговорил:

– Чувствую себя героем экологического триллера. Интересно, что сказал бы об этом Гринпис?

5

– Хорошая работа, толмач, – похвалил один из ратников, остановившись рядом с Рамоном и благосклонно на него посмотрев. – Здорово ты его.

Рамон поднял глаза к небу и смиренно ответил:

– Не я, брат мой, а наш Господь. Я всего лишь карающая десница.

– Здорово караешь. Красиво.

Итальянец улыбнулся.

– Чего не сделаешь с молитвой на устах. – С этими словами он вновь возвел глаза к небу и перекрестился.

Раненый воин лежал на ворохе елового лапника и хрипло бредил. Лицо его, землисто-бледное, было покрыто бисеринками пота.

Трупы убитых ратников покоились чуть в стороне, ожидая, пока выжившие соорудят погребальный костер.

– Что это за проклятые деревья? – яростно спросил Бранимир у Глеба. – Почему они двигались?

– Потому что это не деревья, – сухо ответил Первоход.

– Как это?

Глеб откинул с лица серебристую прядь волос и сказал:

– Мимикрия.

– Чего?

– Эти твари притворялись деревьями. Как бабочка притворяется цветком. Его «кора» – вовсе не кора, а роговые наросты на коже. Крепкие, как броня. Посмотри сам...

Воевода нехотя приблизился к падшему «дереву» и встал рядом с Глебом. Осмотрел блестящий от черной крови ствол и хотел уже отвернуться, но вдруг уставился на разверстое дупло и изумленно пробормотал:

– Это что – зубы?

Глеб кивнул.

– Да. Зубы, язык... Все как полагается. А глаз один. То самое белое пятно над пастью. Единственное незащищенное место на теле чудовища. Нам повезло, что мы вовремя это заметили.

– Повезло? – Лицо воеводы побагровело. – Мои люди погибли, а ты говоришь, что нам повезло?

– Тебе и мне – да. – Глеб повел плечами. – Ведь мы живы.

Воевода несколько секунд молчал, свирепо глядя на ходока, потом скользнул взглядом по темной стене деревьев и невольно поежился.

– Проклятый лес, – проворчал он. – Выжечь бы его дотла.

– Не получится. – Говоря это, Глеб тоже смотрел на деревья, но взгляд его был холоден и спокоен. – Гиблое место умеет защищаться. Впрочем, ты и сам это видел.

Первоход отвел взгляд от леса и посмотрел на Рамона. Тот стоял над трупами убитых ратников и беззвучно шептал слова молитвы. Закончив, он широким жестом перекрестил тела ратников и пробормотал по-латыни:

– In nomine Padre, et Fili, et Spiritus sancti! Amen!²

Глеб отвернулся и нахмурился. Здесь, в гиблой русской чашобе, латынь показалась ему неуместной и раздражающей.

– Наши потери – одиннадцать человек, – вздохнул рядом Бранимир.

– Десять, – напомнил Глеб. – Один еще жив. И я могу помочь ему.

Раненый воин еще стонал и бредил, но голос его звучал тише, а черты испачканного кровью лица заострились, словно у покойника.

Воевода подошел к раненому, долго смотрел на него, и лицо его при этом становилось все темнее и темнее, а затем он вдруг выхватил из ножен меч, перевернул его клинком вниз и всадил лезвие в грудь раненому стрелку.

Ратники отвели глаза, а Бранимир выдернул меч из развороченной груди мертвеца, вытер его об траву и снова вложил в ножны.

Взглянув на Глеба тяжелым, угрюмым взглядом, он глухо проговорил:

– У нас нет времени возиться с ранеными, ходоки. – Затем скользнул взглядом по бесстрастным лицам своих воинов и крикнул: – Впредь помните об этом и не подставляйтесь понапрасну! А теперь пора трапезничать. Виткарь, нарежь на всех мяса и хлеба.

Ратник Виткарь, ни слова не говоря, повернулся и молча зашагал к сумкам с провизией. И вдруг остановился как вкопанный. Сумки с припасами не было. Виткарь хотел окликнуть воеводу и сообщить ему о пропаже, но вдруг увидел сумку, которая быстро уползала по траве, будто кто-то приделал к ней ноги.

Виткарь опешил, но тут же понял, в чем дело. Зеленовато-бурый зверек, размером с кошку, но больше походивший на крысу, вцепившись в край сумки зубами, резво тащил ее к кустам.

– Ах ты, чтоб тебя! – выругался Виткарь и бросился вдогонку за подлым грызуном.

Грызун увидел бегущего стрельца и прибавил скорости. Мгновение – и сумка скрылась в кустах. Ратник Виткарь с треском ворвался в кусты, продрался сквозь них, остановился, чтобы перевести дух, и огляделся. Грызун исчез, а вместе с ним и сумка с провизией.

– Леший! – крикнул Виткарь. – Куда ж ты подевался, сволочь?

Коричневый, потертый край сумки мелькнул впереди и тут же исчез в вересовых кустах. Виткарь выругался и рванул вперед.

Он пробежал еще сажень десять, снова нырнул в кусты и вынырнул с другой стороны. Затем прошел несколько шагов, расшвыривая руками колючие ветки, но вдруг услышал позади шорох и оглянулся. В двух саженях от него, на корявом, волглом пне сидел подлый грызун.

– Вот ты где, – выдохнул Виткарь.

Он осторожно повернулся, стараясь не спугнуть зверька, и так же осторожно шагнул вперед. Зверек насторожился, уставившись на стрелка маленькими глазами-бусинками.

– Тихо... – прошептал Виткарь. – Тихо, милый... Я тебя не трону... Куда ж ты подевал сумку, гаденыш?

Он сделал еще один шаг. Зверек пискнул и нагнул головку набок, продолжая

² Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь! (лат.).

разглядывать Виткаря.

– Умница... – проговорил ратник елеиным голосом и сделал еще шажок. – Не убегай. Мы с тобой договоримся.

Остановившись возле пня, Виткарь медленно нагнулся и, резко выкинув вперед руку, схватил зверька за шиворот.

– Попался, гаденыш!

И тут случилось нечто жуткое: трухлявый пенёк вздрогнул, резко выдвинулся из земли и с треском распался надвое, а в следующий миг обе половинки, оказавшиеся огромными черными челюстями, захлопнулись, сцапав Виткаря и, устремившись вниз, молниеносно утащили ратника под землю.

Из черной дыры вверх ударил фонтан алой крови с кровавыми ошметками, а вслед за тем все стихло.

Несколько секунд спустя из близлежащих кустов выбрались зверьки, похожие на больших крыс. Осторожно понюхав воздух, они издали нестройный писк, а затем устремились к тому месту, где стоял пенёк, и стали с визгом вырывать друг у друга кусочки плоти.

Минуту спустя из-под сени деревьев вышли Глеб и кряжистый, мощный, грудастый, почти толстый ратник по кличке Зыба. При их появлении зверьки бросились наутек и мигом спрятались в кустах.

Остановившись у края поляны, Глеб и Зыба огляделись.

– Виткаря нет, – озадаченно проронил Зыба. – Куда он, к лешему, подевался?

Ратник шагнул было дальше, но Глеб задержал его и вновь внимательно оглядел поляну.

– Чего ты? – спросил его Зыба, понизив голос. – Чего-то почуял, да?

Глеб еще несколько секунд осматривал поляну, затем нахмурился и сказал:

– Твой приятель был здесь.

– Где?

Глеб указал на забрызганные кровью листья лопуха.

– Вон там.

Ратник хотел двинуться, но Глеб снова удержал его.

– Нет. Нужно возвращаться к костру.

– К костру? Но как же Виткарь?

– Ему ты уже не поможешь.

По лицу ратника пробежала тень.

– Чушь! – резко сказал он.

Оттолкнув Глеба толстой, могучей рукой, ратник подбежал к окровавленным лопухам, опустился на колени и стал осматривать землю.

– Здесь какая-то нора! – крикнул он. – А ну-ка...

И стрелок, быстро засучив рукав, сунул руку в черную, влажную дыру.

– Нет! – крикнул Глеб и бросился к нему.

Однако было поздно. Что-то громко клацнуло, ратник вскрикнул и упал на траву, с ужасом уставившись на окровавленную культю, из которой торчала острая белая кость.

– Дьявол! – выругался Первоход. – Не выключайся, ратник! Слушай мой голос!

Он подхватил ратника под мышки и быстро оттащил его от окровавленной ямы, похожей на огромный, грязный рот.

– Черт, какой же ты тяжелый. И какой же ты... тупой.

Глеб опустил здоровяка на землю, затем быстро снял пояс, присел рядом с воином и перетянул ему плечо, чтобы остановить кровь.

– Вот так, – кивнул он. – Все будет хорошо, ратник. Держись. Я сбегаю за помощью.

Глеб выпрямился.

– Постой... – хрипло окликнул его Зыба.

Глеб обернулся:

– Что? Говори!

Зыба сделал усилие и пробормотал побелевшими от боли губами:

– Раненым... нельзя...

– Чепуха, – жестко проговорил Глеб. – Я не позволю Бранимиру тебя тронуть. Ты, главное, держись. Через пару минут вернусь с подмогой и носилками. Кроме того, в сумке у меня есть чудодейственное снадобье. К завтрашнему утру будешь как новенький.

Глеб быстро пробежал через полянку, нырнул в кусты и исчез из вида.

Зыба пару мгновений лежал неподвижно, таращась на торчащую из плеча кость. Сцепил зубы, уцелевшей рукой достал из-за пояса кинжал, секунду помедлил, собираясь с духом, а затем быстро перерезал себе горло.

6

– Тринадцать. Мы потеряли уже тринадцать воинов. – Воевода стоял перед Глебом, угрюмо глядя на него исподлобья и сжав кулаки. – Я говорил, что надо было взять больше стрелков!

– Количесвом тут ничего не решишь, – возразил Глеб. – Ты мог бы взять с собой пятьсот стрелков – и потерять триста.

Они стояли вдалеке от полыхающего костра, один на один.

– Голодная грязь, ожившие деревья!.. – прорычал Бранимир. – Да что это за место такое?!

– Гиблое, – ответил Глеб. – Угадай с трех раз, почему его так называли.

Первоход сунул в угол рта бутовую сигарету и небрежно проговорил:

– Тебе не стоило идти со мной, Бранимир. Я был бы рад отправить вас всех назад, но это невозможно. Теперь у нас один путь – вперед.

Глеб, посчитав разговор законченным, снова отошел к костру.

Некоторое время воевода стоял неподвижно, хмуря брови и усиленно о чем-то размышляя. Кровь его вскипала от злобы, но на широком лице не отображалось ничего, кроме обычной угрюмости.

«Какое это несчастье, что нельзя прикончить заносчивого ходока прямо сейчас, – размышлял Бранимир. – Но можно и нужно сделать его уязвимее. Шелковым Первоход от этого не станет, но спеси у него поубавится».

Мрачно усмехнувшись, воевода взглянул на самого молодого из ратников – такого же широкоплечего, как другие, но с мягкой, почти юношеской бородкой и чистым лбом, на котором еще не обозначилось ни одной морщинки.

– Починок! – позвал его воевода. – Поди-ка сюда! Разговор есть.

Молодой стрелок быстро поднялся с бревна и с готовностью подошел к Бранимиру.

– Слушаю тебя, воевода.

Бранимир окинул молодого воина хмурым, внимательным взглядом и сказал:

– Погибло уже тринадцать твоих товарищей.

– Да, – согласился Починок и сдвинул брови. – Мне жаль, воевода.

– Могло бы погибнуть больше, кабы не доблесть моих воинов.

– Должно быть, так, воевода.

– Ведаешь ли, в чем причина таких потерь?

Починок еще больше нахмурился, подумал и ответил:

– В том, что мы в Гиблом месте, а это самое страшное место на свете.

– Верно, – кивнул Бранимир. – Но дело не только в этом.

– А в чем же еще, воевода?

Бранимир подергал себя пальцами за багровый нос. Быстро глянул на ратника из-под кустистых бровей и сказал:

– Думаю я, парень, что Первоход и его дружок толмач нарочно завели нас в погиблые места. Нешто ты думаешь, что они не знали про голодный ручей и про взбесившиеся

деревья?

Починок растерянно пожал плечами.

– Того не ведаю, воевода. Но мне показалось, что они были так же напуганы, как и мы.

Бранимир усмехнулся.

– Конечно, напуганы. Стремясь погубить нас, каждому из них пришлось рискнуть и собственной башкой. Но теперь они совсем не грустят. Ты видел, как спокойны и невозмутимы их лица? Только что не светятся от довольства.

Починок покосился на Глеба и Рамона, сидевших на бревне, чуть в стороне от воинов, и вынужден был согласиться:

– Да. Они и впрямь спокойны.

Воевода тоже покосился на ходока и его друга и мрачно усмехнулся.

– Пусть себе радуются. Недолго им осталось. – Он вновь перевел взгляд на Починка. – Теперь, когда я открыл тебе глаза на правду... ненавидишь ли ты их так же люто, как я?

– Я... не знаю. – Починок сглотнул слюну и виноватым голосом произнес: – Я не слишком умен, воевода. Если что-то нужно сделать, скажи прямо, и я сделаю.

– Что ж, я скажу. – Бранимир прищурил тяжелые веки и проговорил, понизив голос почти до хриплого шепота: – Их двое. И нужно их разлучить.

– Как?

– Догадайся.

Починок наморщил лоб, несколько секунд думал, затем качнул головой и уныло проговорил:

– Прости, воевода, но я не понимаю.

– Есть лишь один способ развести этих двоих, – тихо и спокойно отчеканил Бранимир. – Нужно убить одного, и тогда второй останется один. Понимаешь?

Починок долго таращился на воеводу, не веря собственным ушам. А когда понял, что уши не обманули его, прошептал севшим от изумления голосом:

– Но это... бесчестно.

– Что бесчестно? – сухо осведомился воевода.

– Бить в спину.

Лицо Бранимира потемнело, глаза сверкнули свирепым блеском.

– Когда ты пришел ко мне два года назад, ты сказал, что готов положить за князя жизнь, – тихо пророкотал он. – Было такое?

– Было. Но я...

– Я тогда ответил тебе, что быть княжьим дружинником – это большая обязанность. Для многих неподъемная. Еще я сказал тебе, что многие парни идут в дружину не за тем, чтобы исполнить свой долг перед родиной, а за большими благами. Было такое?

– Было, воевода.

– Тогда мне показалось, что ты еще слишком молод для ратной службы. Но твой отец Ретивой попросил за тебя, и я согласился. Согласился, потому что не было воина честнее и храбрее, чем Ретивой.

– Воевода, я...

– Знаю, Починок, знаю. – Бранимир положил на плечо ратника тяжелую руку и посмотрел ему в глаза прямым, суровым взглядом. – Ты не посрамишь своего отца. Не посрамишь, потому что ты так же предан князю и так же смел. И так же, как и он, ты не ослушаешься моего приказа и сделаешь все, чтобы быть достойным своего отца. А теперь ступай. И прошу тебя – сделай все быстро. Промедление подобно смерти.

7

Воин Починок сел на бревно и исподлобья посмотрел на итальянца. Тот сидел в сторонке от прочих, смуглый, спокойный. Веки его были прикрыты, руки сложены на груди лодочкой, а губы тихонько шевелились. Должно быть, молился своим богам. Или вернее –

Богу. Починок слышал от товарищей, что толмач – христианин.

Починок много раз думал о христианах, но никак не мог взять в толк – как это всем огромным земным хозяйством может управлять единый бог? Это как если бы князь Добровол распустил всех своих слуг и ратников и стал сам с самого утра и до позднего вечера бродить по княжеству и наводить в нем порядок.

Представив себе это, Починок усмехнулся. Чтобы разок пройтись из одного конца княжества до другого, князю Доброволу понадобилось бы года два жизни. А если при этом еще и заглядывать в каждый амбар... то этак и ста жизней не хватит!

Починок покачал головой: нет, не может такого быть, чтобы со всем земным хозяйством управлялся один бог. Не может, и все тут.

И потом, если бог должен быть один, то куда прикажете девать маленьких божков, которые каждый день попадаются на глаза и снуют под ногами? Куда девать домового, банника? А что делать с лешим и анчуткой? Сделать вид, что их нет?

Но Починок сам много раз встречал их на своем пути. Видел сладкие пирожки, погрызенные лешим. Распутывал веревку, которую запутал домовый. А однажды едва не угорел в бане, когда подлый банник закружил ему голову и повалил на полати.

...А иноземец все держал руки лодочкой и все шевелил губами. Да только все это зря. Если бог и впрямь один, то за день он слышит столько молитв, что все они должны превратиться в неразборчивый, бессмысленный гул. И как в таком гуле различить одинокий голос отчаявшегося человека? Да никак!

Вот потому-то и не верил Починок христианам, потому-то и считал их тщетоделами и глупцами.

Толмач наконец перестал молиться. Он открыл глаза и поднялся с бревна. Должно быть, пошел помочиться.

Починок перевел взгляд на Глеба Первохода. Тот лежал недалеко от костра на груде елового лапника и, кажется, спал. Случай был подходящий, и Починок не собирался его упускать.

Он легко поднялся с бревна, скользнул под сень деревьев и бесшумно, как кошка, двинулся за уходящим Рамон. Смазливый неженка-итальянец шел неторопливо. Казалось, он все еще погружен в свои мысли. Починку это только на руку. Он был уверен в своей силе и в своем мастерстве, однако ему не хотелось, чтобы толмач перед смертью испугался. Починок хотел убить Рамона быстро, не причиняя ему долгих страданий.

Итальянец отошел от лагеря довольно далеко. И ушел бы, вероятно, еще дальше, но вдруг остановился и уставился на что-то у себя под ногами.

«Пора!» – сказал себе Починок, тихо вытянул из ножен меч и устремился на толмача.

– Merda³... – прошептал Рамон и хмуро сдвинул брови. – Они и сюда добрались.

Кто именно добрался, этого Рамон не смог бы толково объяснить. Быть может, это были охотники-промысловики. А быть может, ходоки, которые умудрялись проскальзывать через княжьи кордоны незамеченными.

Однако факт оставался фактом – прямо перед собой Рамон видел искусно сделанную ловушку, в которую сам едва не угодил. Это была яма, замаскированная ветками и листвой. На дне наверняка торчали острые колья. Вероятно, смазанные ядом.

Рамон мысленно помолился Господу за благополучное спасение, перекрестился и подумал: «Надо будет обязательно рассказать о ловушке Первоходу».

Затем толмач еще раз перекрестился и повернулся, чтобы отойти от ямы. И в это мгновение ратник Починок налетел на него с обнаженным мечом в руке.

Рамон молниеносно уклонился от удара и выхватил из-за пояса кинжал. Однако пускать его в ход не пришлось. Молодой воин по инерции пробежал вперед еще шаг, споткнулся о комель дерева и рухнул на ветки, прикрывающие яму-ловушку.

³ Дерьмо (итал.).

В ту же секунду ветки под ратником подломились, и Починок полетел в яму, но чья-то сильная рука ухватила его за шиворот и резко рванула вверх.

Повалившись на траву, Починок тут же попытался подняться, но острая боль пронзила его правую ногу, и он опять рухнул наземь. Он попытался нащупать меч, но мягкий сапог Рамона наступил ему на запястье, а острие кинжала кольнуло ему под кадык.

– Лежи спокойно, – проговорил итальянец своим мягким, вкрадчивым голосом. Толмач вгляделся в лицо Починка внимательными черными глазами. – Ты хотел меня убить, верно?

Ратник молчал. Тогда итальянец заговорил снова:

– Падая, ты вывихнул ногу. Чтобы вправить ее, мне придется убрать кинжал. Будь благоразумен, стрелок, и не делай глупостей.

Толмач сунул кинжал в ножны и занялся ногой Починка.

– Сейчас будет немного больно, – предупредил он.

Рывок – короткий вскрик.

– Уф... – Рамон сел на траву и вытер рукою потный лоб.

Починок, отдышавшись и вновь овладев способностью говорить, приподнялся на локте, взглянул на чужеземца и тихо окликнул его:

– Эй, толмач.

Рамон не отозвался, он как раз поправлял сбившуюся перевязь.

– Толмач, – снова окликнул Починок. – Ты зачем меня спас, а?

Рамон и на этот раз ничего не ответил. Тогда Починок сказал:

– Я ведь хотел тебя убить. А ты меня спас. Зачем?

Толмач посмотрел на воина своими черными, бархатистыми, словно у девушки, глазами и мягко проговорил:

– Затем, брат мой, что я христианин.

Починок облизнул губы.

– Почему ты называешь меня братом?

– Потому что все люди братья, – спокойно ответил Рамон. – И мы должны бороться за каждую человеческую душу, как за свою собственную.

Починок двинул ногой, поморщился от легкой боли, затем снова устремил взгляд на Рамона и уточнил:

– Это сказал твой Бог?

– Да, – кивнул итальянец. – Он так сказал.

– И ты слышал, как он это сказал?

Рамон усмехнулся, но вместо того, чтобы ответить, поинтересовался:

– Ты сможешь идти сам?

Починок снова пошевелил ногой, кивнул и ответил:

– Да. Но послушай... Я ведь хотел тебя убить. И ты это понял. Как же ты можешь называть меня братом?

– Ты не хотел меня убивать, – мягко возразил Рамон. – Этого хотел твой демон.

– Демон? – Починок удивленно повел головой. – Кто такой демон?

– Падший ангел, который сбивает человека с пути добра и заставляет его делать зло, – объяснил Рамон.

– Вот как? – Ратник задумчиво полупал глазами. – Отчего же я не видел этого... демона?

– Оттого, что он имеет много личин. И он умеет убеждать. Кроме того, он говорит с людьми на понятном языке – языке ненависти, жадности и себялюбия.

– Вот как, – снова неопределенно проговорил Починок. – А твой Бог? Неужели он говорит тише, чем демон?

– Он говорит достаточно громко. Но услышать Его людям мешают дурные наклонности и заблуждения. Люди слушают и не слышат, смотрят и не видят. Вот как ты. Быть может, в твоём сердце много доброты, но заблуждения, которые ты принимаешь за доблесть, мешают этой доброте раскрыться.

– Раскрыться? – Починок явно был сбит с толку. – Как раскрыться?.. Куда?

Рамон улыбнулся:

– Навстречу людям. А значит – навстречу Богу. Праведность бессмертна, брат, а неправда несет смерть.

– Ты можешь это доказать?

Толмач качнул головой.

– Нет. Это вопрос веры, а вера не нуждается в доказательстве. Вера – это самое лучшее, что может случиться с человеком.

Починок нахмурился и, недоверчиво поглядывая на Рамона из-под сдвинутых бровей, сказал:

– Нам пришлось многое испытать, толмач. Но я ни разу не видел на твоём лице испуга. Неужели ты ничего не боишься?

Рамон ответил спокойно и четко:

– Христианину нечего бояться, брат. Потому что христианин носит в своём сердце Бога. И во всем на него полагается.

– Во всем? – не поверил Починок.

Рамон кивнул:

– Угу.

Стрелок обдумал слова Рамона и тяжело вздохнул.

– Хотел бы я быть таким же, как ты.

– Ты можешь, – заверил его итальянец. – Я иду по широкой дороге. И каждый может ступить на нее.

Починок чуть склонил голову набок и посмотрел на него подозрительным взглядом.

– Твои слова сладки, как мед. Но я слышал, что ваш бог – это бог гнева. Это так?

Рамон покачал чернявой головой.

– Нет, не так. Мой Бог – это Бог любви и милосердия.

– Но...

– Позволь теперь я задам тебе вопрос, – перебил ратника толмач. Он чуть прищурил свои бархатистые черные глаза и негромко спросил: – Убить меня тебе приказал воевода?

Ратник отвел взгляд и не ответил. Некоторое время оба молчали, потом толмач вздохнул и поднялся на ноги.

– Ладно... Нам пора идти. – Он протянул Починку руку. – Держись!

К лагерю Починок шел в задумчивости. Слова толмача были не совсем понятны, но его голос – мягкий, спокойный, уверенный – убеждал лучше любых слов. Особенно поразили стрельца слова о христианском бесстрашии.

«Христианину нечего бояться, потому что христианин носит в своём сердце Бога. И во всем на него полагается».

Такое бесстрашие не было знакомо Починку. Получается, что христианский Бог, будучи Богом любви, заботится о том, в чьём сердце он живет. Выходит, христианин никогда не бывает одиноким? И никогда не чувствует себя покинутым? Чудеса, да и только!

Внезапно Починок ощутил в сердце огромную пустоту. Пустота эта была такая гулкая и черная, что стрелок вспотел от ужаса. Он огляделся по сторонам и зябко повел плечами.

А толмач шел по лесу спокойно и даже что-то тихонько насвистывал себе под нос. Он, конечно, был таким же человеком, как Починок. Не больше и не меньше. Но почему-то стрелец чувствовал себя рядом с ним спокойнее.

«Как знать, быть может, иноземец и впрямь носит в душе частичку своего Бога? – подумал Починок. – И в трудный момент этот Бог накроет нас всех своей власяницей и спасет от напасти? Как знать, как знать?..»

любим расчетам, больше двенадцати часов. Что ж, еще один фокус Гиблого места. Время здесь то растягивается, как резина, то сжимается и скукоживается, как шагреновая кожа. И объяснения этому нет. Как, впрочем, и другим чудесам, на которые так богата чащоба.

Между тем вечерело. На вершинах деревьев скрещивались лучи заката, а понизу уже сочилось предвечернее марево. Сумерки стремительно сгущались, и деревья, казалось, вращались в эту темноту. Птицы в лесу притихли. Потемневшее небо было густо затянуто сизыми облаками, и белая луна, как бледное пятно, маячила в злобной холодной высоте.

Наконец после долгого, страшного пути расположились лагерем на ночевку. Место для ночлега выбрали хорошее – сухое, ровное, укрытое от ветра кольцом деревьев, с мягкой травой и густо стелющимся по земле мхом.

– Сколько еще до Моревских рудников? – спросил у Глеба воевода, снимая с плеча прошитую стальной нитью перевязь с тяжелым мечом.

Глеб прикинул в голове и ответил:

– Верст семь. Хотя расстояния здесь никогда не бывают точными.

– Ты говорил, что Моревские рудники кишат волколаками?

Глеб кивнул.

– Да. По крайней мере, раньше так было.

В глазах воеводы появилось недовольство.

– Опасное место для ночлега, – сухо сказал он. – Не нападут ли они на нас ночью?

– Мы обложим лагерь кострами и будем поддерживать в них огонь до рассвета. Огонь слепит волколаков. Если костры не потухнут – близко они не подойдут. Ну, а если подойдут, у твоих стрелков есть мушкеты. С десяти шагов мушкетная пуля легко разворотит волколаку морду.

Лицо Бранимира осталось мрачным и недовольным, однако он сказал:

– Что ж, будь по-твоему. У меня осталось семеро стрельцов. Я установлю возле костров дозорный пост и буду сменять его каждые два часа.

– Хорошая мысль, – одобрил Глеб. – Сооружайте костры, а я пойду осмотрюсь.

Глеб зашагал к темной стене деревьев и через несколько секунд растворился в этой живой, трепещущей и опасной темноте.

Толмач Рамон, сидя у костра, тщательно осматривал свою рубашку. Заметив пятно присохшей грязи, он попытался оттереть его ногтем.

Сидевший рядом ратник глянул на него и насмешливо проговорил:

– Ты прямо как девка, толмач. Наверное, в грязном исподнем и спать не ляжешь?

– Человек сотворен по образу и подобию своего Создателя, – вежливо ответил Рамон. – Но, глядя на некоторых, можно подумать, что их создателем была чумазная обезьяна. Кстати, друг мой, ты знаешь заповедную тайну воды?

– Какую? – насторожился ратник.

Рамон поманил воина пальцем, а когда тот нагнулся, сказал:

– Она пригодна не только для питья, но и для умывания.

Ратник побагровел от ярости, но сделал над собой усилие и ухмыльнулся.

– Думаешь, эта тайна сделает меня счастливым?

Рамон мягко улыбнулся и качнул головой.

– Лучше. Она сделает тебя чистым.

Стрельцы, слышавшие это, засмеялись. Впрочем, смех этот длился недолго. Ратники выглядели совершенно измотанными. Яловые сапоги и охотничьи чирки с длинными голенищами они скинули, а мокрые портянки развешали на прутах-вешалах вокруг разведенного костра.

Где-то далеко прокаркал ворон. Один из ратников насторожился и тихо проговорил:

– Не к добру это. Ворон – птица злая.

– Дурак ты, Куныр, – сказал ему, позевывая, другой. – И про ворона ничего не ведаешь.

– А ты, что ли, ведаешь?

– Конечно. И ты должен ведать. Это знание нам от предков передается. – Ратник

вздохнул. – Да только нынче мало кто к ним прислушивается.

– К кому? – спросил кто-то из растянувшихся на траве стрельцов.

– Да к предкам. Все бегаем, суедемся. Думаем, что самые умные. А только предки наши во сто крат умнее нас были. Вот и про ворона вы ничего не знаете. А промеж тем ворон – птица Земного Огня.

– Это почему же? – поинтересовался кто-то из стрельцов.

– Потому что черная. Все черные птицы помогают человеку. И глухарь, и дятел. Глухарь живет на пожарищах и собирает души погорельцев, чтобы унести их в Уграй.

– А дятел?

– А дятел долбит в деревьях дыры, чтобы спрятать туда души померших детишек.

– От кого спрятать?

– Ясно от кого. От гончих бога Велеса.

Некоторое время ратники молчали, прислушиваясь к звукам вечернего леса. Потом один из них заявил:

– Я про такое слышал. Только врешь ты, Скуратка. Это не наша вера, а вера лесных людей из восточных лесов.

– Вера наших предков не отличалась от их веры, – сухо возразил Скуратка. – Вот скажи мне, Бутый, ты когда медведя губишь, душу его пленишь?

– Конечно. Коли медведю нос не отрезать и душу его не пленить, душа эта во сне к тебе придет и насмерть задерет.

– Верно. А ведь лесной народ поступает так же.

Снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь далеким карканьем ворона и шорохом листьев.

– А я люблю рыбу, – совершенно невпопад проговорил рыжеволосый, конопатый ратник, лежащий у костра с травинкой во рту. – Весной и осенью, коли воевода даст увольнение, всегда у реки промышляю. Бью стрелами щук и налимов, которые жмутся к берегу. Иной день по полтора пуда настрелять получается.

Ратник Бутый усмехнулся и спросил:

– И к чему ты это сказал?

– Так, ни к чему. Просто вспомнилось.

– Вспомнилось ему, – проворчал ратник Куныр. – Разбередил душу... Я в детстве тоже с батей рыбачить любил. Видел бы ты, каких мы сомов из Большой Лозарки вытягивали. По четыре пуда весом!

– Это ты, братец, врешь, – возразил Скуратка. – В Большой Лозарке отродясь таких сомов не бывало.

– Это у тебя не бывало. А у нас с батей бывало.

– Чего это вы раскудахтались, как хлебопашцы на торжке? – сердито проговорил самый хмурый и молчаливый из ратников. – Лучше о другом подумайте. Вокруг кровь, смрад, а наш Первоход и в ус не дует. А мечом своим машет так бойко, будто он у него не из хуралуга, а из берестяного прутика.

– Верно говоришь, друг, – согласился Бутый. – А знаешь, почему его кличут Первоходом?

– Знаю. Считается, что он первым пришел в Гиблое место. Однако это не так.

– Что значит «не так»?

– А то и значит. Люди ходили в Гиблое место задолго до Первохода. И уж тем более задолго до нынешних ходоков.

Ратники посмотрели на хмурого товарища недоверчиво.

– А ты-то почем знаешь? – спросил его один.

Хмурый чуть прищурил зеленые глаза и ответил:

– Знаю. Мне прабабка рассказывала, когда еще я был мальчонкой. Долго жила моя прабабка на свете.

Ратники притихли, с любопытством глядя на хмурого и ожидая услышать интересную

историю. Но хмурый замолчал и уставился на огонь. Наконец один из стрелков, сутулый и длиннорукий, как горбун, не выдержал.

– Чего томишь? Рассказывай уже.

Хмурый прищурил зеленые глаза, пригладил ладонью курчавую бороду и только после этого заговорил снова:

– В нашем роду все живут долго. У моей прабабки тоже была прабабка. И она рассказывала ей про прежних храбрых воинов, которые ходили в Гиблое место. И не шебуршились по окраинам, соскребая с берегов Лызьвы бурую пыль, а ходили в самое сердце Гиблого места.

Ратник перевел дух и продолжил:

– Тогда еще их не звали ходоками. Да и было их всего трое. Прабабка говорила, что явились они к тогдашнему владыке нашей земли откуда-то с запада. Наших предков тогда частенько пощипывали степняки и варяги. Выжигали деревни дотла, и управы на них не было никакой.

Но три пришлых воина, по мудрости и силе своей, стали советниками тогдашнего владыки. Они научили его, как победить степняков, и оказали отпор варягам, когда те высадились со своих кораблей. Прабабка рассказывала, что пришлые богатыри выступили против двухсот варягов, даже не надев броню.

– Втроем? – удивленно спросил кто-то.

– Втроем, – кивнул хмурый.

– И как? Нешто победили варягов?

Хмурый ратник усмехнулся.

– Победили. Так быстро, что те не успели вытянуть из ножен мечи.

– Как же они их одолели?

– Про то тоже есть своя история. Говорят, что прежде, чем победить варягов, три богатыря поймали в Гиблом месте огнедышащего крылатого змея, который убил тысячу человек, и приручили его. И когда варяги пристали к берегу, крылатый змей спустился с неба, дохнул огнем – и испепелил варягов на месте.

Несколько секунд ратники молчали, ошеломленные рассказом. Потом один из них, черноволосый, угрюмый, сплюнул на траву и с досадой произнес:

– Трепло ты, Боеглав.

– А я уж поверил, – проговорил ратник Куныр. – Надо было сразу догадаться, что ты брешешь.

– Но это правда, – пожал плечами хмурый Боеглав.

– Ты эту сказочку детям на торжке Расскажи, – сердито высказался Скуратка. – Глядишь, и поверят.

– Не хотите – не верьте. А только был змей. И огнем дышал.

– Угу. Огнем дышал, а медом мочился. Знавал я много врунов, но таких, как ты, не видывал.

– Слышь, Боеглав, – окликнул рассказчика конопатый стрелец. – А как звали тех трех богатырей?

– Известно как. Добрыня, Галёб и Борис.

Ратники заушмылялись.

– Вы чего? – удивленно спросил их Боеглав.

– А того, что сказками про Добрыню, Галёба и Бориса завален нынче весь Сходный мост. И с картинками, и без – на любой вкус и за любую цену.

– Вот как? – Боеглав нахмурился. – Я про то не ведал.

– Точно не ведал. Коли б ведал – не стал бы нам врать.

Ратники тихо засмеялись.

– Вот неверующие, – в сердцах проговорил Боеглав. – Да говорю же: правда это. Прабабка моей прабабки была девкой красивой и любила с одним из тех богатырей. И после страстных любовных утех под шерстяным одеялом он ей много чего интересного

понарассказывал.

Ратники снова заухмылялись.

– Верно, много, – сказал Скуратка. – Может, ты нам перескажешь? Мы послушаем.

– Пересказал бы, – хмуро проговорил Боеглав. – Коли бы поменьше зубоскалили. А так – не расскажу.

Боеглав сомкнул губы и сердито уставился на огонь.

– Боеглав, а Боеглав, – окликнул его один из стрельцов. – А я ведь тоже огнем дышать умею. Хочешь покажу? – Не дожидаясь ответа, он повернулся к Скурату задом, задрал подол рубахи и шумно пукнул.

Ратники захохотали. Боеглав матюкнулся, встал на ноги и отошел на другую сторону костра. Улегшись на траву, он закинул руки за голову и прикрыл глаза. Ратники, между тем, продолжали переговариваться.

– Не пойму я этих варягов и степняков, – мерно прозвучал один голос. – Отчего в них столько жестокости?

– Боги их жестоки, вот отчего, – ответил ему другой. – Наши боги людских жертв не приемлют. Только овощи, плоды да питную сурью, на травах забродившую. Ежели птиц и зверей – так и то редко.

– Коляду подкрепляем ягненком, – подтвердил третий голос. – А также во время русалий и в Ярилин день.

– Верно, – согласился первый. – А варяги да степняки дают богам жертву иную и страшную – живых человек. Кормят своих идолов кровью.

– Мой двоюродный дед принес себя в жертву во время двухлетнего голода, – возразил третий.

– Так то по собственной воле, дабы сельчанам своим помочь. Коли сам себя в жертву богам отдать хочешь, так никто тебе перечить не смеет.

– Верно говоришь, – вмешался четвертый голос. – Сам Род принес себя в жертву для того, чтобы появился мир. Для того, чтобы Даждьбог Сварожич взял себе в жены Живу и произвел на свет Орея, от которого все славянские роды свой счет ведут.

Несколько секунд ратники молчали, потом кто-то сказал:

– Варяги – злыдни. Они нашего Перуна кличут Перкуном.

– Как? Как? Пердкуном?

– Ну!

Ратники тихо засмеялись.

– А я слышал, что приморские скифы тоже на жертвенных костровищах людей губят... – вновь заговорил кто-то.

У костра было тепло. Боеглав слушал своих товарищей, и веки его тяжелели от подступающего сна.

– И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов... – слышал он как бы сквозь вату. – Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев и петухов и утопили их в водах Истра. Говорят, что скифы почитают тайнства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы и совершают возлияния по умершим...

Глаза Боеглава окончательно сомкнулись, и он уснул, улыбаясь во сне от ощущения тепла и покоя.

Глава четвертая

Под утро ударили первые заморозки. Листья с тихим треском отламывались от веток и падали на людей. Глеб уже не спал, а лишь дремал, прислушиваясь к шелестящему предрассветному полумраку. Пора было поднимать людей, но Глеб решил дать им еще немного отдохнуть.

Собрав волю в кулак, он легко и бесшумно поднялся и, отряхнув одежду от травы и листьев, зашагал к ручью, чтобы умыться ледяной водой и окончательно согнать с себя сонливость.

Не доходя до ручья саженной пяти, Глеб вдруг услышал подозрительный шум. Звук был странный – похожий одновременно на ворчание собак, пожирающих добычу, и на хрипловатую человеческую речь.

Глеб бесшумно подобрался к сухому малиннику и осторожно раздвинул ветки. Брови его приподнялись, а во рту мгновенно стало сухо. На небольшой лужайке сидели на корточках три смуглых человека. Острыми, широкими ножами они раздирали тушу оленя на куски и полоскали их в ручье, как это делает енот-полоскун. Промытое мясо они складывали на сплетенные из веток носилки.

Чресла каждого из людей прикрывал кусок ткани – что-то вроде набедренной повязки. А рядом с каждым из них лежала дубина со вбитыми в толстый конец гвоздями.

«Это еще что за неандертальцы?» – изумленно подумал Глеб.

Люди вдруг насторожились, словно каким-то непостижимым образом услышали его мысли, приподняли головы и понюхали воздух плоскими, смуглыми носами. Глеб быстро отпрянул, однако в следующий миг понял, что ветер дует не от него к незнакомцам, а наоборот, и немного успокоился.

Люди, понюхав воздух и ничего не заподозрив, снова принялись разделять тушу оленя. В их действиях Глебу почудилось что-то знакомое, словно он наблюдал подобную картину прежде, и быть может, не один раз.

Люди продолжили тихо переговариваться, и звучало это жутко.

Пока Глеб размышлял, что делать, за спиной у него послышались звуки шагов – кто-то из стрельцов проснулся и тоже направился к ручью.

Ветер изменил направление и подул в сторону незнакомцев. Те мгновенно вскинули головы, и в этот момент порыв ветра слегка отклонил ветку, за которой прятался Глеб. Смуглые люди увидели его. В мгновение ока они схватили дубинки, вскочили на ноги и с глухим рыком бросились на Глеба.

Стоило им отпрыгнуть от ручья на полсажени, как облик незнакомцев изменился. Теперь перед Глебом были не люди, а жуткие твари. Ушастые, широкогрудые, покрытые бурой шерстью – они отдаленно напоминали гиен. Однако передвигались твари на задних лапах.

Первого нападавшего Глеб встретил ударом меча в грудь, но два других, внезапно изменив направление бега, бросились на приблизившегося ратника.

Нападение их было столько стремительным, что стрельцы, шагающие к ручью, даже не успели сбросить с плеч свои громоздкие мушкеты.

Твари набросились на ратника одновременно. Молниеносный лязг зубов, короткий вскрик – и вот уже ратник лежит на земле с окровавленным горлом и оторванной рукой.

Расправившись с первым стрельцом, волосатые собакоголовые чудовища ринулись на остальных – и все это с такой ошеломляющей скоростью, что даже Глеб не успел вовремя среагировать. Двоих стрельцов чудовища сшибли с ног ударами дубинок и, несомненно, прикончили бы их, если бы Глеб не выхватил из-за спины ольстру.

Два выстрела слились в грохот, подобный раскату грома. Один из псов ткнулся мордой в траву и затих, второго выстрел отбросил на грудь бурелома – налетев телом на острые ветви, монстр на мгновение повис на них, как на крючьях, но затем ветки треснули, и собакоголовое чудовище рухнуло на землю.

Глеб быстро и зорко оглядел лес. Затем перевел взгляд на ошеломленных стрельцов, ошестинившихся мушкетами, и распорядился:

– Не стреляйте попусту, но будьте начеку!

Держа ольстру наготове, он зашагал к ближайшей из мертвых тварей. Однако не дойдя до нее шага, он вдруг остановился и изумленно уставился на труп чудовища. Затем перевел взгляд на второй. А после с таким же изумлением уставился на третий.

– Дьявольщина, – прошептал Глеб.

И был прав. Все три трупа изменились, и мертвые чудовища выглядели совсем не так, как при жизни.

Через пять минут у ручья собрались все стрельцы, а также воевода Бранимир и толмач Рамон.

– Мы потеряли еще одного, – с глухой яростью пробасил Бранимир. Он с силой пнул мертвого монстра сапогом по волосатой морде и хрипло осведомился: – Что это за тварь, ходок?

– Оборотень, – сказал Глеб.

Воевода холодно прищурился.

– Чушь! У оборотней не бывает рук и ног, а только волчьи лапы. А у той гадины... – Бранимир кивнул головой на труп, – ...даже голова, будто у человека.

Бранимир был прав. У первого чудовища после смерти изменилась голова – теперь она и впрямь походила на человеческую.

У второй твари была огромная волчья морда, покрытая клочковатой бурой шерстью. Широкая, мохнатая грудная клетка. Крепкие, когтистые передние лапы, похожие на руки. А вот с ног шерсть полностью сошла, и они были совершенно человеческими. Да и зад был почти голый и бесхвостый. Кроме того, у этого чудовища были абсолютно человеческие, мужские гениталии.

Третья тварь выглядела еще более замысловато, чем прежние две. У чудовища была собачья морда, но остальная часть черепа выглядела совсем не по-звериному. На голове у твари были длинные темные, совершенно человеческие волосы. Более того – под широкой грудной клеткой висели голые женские груди с розовыми, острыми сосцами.

Глядя на этот странный уродливый гибрид, Первоход передернулся от отвращения.

– Глеб, ты встречал такое прежде? – тихо спросил Рамон.

Первоход качнул головой.

– Нет. Но все выглядит так, словно они недообратились.

– Хочешь сказать, что это полуоборотни? – угрюмо спросил воевода.

– Что-то в этом роде.

Глеб был хмур и выглядел озадаченным. Поразмыслив несколько секунд, он нагнулся, запустил пальцы в длинные волосы женогрудого монстра и потащил его по траве – прочь от ручья.

– Куда это он ее? – удивленно спросил у Рамона воевода.

Толмач не ответил.

Глеб оттащил труп на полсажени, и вдруг ратники негромко ахнули. Шерсть оборотня исчезла, волчьи лапы превратились в руки и ноги, один миг – и взорам путешественников предстала обнаженная, смуглая черноволосая девушка.

– Это ж девка! – хрипло выдохнул кто-то из стрелков.

– Газарка! – поддакнул другой. – Из лесного племени!

Воевода повернул голову к Глебу и растерянно пробасил:

– Как это получилось, ходок? Отчего тварь стала девкой?

Глеб ничего не ответил. Он молча прошел к следующему трупу и волоком подтащил к голой девке. И труп также переменялся. Все, что в нем было звериного, стало человеческим, и теперь у ног Глеба лежал не монстр, а невысокий, худощавый, скуластый парень с черными волосами. Открытые глаза парня были раскосыми, а на подбородке и под плоским носом пробивалась скудная черная растительность.

– И этот схож с газаром, – угрюмо проговорил Бранимир.

Рамон сглотнул слюну, отвел взгляд от трупов и посмотрел на Глеба.

– Друг, ты знаешь, как это объяснить?

– Пожалуй, да, – ответил Глеб. – Все три тела лежали рядом, на одной линии. И те части их тел, которые находились ближе к черной сосне, были звериными. Другие – человеческими.

– Ты хочешь сказать, что если бы мы оттащили их в другую сторону, подальше от черной сосны...

– Можно попробовать, – сказал Глеб.

– О чем вы, ходоки? – не понял Бранимир.

– Воевода, прикажи своим ратникам отнести эти тела... – Глеб окинул взглядом деревья, на секунду задумался, а затем договорил: – ...Вон к той березе.

Бранимир подал знак ратникам. Четверо стрельцов опасливо приблизились к двум голым человеческим телам. Затем, действуя с явной неохотой, взяли их под мышки и волоком потащили к березе. Когда до березы оставалось не больше двух аршин, ратники испуганно вскрикнули и выронили тела из рук.

Испугаться было чего. Трупы потеряли человеческий облик и в несколько мгновений обросли шерстью. Руки и ноги их превратились в когтистые лапы, лица – в уродливые собачьи морды. Теперь они выглядели в точности так, какими Глеб увидел их полчаса назад.

– Ничего не понимаю! – прорычал воевода. – Что это значит, ходок? Почему они меняются?

Глеб нахмурился и задумчиво проговорил:

– Даже не знаю, как тебе объяснить, Бранимир... Думаю, тут действует какое-то поле.

– Поле? – Бранимир посмотрел на Глеба, как на сумасшедшего. – Какое, к лешему, поле?

Глеб пожал плечами.

– Не знаю. Возможно, электромагнитное. – Он слегка усмехнулся и добавил: – Я не силен в квантовой физике, Бранимир. Возможно, пока они находятся внутри этого поля, они остаются людьми. Но стоит им выйти за границы действия поля, как тут же они превращаются в монстров.

Взглянув на озадаченную физиономию Бранимира, Рамон перевел слова Глеба на понятный воеводе язык:

– Первоход хочет сказать, что кто-то наложил на этих людей заклятие. Пока они не выходят за предел, обозначенный гнилым дубом, березой и ручьем, они выглядят как люди. Но стоит им переступить черту, как чары заклятия начинают действовать, и они тут же обращаются в уродливых тварей.

Несколько секунд все молчали, пытаясь переварить эту мысль. Затем один из ратников негромко проговорил:

– А ведь они и впрямь походят обликом на газаров.

– И не только обликом, – сказал на это Глеб. – До того, как мы их потревожили, они разделявали оленью тушу и полоскали мясо в ручье. У газаров такая же привычка.

– Верно, – подтвердил Бранимир. – Они считали, что отдают часть крови жертвы в подарок хозяйке леса, богине Сорни-Най.

– Я слышал, что племя газаров бесследно исчезло несколько лет назад, – с сомнением проговорил Рамон.

– Верно, – сказал Глеб. – Но, кажется, мы только что отыскали этот «след». Как видите, газары не исчезли. Просто они не могут покинуть пределов...

– ...Зачарованной земли, – быстро подсказал Рамон.

Глеб кивнул:

– Да. Что-то вроде этого.

– Племя газаров было самым воинственным в здешних лесах, – проговорил один из ратников. – Если оно осталось таким же...

Закончить фразу он не успел. Что-то свистнуло в воздухе, и ратник, издав короткий стон, повалился на землю. Из его шеи торчал оперенный наконечник стрелы.

– На землю! – крикнул Глеб. – Быстро!

Он схватил за плечи Рамона и воеводу и с силой толкнул их в траву.

Слава богам, ратники не промедлили и, не дожидаясь, пока их подстрелят, быстро нырнули в траву. Еще несколько стрел свистнули у них над головами.

– Леший! – громко выругался воевода. – Откуда они взялись?

Четыре стрелы со свистом рассекли воздух и с глухим стуком вошли в стволы деревьев. Глеб посмотрел на расположение стрел, прикинул что-то в голове и сказал:

– Плохо дело.

– Что такое? – гневно вскинул брови воевода.

– Они окружили нас.

Воевода посмотрел на стрелы, прислушался к шорохам в лесу и прорычал:

– Да. Похоже на то.

– Мне приходилось иметь дело с газарами, – сказал Глеб. – Эти люди никогда не сдаются.

– Плевать я хотел на этих гадов! – рявкнул Бранимир. – Перестрелять их к лешему, и делу конец! Стрельцы, мушкеты наизготовку!

– погоди, воевода, – сказал Глеб. – Не горячись. Газаров много, а мушкетов мало. К тому же газаров скрывают деревья, и высмотреть их будет непросто. Попробуем поступить иначе.

– Как?

Глеб не ответил. Он слегка приподнял голову и зычно крикнул:

– Эй, газары! С вами ли ваш нойон?

– Сдавайтесь, русы! – завопил в ответ резкий, гортанный голос. – Если сдадитесь, будем убивать вас быстро! Если нет, будем резать ваша шкура на кусочки!

Глеб нахмурился, сложил руки рупором и крикнул:

– Газары, я хочу поговорить с вашим нойоном Бекетом! Передайте ему, что мы привезли богатые дары!

– Наша нойон не Бекета! – крикнули в ответ. – Бекета била давно! Наша нойон – Алтук, сын Бекета!

– Он с вами?

– Алтук с нами, да!

– Ну, так скажи ему, что мы пришли с миром!

Газары долго не отвечали. А затем громкий, гортанный голос крикнул:

– Нойон хочет говорить с вами! Выходите! Мы не будем стрелять!

Глеб посмотрел на Бранимира.

– Ну, что думаешь?

– Я еще не рехнулся, чтобы самому подставлять голову под топор! – рыкнул воевода.

– Я им тоже не доверяю, – сказал Рамон. – Лесные жители хитры. Если мы выйдем, они просто переколют нас стрелами.

Глеб на секунду задумался, затем взял ольстру наизготовку и сказал:

– Что ж... думаю, мы не...

Договорить он не успел. Что-то громко свистнуло в воздухе, и огромная веревочная сеть рухнула на головы путников.

2

Это и впрямь были газары. На первый взгляд выглядели они почти так же, как несколько лет назад, когда внезапно исчезли из гиблой чащобы. Но, приглядевшись, Глеб увидел, что газары сильно переменились. Мало того что у них не было коней, но они словно бы сжались, уменьшились в росте. Худые тела, изможденные плоские лица с жидкими бороденками, блестящими от медвежьего жира.

Кожаные панцири – разбитые и латанные во многих местах. Медные пластины там, где

они еще остались, измяты и покрыты патиной и грязью. Остроконечные шлемы газаров тоже поизносились, и перья смотрелись на этих шлемах нелепо. Однако на поясах все еще болтались кривые сабли, а в руках были небольшие охотничьи луки.

Темные, узкие глаза лесных жителей смотрели на Глеба с любопытством и почти с изумлением. Должно быть, они несколько лет не видели людей.

Убивать пленников газары не стали, однако забрали у них оружие и связали им руки. Пройдя под конвоем газаров с полверсты, Глеб и его спутники увидели перед собой импровизированный лагерь из десяти шалашей. Над самым большим из шалашей торчал бунчук из нескольких конских хвостов, оплетенных разноцветными нитями. На всем здесь лежала печать упадка, запущенности и обреченности.

Солнце еще не взошло высоко. Тени были длинными, и первозданная утренняя тишина оттеняла звонкий говорок ручья и шорох веток под редкими и резкими порывами ветра. Пахло дымом и потом.

Узкоглазые лица газаров по-прежнему были непроницаемыми, однако, глядя на пленников, они незаметно трогали амулеты, болтающиеся на шеях, и нашептывали молитвы-обереги.

Глеб повернулся к ближайшему газару, который, кажется, был здесь кем-то вроде десятника, и сказал:

– Эй, друг. Мы пришли сюда не воевать. Мы не захватчики, но гости, и мы хотим...

Газар дал знак своим воинам – один из них выхватил из-за пояса кроткую дубинку и хлестко ударил Глеба по голове. Из глаз ходака брызнули искры, он покачулся, хотел что-то сказать, но глаза его закатились под веки, и он рухнул на траву без сознания.

– Ходок!.. Ходок, ты меня слышишь?

Глеб открыл глаза, но застонал от боли в затылке и снова закрыл их. К горлу подкатила тошнота, и Глебу пришлось несколько секунд пролежать молча и неподвижно, чтобы прийти в себя и вновь обрести способность двигаться и говорить.

Открыв глаза, он облизнул пересохшие губы, скосил глаза на Бранимира и спросил:

– Где мы?

– В шалаше. Когда ты вырубился, нас бросили сюда.

Глеб, скривившись от боли в затылке и связанных руках, сел на соломенной подстилке и осторожно подвигал головой.

– Дьявол... – хрипло выругался он. Затем снова взглянул на Бранимира и спросил: – А где остальные?

– Не знаю. – Воевода перекатился с задницы и подполз к кожаному пологу, скрывающему вход в шалаш. Выглянул в щелку.

– Наши там, – тихо сказал он. – Стоят на коленях, все связанные, как и мы. Газары их для чего-то ощупывают. – Воевода повернул голову и посмотрел на Глеба. – Как думаешь, для чего это они?

– Понятно, для чего, – глухо отозвался Глеб. – Собираются приготовить из нас азу по-газарски. Если мне не изменяет память, эти ребята никогда не брезговали человеческим мясом.

Едва он это сказал, как полог отскочил в сторону, впустив внутрь сноп дневного света, затем в шалаш вошли два газара-крепыша. Они схватили Бранимира и Глеба за плечи и рывком поставили их на ноги.

– Ялды! – рявкнул один и пихнул Бранимира в спину, подталкивая его к выходу.

Второй оказался не так разговорчив. Вытянув руку, он сгреб в кулак длинные седые волосы Глеба и, ни слова не говоря, потащил его наружу.

Бранимира и Глеба поставили на колени, рядом с другими пленниками, затем стали осматривать и ощупывать, как осматривают и ощупывают животных, приведенных на убой.

– Кажется, они проголодались, – с угрюмой усмешкой проговорил Глеб. – Интересно, кого поджарят первым? Воевода, мне кажется, ты из нас троих самый аппетитный.

– Мое мясо для них слишком старо и жестковато, – ухмыльнувшись отозвался

Бранимир. – Тут едва ли найдется хоть один воин, во рту у которого больше десяти зубов.

Глеб засмеялся, хотя было ему не до смеху. Газары явно не собирались шутить. Вид у дикарей был голодный, а узкие глаза смотрели на пленников с кровожадным любопытством.

Глеб сцепил зубы и нахмурил лоб. «Думай, Орлов, думай», – приказал он себе.

И вдруг лицо Глеба прояснилось. Мысль, пришедшая ему в голову, была отчаянной, однако рискнуть в любом случае стоило.

– Эй, газары! – хрипло крикнул Глеб. – Мы пришли не просто так! Мы принесли вашему нойону бесценный дар! Пойдите и скажите это нойону Алтуку!

Глеб помнил, что в былые времена многие газары знали русскую речь, и надеялся, что кое-кто из них все еще способен понять, о чем он говорит. Расчет Глеба оказался верен. Один из газаров что-то громко прокричал другим на своем языке, затем повернулся к Глебу и гневно проговорил:

– Эй, рус!

– Я тебя слушаю, – спокойно отозвался Глеб.

– Если хочешь быть живому, покажи свой дар!

Первоход усмехнулся и покачал головой.

– И не надейся. Я покажу его только нойону Алтуку.

Газар скрежетнул зубами, затем молниеносно выхватил из ножен саблю и быстро приставил острое лезвие к горлу ходока.

– Я буду тебя убивать, рус! – прорычал он.

Первоход, чувствуя горлом холодный клинок сабли, небрежно дернул плечом.

– Убивай на здоровье. Но тогда Алтук навсегда останется оборотнем. И ты тоже.

Несколько секунд дикари молчали, напряженно и угрюмо глядя на ходока. Затем острое сабли отпрянуло от горла Глеба, газар вложил его в ножны, резко повернулся и быстро зашагал к самому большому шалашу – тому, над которым колыхался бунчук.

Бранимир покосился на Глеба и недовольно пробормотал:

– Неужели ты надеешься его обдурить?

– Попытка не пытка, – спокойно ответил Первоход. – Иногда это срабатывает.

– Если ты разозлишь его, он тебя убьет. А если ты помрешь, мы помрем тоже. Нам не выбраться из Гиблого места без тебя.

Глеб хмыкнул.

– Приятно, когда твой талант признан. Не переживай, воевода. Я ведь ходок, а ходоки живучи, как темные твари.

Прошло минут пять, в течение которых пленников никто не трогал. Наконец полог шалаша колыхнулся, и газар выбрался наружу.

– Эй, сивый, нойон Алтук приглашает тебя за собой! – крикнул он.

Глеб поднялся на ноги. Двое воинов с обнаженными кривыми саблями встали слева и справа от него.

– Быстро! Быстро! – приказал газар.

Глеб зашагал к шалашу нойона.

Воевода посмотрел ему вслед, вытер плечом потную щеку и хрипло проговорил, обращаясь к Рамону:

– Чужеземец, либо твой друг сумасшедший, либо... – Он не договорил.

Рамон прищурил черные глаза и тихо сказал:

– Все мы в Божьих руках.

3

Нойон Алтык сидел у маленькой жаровни на расстеленных оленьих шкурах. В жаровне весело потрескивали дубовые ветки.

Предводитель лесных людей оказался невысоким сухопарым мужчиной лет тридцати-сорока. По краям его рта висели длинные, тонкие черные усы, словно у китайских

императоров на картинке из учебника истории. Борода его тоже походила на черную веревочку. Вид у нойона был довольно несуразный, но в маленьких узких глазах читались ум, воля и храбрость.

Первоход обратил внимание на то, что доспехи нойона в гораздо лучшем состоянии, нежели у его воинов, и даже бронзовые пластины были везде, где им полагалось быть. Облизнув губы, Глеб взглянул нойону в лицо и сказал:

– Великий вождь, я пришел к тебе с миром. Князь русов, Добровол, прослышал о лесных жителях, скрывающихся в гиблой чаще, и послал нас к тебе для переговоров.

Газар, понимающий русскую речь, быстро перевел Алтуку слова Глеба. Нойон выслушал их со спокойным выражением лица. Затем негромко что-то сказал.

– Нойон спрашивает, что ты слыхать о нас? – перевел толмач, сурово глядя на ходока.

– Мы знаем, что вы живете в самом сердце гиблой чащобы и промышляете охотой. Наш князь хотел бы наладить с вами связь. Покупать у вас битых зверей, пушнину...

Глеб понимал, насколько бредово звучат его слова, но надеялся, что газары, ведя лесной и, по сути, животный образ жизни, стали так же бесхитростны, как лесные звери.

Нойон Алтук внимательно выслушал перевод своего толмача. Глебу показалось, что на его губах промелькнула усмешка, однако глаза нойона по-прежнему спокойно и бесстрастно разглядывали ходока. Выслушав ответ нойона, газарский толмач вновь обратил свой взор на Глеба.

– Нойон хотел узнавать твой прозвищ! И еще – кто ты есть такой!

– Меня зовут... Громобой, – соврал Глеб. – Я главный егерь князя Добровола.

Толмач перевел. Нойон кивнул и что-то сказал в ответ.

– Те, кто приходил с тобой, имеют оружие, – перевел толмач. – Много оружия.

– Не стоит этому удивляться, великий нойон, – доброжелательно проговорил Глеб. – Путь к тебе лежал через опасные места. Нам пришлось сразиться с «живыми деревьями», чтобы добраться в твой лагерь.

Выслушав перевод, Алтук усмехнулся и произнес несколько отрывистых фраз.

– Нойон говорит, что живые деревья – это не самое опасное, что может поджидать вас в чащобе, – последовал перевод.

Глеб слегка склонил голову и сказал:

– Я об этом догадываюсь, великий нойон.

Алтук сделал приглашающий жест рукой, указывая Глебу на разостланную шкуру волка. Глеб сел, скрестив ноги по-газарски. Пол под шкурами был устлан сухим мхом, на жаровне стоял котелок с пахучим травяным настоем.

Нойон снова, еще более внимательно, чем прежде, оглядел пленника, и разговор продолжился.

Узкоглазый толмач переводил медленно и тщательно подбирал слова.

– Ты знаешь, что с нами случаться, гость?

– Да. Я знаю, в чем ваша беда. Вы должны жить здесь, посреди гиблой чащобы, чтобы оставаться людьми.

– Мы живем так уже много лун. Иногда, когда луна ущербная и затянута тучами, нам удается оставаться людьми даже за границей круга заклатья. Но это бывает редко.

– Как же вы с этим справляетесь?

– Мы охотимся внутри круга. У нас много земли для охоты. А когда дичь уходит далеко, мы превращаемся в волков и преследуем ее за границей круга.

– Как это случилось? Как вы стали оборотнями?

– Нас сделал такими человек, которого все называют Глеб Первый Ход. Ты слышал о нем?

– Да, я о нем слышал, – не моргнув глазом ответил Глеб. – Но как и когда это случилось?

Нойон нахмурился и заговорил сурово и угрюмо, а толмач таким же угрюмым голосом переводил:

– Это случится, когда будет война. Люди и звери из этого гиблого леса пошли в Хлынь-город. Но Глеб Первый Ход встал у нас на дороге. Он что-то делал с нами. Какой-то чудо⁴. И все газары стали плохой. Шерсть, когти, зубы... Стало совсем плохо. Мы долго бегать по лесу в звериный шкура. А потом случайно прибежать сюда. И здесь стали снова голыми, как люди. Без собачьей шерсти и без клыков. Колдовство, понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Глеб.

Он решил, что пора брать ситуацию в свои руки, спокойно посмотрел в хмурое, задумчивое лицо нойона и отчетливо проговорил:

– Я могу вам помочь.

Нойон прищурил раскосые глаза, похожие на две черные, холодные щелки, и холодно усмехнулся.

– Как ты нам поможешь, рус? – перевел его слова толмач. – Ты великий колдун?

– Развяжите мне руки, и я покажу.

Толмач перевел. Нойон подумал и кивнул. Один из воинов, стоявших за спиной Глеба, легонько махнул саблей и одним быстрым, точным движением разрезал путы, стягивающие Глебу руки.

Ходок неторопливо потер пальцами натертые до крови запястья, затем так же медленно опустил руку в карман охотничьей куртки. В тот же миг охранники приставили к его шее клинки.

– Спокойно, парни... – примирительно сказал им Глеб. – Я хочу кое-что показать вашему нойону. Это неопасно.

Глеб медленно достал из кармана руку и так же медленно перевернул ее ладонью вверх. На ладони лежала темная горошина Перевертня.

– Что это? – недоверчиво прищурившись, спросил устами толмача нойон.

– Ваше спасение, – ответил Глеб. – Хочешь испытать сам? Или отдашь кому-нибудь из своих нукеров?

Нойон Алтук внимательно посмотрел на горошинку Перевертня.

– Это поможет нам оставаться людьми?

Глеб кивнул:

– Да.

Нойон пристально посмотрел в лицо пленнику и сухо проговорил:

– Ты пробудил в нас надежду, охотник Громобой. Но если ты нас обманешь, мы убьем тебя лютой смертью. И тебя, и твоих друзей.

Предводитель лесных воинов быстро и легко поднялся на ноги. Глеб тут же последовал его примеру. Нойон усмехнулся и коротко что-то сказал.

– Выйдем из шатра, рус, – перевел толмач. – Проверим, на что годится твоя волшебная горошина.

Снаружи было сыро и ветрено. Небо затянули тучи. Остановившись перед шалашом, нойон Алтук едва заметно шевельнул рукой. Один из телохранителей опустил саблю и быстро вложил ее в ножны. Затем шагнул к Глебу и протянул руку.

– Дай ему, – сказал толмач. – Он будет пробовать.

Глеб положил Перевертень в ладонь газарскому воину.

– Положи ее за щеку, но не глотай, – распорядился он.

Воин выслушал перевод, а затем послушно запихал горошину за щеку.

– Отлично. – Глеб кивнул, затем повернулся к толмачу и спросил: – Полагаю, граница заклётого круга где-то рядом?

Толмач перевел слова ходока своему вождю, затем вытянул руку и показал на гнилой дуб, видневшийся в отдалении.

– Граница там, – ответил он.

⁴ Об этом рассказывается в романе «Война демонов».

– Отлично, – снова сказал Глеб и прищурил темные глаза. – А теперь беги к гнилому дубу, – велел он воину, держащему во рту Переветень. – Когда пробежишь мимо, думай о том, что ты теперь человек и больше никогда не будешь зверем.

Толмач перевел. Газарский воин посмотрел на Алтука. Тот величественно кивнул. Воин повернулся и, ни слова не говоря, побежал к гнилому дубу.

Глеб, нойон и воины уставились ему вслед. Глеб стиснул зубы. «Только бы не подвел, – думал он. – Главное, чтобы этот газарский балбес сам не захотел стать псом».

Газар добежал до дуба, на мгновение остановился, а затем, резко рванув вперед, пересек невидимую линию круга заклития. Все замерли, напряженно глядя на его спину.

Газар споткнулся и упал на колени. Потом обхватил ладонями лицо и закричал. Сабля охранника, блеснув в воздухе, коснулась шеи Глеба Первохода.

– Стойте! – крикнул он. – Сейчас пройдет! Толмач, крикни, чтобы не выплевывал горошину!

Толмач прокричал воину на своем гортанном, вороньем языке несколько слов. Тот замолчал и, стоя на коленях, несколько раз тряхнул головой. Затем, опустившись на четвереньки, прополз сажень, ожидая превращения. Затем еще сажень. Голова его задергалась, мышцы шеи напряглись.

– Обращается... – хрипло прошептал толмач.

– Крикни, чтобы не сдавался! – рявкнул Глеб. – Он должен *захотеть* остаться человеком!

Толмач кивнул, вытянул шею и скороговоркой прокричал воину все, что сказал Глеб. Еще несколько секунд газарский воин стоял на четвереньках, затем стал медленно подниматься на ноги.

Газары и Глеб молча и напряженно смотрели на его спину и затылок, украшенный черной косицей. Клинок сабли плотнее прижался к шее Глеба, и струйка крови из рассеченной кожи стекла ему за ворот.

Тем временем воин медленно повернулся, и газары ахнули. Лицо его было лицом человека, хотя он стоял за границей круга заклития.

Воин поднял руки, недоверчиво ощупал свое лицо, затем улыбнулся и что-то радостно крикнул. Глеб и без перевода понял, что именно:

– Нойон, я человек!

Сабля опустилась.

– Слава тебе, Господи, – с облегчением проговорил Глеб и вытер рукавом куртки кровотокающую царапину.

4

Нойон Алтук долго рассматривал «волшебную горошину», после чего положил ее в карман мухотярового, сильно поношенного, но расшитого поверх заплат золотыми нитями халата. Потом устремил взгляд на Глеба, сидящего напротив. Глеб смиренно опустил глаза, всем своим видом выражая миролюбивость. Секунд десять никто не произносил ни слова, затем газарский вождь вздохнул и спросил:

– Как ты это сделал, рус?

Выслушав перевод толмача, Глеб улыбнулся и ответил:

– Эта горошина – сушеный плод травы, которая растет в княжьем саду. Наш князь прослышал про вашу беду и решил помочь вам.

– Зачем?

– Ему нужны верные союзники для борьбы с ятвягами.

Нойон обдумал слова Глеба, затем деловито уточнил:

– Ваш князь все еще Аскольд?

– Нет, – качнул головой ходок. – Теперь наш князь – боярин Добровол. Он был советником при двух князьях, а теперь правит Хлынским княжеством сам.

Нойон обдумал и это. А когда вновь заговорил, желтое, блестящее от медвежьего жира лицо его выглядело более приветливым, чем прежде.

– Ты можешь принести нам много таких горошин?

– Да, – соврал Глеб. – Каждый из вас получит по целебной горошине. Но князь просил узнать, сколько горошин вам нужно?

– Три сотни, – последовал ответ.

Глеб кивнул.

– Хорошо. Мы привезем вам их. Но сначала мне и моим спутникам нужно добраться до старого Кишеньского жальника.

Нойон выслушал перевод, и в его раскосых глазах мелькнуло удивление.

– Ты собираешься пойти в город мертвецов? – недоверчиво спросил он.

Глеб кивнул:

– Да.

Нойон Алтук нахмурился. Газары-охоронцы у него за спиной удивленно переглянулись.

– Я не хочу спрашивать, что у тебя за дело в мертвом городе, – заговорил нойон, а толмач перевел. – Но хочу предупредить, что путь туда опасен. А если волколаки или упыри вас убьют, вы не сможете привезти нам волшебные горошины.

– Верно, – кивнул Глеб и прищурился. – А ты помоги нам, нойон. У тебя не меньше двух сотен воинов. Будет хорошо, если они проводят нас до Кишеньского жальника.

И вновь газарские воины переглянулись за спиной у своего предводителя. Нойон, однако, смотрел на Глеба спокойно и внимательно.

– Ты привез всего одну волшебную горошину, охотник Громобой, – раздумчиво проговорил он. – Мы не можем перейти границу круга заклатья и остаться людьми.

– Быть может, этого и не нужно, – осторожно произнес Глеб. – В зверином обличье вы выглядите не менее грозно.

Нойон выслушал перевод и улыбнулся. Глеб тоже позволил себе вежливую улыбку.

– Хорошо, – сказал нойон после недолгого раздумья. – Я пошлю с тобой десять самых сильных и грозных воинов. Они проводят тебя до Кишеньского жальника и позаботятся о том, чтобы лесные твари тебя не тронули. Но твои спутники останутся с нами.

– Как с вами? Зачем? – Глеб хмуро качнул головой. – Нет, нойон, я не могу идти к кладбищу без них.

Несколько секунд Алтук сидел молча, размышляя о чем-то, затем разомкнул губы и отдал короткий, гортанный приказ. Воины-охранники развернулись и молча вышли из шалаша.

И тогда нойон заговорил тихим, заговорщицким голосом, и толмач, переводивший его слова, заговорил так же тихо:

– Гиблое место изменило не только наш облик, охотник. Мои воины много дней не ели человеческого мяса. Если я отпущу вас всех, они могут разгневаться. А злоба и гнев превращают нас в зверей, даже когда мы находимся внутри круга заклатья.

На Глеба эти слова произвели большое впечатление, но он не подал виду. Сдвинув брови, ходок негромко и холодно отчеканил:

– Прости, нойон, но я никуда не уйду без моих товарищей. Если ты боишься, что твои воины озвереют от гнева, мы можем уйти под покровом ночи. Когда нас хватятся, мы будем уже далеко.

Нойон обдумал слова Глеба и покачал головой.

– Нет, не получится. Мои воины – не люди. У них звериное чутье, и они услышат вас даже во сне.

Глеб выслушал перевод, нахмурился и сказал:

– А ты объясни своим людям, что мы – их спасение.

Нойон вновь покачал головой.

– Не выйдет, охотник. Не думай, что все мои воины хотят вернуть себе человеческий

облик. Многим из них нравится бегать по лесу в зверином обличье.

– Дьявол... – тихонько выругался Глеб. Затем взял себя в руки и сказал, глядя Алтуку в глаза: – Великий нойон, ты должен придумать, как нам уйти. От этого зависит судьба твоего народа. Ситуация сложная, но я уверен, что ты найдешь выход.

Толмач нагнулся к уху своего властелина и что-то быстро зашептал. Нойон слушал спокойно и невозмутимо, однако лицо его от слов толмача слегка просветлело. Выслушав толмача, он воззрился на Глеба замаслившимися от лукавства глазами и сказал:

– Есть один способ. Кто-то из вас должен сразиться с моим лучшим воином и победить его. Тогда он получит право голоса и право власти.

Сердце Глеба учащенно забилося, но он не подал вида, а лишь прищурил темные, холодные глаза, приосанился и отчеканил:

– Я готов сразиться с вашим лучшим воином, нойон Алтук.

Нойон усмехнулся.

– Я вижу, что ты смелый воин, и не сомневаюсь в твоей доблести. Но того, кто бросит вызов моему лучшему воину, должны назвать боги. А о своем решении они известят нас при помощи жребия.

Толмач тщательно перевел слова нойона и замолчал, выжидающе глядя на Первохода. Глеб несколько секунд сидел молча. К своему изумлению и стыду, он понял, что слова Алтука принесли ему что-то вроде облегчения.

«Да что же это? – подумал Глеб, стиснув кулаки. – Неужели я боюсь?»

Нойон ждал ответа. Глеб нахмурился и мрачно проговорил:

– Что ж, раз нельзя иначе... Пусть будет по-твоему.

Алтук усмехнулся, кивнул и легко поднялся на ноги. Толмач и Глеб последовали его примеру.

Они вышли на улицу. Газарские воины сидели вокруг костров и, тихо переговариваясь, ели мясо. Судя по тому, что из многих кусков по подбородкам газаров стекала кровь, воины ели мясо непрожаренным, почти сырым.

Спутники Глеба расположились за отдельным костром, и вид у них был неважный. Шесть стрельцов и воевода Бранимир, жуя черствый хлеб, опасливо косились на свирепые, испачканные кровью физиономии газаров. Один лишь Рамон был спокоен и невозмутим. Его грустные черные глаза были устремлены на затянутое тучами небо, а губы едва заметно шевелились, словно он беззвучно декламировал какие-то печальные стихи.

Завидев вышедших из шатра, ратники тут же устали на Глеба и Алтука, и в глазах их, наряду с тревогой, появилось и что-то вроде облегчения. Должно быть, они не ожидали увидеть Глеба живым и невредимым.

– Вели своим спутникам подойти сюда, – небрежно сказал нойон Глебу. – А ты, – обратился он к одному из своих телохранителей, – принеси сюда Барабан Судьбы.

Затем нойон велел позвать глашатая и сухо ему что-то сказал. Выслушав Алтука, глашатай – кривоногий, лысоватый газар с изможденным лицом – перевел взгляд на Глеба и слегка приподнял бровь. Если взять в расчет необыкновенную сдержанность газарских воинов, жест этот должен был свидетельствовать о величайшем изумлении глашатая.

«Неужели на земле нашелся безумец, готовый биться с нашим лучшим воином?» – как бы говорил этот взгляд.

Вскоре глашатай уже кричал, вскарабкавшись на высокий и широкий пенёк в центре лагеря:

– Гости нашего нойона хотят получить право голоса и право власти! Они готовы испытать судьбу и сразиться с неистовым Фаркуком! По завету, данному нам отцами и дедами, мы не можем помешать им сделать это!

Газар-толмач перевел все это Глебу и его товарищам. Те вскочили на ноги, подошли к Первоходу и остановились рядом, с любопытством глядя на глашатая.

– Что все это значит? – хрипло спросил у Глеба воевода Бранимир. – О какой судьбе он орет? И что это за «неистовый Фаркук»?

– Газары согласны отпустить нас и дать нам в провожатые десять воинов, – пояснил Глеб. – Но для этого один из нас должен сразиться с их лучшим воином.

– Вот оно что, – пробасил воевода. – Ну, так пускай ведут этого воина сюда! Я быстро выбью из него душу! Если, конечно, у оборотней есть душа.

Глеб отрицательно качнул головой и сказал:

– Драться с газаром будет тот из нас, на кого укажут боги.

– Боги? – Бранимир нахмурился и провел мозолистой ладонью по растрепанной бороде. – Это как же?

– С помощью жребия.

– Какого жребия?

Глеб окинул взглядом лагерь газаров с пылающими тут и там кострами и ответил:

– Наберись терпения, Бранимир. Я знаю не больше тебя.

5

Пять минут спустя нойон Алтук, толмач, несколько телохранителей нойона, Глеб и его спутники сидели на сильно потертом ковре, расстеленном прямо на земле, в двух шагах от шатра Алтука. Сидели они полукругом, а в центре этого полукруга стоял странный предмет, отдаленно похожий на барабан. Впрочем, больше он напоминал небольшую коробку для пожертвований, обтянутую потертой коричневой кожей, с прорезью на крышке.

Со всех сторон пленников обступили газарские воины. На лицах некоторых из них все еще темнела засохшая кровь. Воины тихо переговаривались друг с другом на своем гортанном языке и со свирепым любопытством разглядывали гостей.

– Что мы должны делать? – спросил Глеб у нойона Алтука.

Предводитель дикарей прищурил свои глаза-прорези и сказал:

– Протяни мне свою руку, ходок.

Глеб протянул. Нойон вытащил из-за пояса кинжал, рукоять которого была украшена потускневшим жемчугом, и полоснул лезвием по ладони ходока.

Глеб отдернул руку и сцепил зубы, чтобы не выругаться и не зашипеть от боли.

– Теперь поднеси руку к Барабану Судьбы и выдави немного крови в щель, – распорядился нойон.

Первоход, не говоря ни слова, протянул руку, сжал над коробкой ладонь в кулак и выдавил в щель несколько капель крови.

Газары затихли, уставившись на ящик. Несколько секунд прошло в напряжении, затем Алтук шумно вздохнул и сказал:

– Ты не интересен богам, ходок. Им нужен другой.

Воевода Бранимир выслушал перевод толмача и резко протянул нойону свою мозолистую, широкую, как лопата, ладонь.

– Попробуй меня, газар! – прорычал он. – Можешь мне поверить: я размажу твоего лучшего воина по земле таким тонким слоем, что его не смогут отскрести!

Нойон усмехнулся, вытер клинок грязной тряпицей, а затем провел острым лезвием по ладони Бранимира. Тот покосился на Глеба и пробурчал:

– Будь спокоен – я прикончу этого гада.

Воевода поднес ладонь к Барабану Судьбы и сжал ее в кулак. Дождавшись, пока кровь упадет в щель, он убрал руку и уставился на коробку. Еще несколько секунд прошло в напряженном молчании, после чего Алтук сказал:

– Ты не подходишь, батыр. Богам нужен другой. – И перевел взгляд на Рамона. – Теперь твоя очередь.

Итальянец перекрестился и протянул нойону руку. Когда тот делал надрез, Рамон прикусил губу и слегка поморщился, чем вызвал усмешки на лицах некоторых газарских воинов.

Выдавлив несколько капель крови в щель кожаного короба, Рамон достал из кармана

застиранный носовой платок и быстро перетянул кровоточащую ладонь.

Газары снова выжидающе уставились на кожаный короб. Ждать пришлось недолго. Кожаный короб вдруг легонько дрогнул, словно кто-то ударил по нему изнутри. Затем еще раз. И еще. И вдруг невидимый пленник, запертый в кожаной коробке, ритмично замолотил по стенкам, будто и впрямь бил в барабан. А потом коробка поднялась над ковром и замерла в воздухе.

Алтук взволнованно облизнул плоские губы и хотел что-то сказать, но тут коробка рухнула наземь, а из щели вырвалось облако не то пара, не то серого дыма. Облако стало стремительно расти, а в глубине его, подобно сверкающим иглам, заискрились маленькие молнии.

– Кайрам баласам рабакаль! – хрипло выговорил нойон и повалился лицом на землю.

Газары, стоявшие вокруг, упали на колени, а затем, так же, как их предводитель, повалились на землю ничком.

Рамон слегка отшатнулся от короба и побледнел. Глеб недовольно сдвинул брови. Бранимир хмыкнул, а стрельцы машинально потянулись за мушкетами, хотя никаких мушкетов у них за плечами уже не было.

Облако серого пара, продолжая увеличиваться, выросло до размеров небольшого дерева и замерло. Затем внутри него вновь неистово запылали искорки, и форма облака начала меняться, пульсируя и обретая отчетливые человеческие черты.

И вот уже не просто облако, а сотканная из дыма и пара человеческая фигура стоял перед павшими ниц газарами и растерянными пленниками.

– Дьявол... – тихо выругался Глеб побелевшими губами. – Опять чудеса...

Дымчатая фигура нагнулась и быстро приблизила свое серое лицо к лицу Рамона.

Несколько мгновений призрак разглядывал толмача в упор темными пятнами глаз, затем отпрянул и стал стремительно втягиваться в кожаный ящик. Прошло еще несколько мгновений, и от туманной фигуры не осталось следа.

Секунд десять газары неподвижно лежали на траве и лишь потом зашевелились. Первым поднял голову нойон Алтук. Он осторожно и опасливо посмотрел на кожаный ящик, потом перевел взгляд на Глеба и спросил:

– Он ушел?

– Да, – ответил Глеб. – Похоже на то.

Нойон облегченно вздохнул, выпрямился и поудобнее уселся на ковре. Затем окинул взглядом распростертые на траве фигуры своих воинов и гаркнул:

– Кайрам рабикаль буйсара!

Воины стали подниматься, позвякивая оружием и отдуваясь. Лица их были серыми и потными от страха. Глеб взглянул на Алтука и сухо спросил:

– Что это было, нойон?

– Судьба, – коротко ответил тот.

– Прости, великий вождь, но ты кажешься мне напуганным. Неужели ты так сильно страшишься судьбы?

Нойон ничего не ответил. Лишь нахмурился и перевел взгляд на Рамона. Некоторое время он разглядывал итальянца в упор, а затем спросил:

– Как тебя зовут, рус?

Итальянец склонил голову в вежливом поклоне и ответил своим мягким, спокойным голосом:

– Я Рамон. Но я не рус, я итальянец.

Алтук сдвинул лоснящиеся от медвежьего жира брови и торжественно проговорил:

– Выбор богов пал на тебя, чужеземец! Тебе предстоит сразиться с моим лучшим воином и доказать, что ты достоин получить право голоса и право власти!

– Я готов к битве, нойон, – с легким поклоном ответил Рамон.

Алтук повернулся к телохранителям и гаркнул:

– Приведите Фаркука!

Двое телохранителей повернулись и зашагали куда-то к окраине лагеря.

6

Глеб ожидал увидеть рослого, широкоплечего, могучего воина, но человек, которого вели газары, был невысок и очень худощав, если не сказать хил. Одет он был в кожаные штаны и какой-то бесформенный балахон, сшитый из разноцветных лоскутов ткани.

Шел парень неторопливой и слегка покачивающейся походкой, словно был пьян.

– Вот это воин, – насмешливо проговорил кто-то из стрельцов.

– Ноги – тоньше паучьих лапок, – вторил ему другой.

– Обычный пьяный отрок, – усмехнулся третий.

Воевода Бранимир улыбнулся и с видимым облегчением произнес:

– На богатыря этот Фаркук точно не похож. Ну, Рамон, считай, что тебе повезло. Этакого молодца даже ты одолеешь.

Глеб при виде воина Фаркука тоже вздохнул с облегчением, однако, когда газар приблизился к площадке и свет от полыхающих костров упал ему на лицо, на душе у Глеба снова заскребли кошки. Лицо Фаркука, худое, по-юношески безбородое и безусое, поражало своей холодностью, а глаза у него были серые, почти белесые, не глаза – а две бесчувственные мозоли.

«Все не так просто, как кажется», – подумал Глеб, разглядывая Фаркука.

Юный воин остановился перед нойоном и вопросительно на него посмотрел. Взгляд его ледяных глаз был слегка затуманен, словно он и впрямь находился под действием алкоголя или какого-то наркотика.

– Фаркук, мальчик мой! – обратился к нему нойон с отеческой улыбкой. – Один из наших гостей бросил тебе вызов. Готов ли ты сразиться с ним и победить?

Вместо ответа Фаркук сжал правую руку в кулак и легонько ударил себя этим кулаком по груди.

– Хорошо, – кивнул Алтук. – Тогда берите оружие и выходите на поляну. Бой начнется по моему сигналу.

Фаркук, не глядя на Рамона, взял из рук одного из телохранителей большой боевой топор. Руки его дрогнули под тяжестью топора, и смотрелось это почти комично.

Рамон попросил было у нойона свои кинжалы, но Глеб перебил его и сказал, обращаясь к Алтуку:

– Нойон, пусть ему дадут его меч.

– Как пожелаешь, – ответил нойон.

Итальянец откинул с лица черную кудрявую прядь волос и посмотрел на Глеба внимательным взглядом, словно спрашивал: «Уверен ли ты, что поступаешь правильно, друг?»

Глеб ободряюще ему улыбнулся, взял из рук одного из телохранителей протянутый меч и передал его итальянцу.

– Твой меч выковал кузнец Вакар, – сказал итальянцу Глеб. – Он заговоренный. В бою с темной тварью нет оружия лучше, чем этот всеруб.

Рамон взялся за кряж меча, крутанул клинок в воздухе, проверяя балансировку. Посмотрел на Глеба и сказал:

– Благодарю тебя, Первоход. Я сделаю все, чтобы победить.

– Надеюсь, что так, дружище. Иначе нам всем хана.

Рамон был спокоен. Если он и волновался, то тщательно скрывал свое волнение за непроницаемым лицом. Свободной рукой толмач расшнуровал плащ, стянул его с плеч и швырнул на траву.

Противники встали друг против друга на площадке, в самом центре газарского стана. Рамон был на голову выше Фаркука и выглядел сильнее. Он был строен и подтянут, а в каждом его движении чувствовалась ловкость и грация дикой кошки.

Фаркук стоял между двух костров с опущенным боевым топором и смотрел на Рамона странным взглядом. Голова его слегка подрагивала, словно у старика, страдающего болезнью Паркинсона, однако во всем его облике – в расстановке ног, в наклоне головы, в прищуренных глазах и чуть выставленной вперед нижней челюсти – чувствовалось что-то опасное и зловещее.

Глеб заметил, что стрельцы Бранимира волнуются. Видимо, и они поняли, что Фаркук – не просто отрок с затуманенным взором. И если уж головорезы, подобные газарам, признали этого парня лучшим воином, то у этого должна быть причина.

Нойон поднял руку, выждал пару секунд, а потом небрежно махнул. И бой начался.

Фаркук сжал в руке боевой топор, остро взглянул на Рамона и вдруг зарычал. И тут случилось то, чего Глеб так опасался: сухое тельце Фаркука стало быстро увеличиваться в размерах и обрастать шерстью.

«Злоба и гнев превращают нас в зверей, даже когда мы находимся внутри круга заклития», – пронеслись в голове Глеба слова нойона.

Лицо газара завибрировало и вытянулось вперед, в раскрывшейся пасти засверкали острые клыки. За мгновение до того, как метаморфоза закончилась, оборотень поднял топор и с устрашающим рыком бросился на Рамона.

Итальянец увернулся от чудовищного удара, затем поднырнул под топор, резко повернулся и рубанул оборотня мечом по ногам. Однако тот отскочил в сторону и уставился на Рамона пылающими злобой глазами.

– Тише, милый, тише... – проговорил Рамон по-газарски, выставив перед собой меч. – Будь послушным песиком, и я дам тебе косточку.

– Сперва я полакомлюсь твоей! – пролаял оборотень и снова бросился на итальянца.

Но и на этот раз итальянец увернулся, лезвие топора просвистело у него над головой, срезав черную кудрявую прядку волос.

Рамон забежал оборотню за спину и рубанул его мечом по мускулистой, покрытой волчьей шерстью спине. Удар меча лишь слегка расцарапал кожу зверя и еще больше разозлил его.

Оборотень развернулся и, свирепо рыкнув, наотмашь ударил Рамона обухом топора по голове. Удар пришелся вскользь, но сила его была такова, что толмач повалился на землю, а на лицо ему хлынула кровь.

Чудовище издало звериный рев и ринулось на Рамона. Толмач откатился в сторону и вскочил на ноги. Лицо Рамона было бледным, а на его высоком лбу поблескивали капли пота.

– Рамон, держись! – ободряюще крикнул Глеб.

– Не сдавайся, парень! – гаркнул воевода Бранимир.

Оборотень поудобнее перехватил в лапе топор и снова ринулся на Рамона. На этот раз итальянцу не удалось увернуться, и он грянулся об землю, сбитый с ног обухом топора.

Оборотень захохотал и поставил на грудь поверженному противнику огромную, когтистую волосатую ногу. А затем гулко ударил себя кулаком в грудь, вскинул к небу ужасную звериную морду и торжествующе завыл.

И тут газары закричали. Глеб понимал смысл их воплей и без перевода.

– Фаркук, добей его!

– Убей странника!

– Порви его, Фаркук!

Глеб облизнул пересохшие от волнения губы, быстро вытащил из кармана две Зерцальные Скобы, отнятые у барыги Бельмеца. Сунул одну в рот и крикнул:

– Рамон, лови!

Металлическая скобка взлетела вверх, тускло сверкнула в свете солнца, пролетела три сажени, отделяющие Глеба от Рамона, и приземлилась в вытянутую ладонь итальянца.

Оборотень оборвал победный вой и гневно и вопросительно уставился на Рамона.

– Вставь ее под губу! – крикнул Глеб.

Рамон быстро сунул скобу в рот, под верхнюю губу. В ту же секунду Фаркук вскинул свой боевой топор и со всего маху обрушил его на голову итальянца.

Глеб замер на месте. Лицо его словно бы оцепенело, глаза были полуприкрыты веками, словно у сомнамбулы. А Рамон, ловко извернувшись, выскользнул из-под тяжелой пяты оборотня, откатился в сторону и вскочил на ноги.

Лицо Рамона неуловимо изменилось. Взгляд стал недобрый и тяжелым, на щеках вздулись желваки. Он облизнул кончиком языка губы и хрипло проговорил:

– Ну, давай, Кинг-Конг. Покажи, на что ты способен.

Оборотень взревел и вновь бросился на итальянца. Тот ловко увернулся и, насмешливо прищурившись, спросил:

– Это все, что ты можешь, волчишка?

Воевода Бранимир изумленно вскинул брови и быстро покосился на Глеба.

Глаза того по-прежнему были полуприкрыты, а на губах застыла усмешка – такая же холодная и жестокая, как на лице Рамона.

В глазах воеводы мелькнула догадка. Он снова перевел взгляд на итальянца. Тот поудобнее перехватил меч, а в следующий миг оборотень и человек ринулись навстречу друг другу.

Оборотень обрушил на голову итальянца топор, однако за мгновение до этого Рамон успел подставить меч. Удар Фаркука, однако, был столь чудовищен, что легко отбил меч Рамона и вскользь задел его голову.

Оглушенный итальянец рухнул на колени, и оборотень, торжествуя зарывав, вновь вскинул кверху боевой топор, намереваясь разmozжить Рамону голову.

Но не тут-то было. Глеб, стоявший на краю площадки, стиснул зубы, крепко прикусив свою Зерцальную Скобу, и беззвучно пробормотал:

– Вставай, толмач. Вставай и дерись.

В ту же секунду Рамон, словно опомнившись, вскочил на ноги, поднырнул под топор оборотня и нанес ему быстрый удар мечом в грудь.

Клинок меча рассек Фаркуку плоть, но наткнулся на кость и отскочил от нее, словно от стальной брони. Кровь брызнула оборотню на грудь и живот, но монстр, казалось, не заметил этого. Он вновь пошел в атаку, размахивая топором.

Рамон без особого труда увернулся, быстро присел на корточки и рубанул противника клинком по ногам. Оборотень рухнул волосатой спиной на траву и шумно выдохнул ноздрями воздух.

Рамон выпрямился и презрительно проговорил:

– Porco maledetto!⁵ Ненавижу оборотней.

Клинок заговоренного меча вновь сверкнул на солнце и с хрустом вошел в грудную клетку чудовища.

В тот же миг Глеб открыл глаза, быстро глянул по сторонам – не смотрит ли кто на него, а затем выплюнул на ладонь свою часть Зерцальной Скобы и спрятал ее в карман.

Рамон опустил окровавленный меч, повернулся к нойону и громко проговорил:

– Я победил твоего лучшего воина, Алтук! Эту победу я преподношу тебе, как дар!

Итальянец опустился на одно колено и склонил голову в почтительном поклоне.

– Что ж... – недовольным голосом проговорил нойон. – Да будет так.

Он резко повернулся и пошел к своему шатру.

На площадку вышли два газарских воина. Взяв звероподобного Фаркука за руки и за ноги, они поволокли его прочь. На Рамона никто из газарских воинов не смотрел.

⁵ Проклятая свинья! (итал.).

Напившись из фляги воды и немного передохнув, Рамон взглянул на сидевшего рядом Глеба и сказал:

– Благодарю тебя, Первоход. Если бы не ты, этот монстр разорвал бы меня на куски.

Глеб усмехнулся.

– Может, да. А может, нет. Ты самый ловкий сукин сын из всех, кого я знаю.

– Да, но эта победа...

– Эта победа – твоя. – Глеб прищурился и протянул ладонь: – А вот Зерцальную Скобку верни. Возможно, она мне еще пригодится.

Рамон достал из кармана металлическую скобку и положил Глебу на ладонь.

– Это чудная вещь? – спросил он, глядя на то, как Глеб убирает ее в карман.

Глеб кивнул.

– Угу.

– Откуда она взялась?

– Взял напрокат у одного барыги. Не думал, что пригодится.

Рамон снова отхлебнул из фляги, вытер рукавом камзола рот и спросил:

– Что теперь будет, Первоход?

– Теперь? – Глеб чуть прищурился. – Полагаю, ничего плохого не случится. Газары – народ лукавый, однако они боятся своих богов.

– Думаешь, Алтук сдержит слово?

– Уверен, что сдержит. Иначе Страшный Бог Кожаной Коробки выберется наружу и надаст ему по шее. Дай-ка хлебнуть.

Рамон передал Глебу флягу с водой, и тот хорошенько к ней приложился.

– Знаешь, Первоход... – снова заговорил Рамон. – Я только сегодня понял, насколько ты силен.

– Правда? – Глеб вытер ладонью мокрые губы. – Что ж, лучше поздно, чем никогда.

Взгляд итальянца, однако, был серьезен и почти суров.

– Первоход, когда я был тобой, меч в моих руках стал легче перышка. А мускулы мои были столь сильны, что я мог бы свернуть оборотню шею голыми руками.

Рамон замолчал, потом внимательно взгляделся в лицо Глеба и тихо спросил:

– Каково это – знать, что ты сильнее всех?

Глеб приподнял черную бровь.

– Разве ты сам это не испытал?

– Не до конца. Но пока это длилось, мне казалось, что сила моя идет... не изнутри. Она словно бы обволакивала меня, входила в меня и становилась мною. Она струилась по моим рукам теплым потоком, делала мои мускулы твердыми, а кости – несокрушимыми.

Рамон снова замолчал, собираясь с духом для главного вопроса, а потом выпалил:

– Это ведь Гиблое место? Оно наделяет тебя мощью, верно?

– Ты задаешь слишком много вопросов, – нехотя произнес Глеб. – А я не уверен, что могу на них ответить. Скажу одно: сила Гиблого места – недобрая сила. Она способна не только сделать человека сильнее, но может и сломать его, растереть в порошок его кости и выжечь его душу адским пламенем. Иногда эта сила – страшная, почти невыносимая обуза. Поверь мне, толмач, я знаю, что говорю.

Рамон пригладил ногтем черный ус, нахмурился и задумчиво произнес:

– Мне кажется, что я все еще чувствую твою силу, Первоход. Будто часть тебя осталась во мне.

– Звучит двусмысленно, – заметил на это Глеб. – Если хочешь остаться моим другом, не произноси этого при посторонних. Они могут подумать о нас невесть что.

– Но ведь это правда. Мне кажется что часть меня – это все еще ты.

Глеб, запрокинув голову, допил воду, а затем положил опустевшую флягу толмачу на колени.

– Поменьше об этом думай, Рамон. Иначе раздвоение личности разорвет тебя на части. Пойду отолюю.

Глеб поднялся на ноги и, что-то негромко насвистывая, направился к деревьям.

Обращаясь к собравшимся газарам, Рамон заговорил с ними на их языке, и Глеб поразился тому, каким чистым был его выговор.

– Я победил Фаркука и получил право голоса и право власти! – звонко говорил Рамон. – Так решил жребий, так решила судьба и так решили боги! А посему я говорю вам, газарские воины: утром мы покинем ваш лагерь и отправимся к Кишеньскому жальнику! И никто... Слышите – никто из вас не посмеет нас остановить!

При этих словах лица коренастых газарских воинов помрачнели, а в их узких глазах замерцала злоба. Однако возразить Рамону никто из них не решился, опасаясь гнева лесных богов.

Рамон перевел дух, взглянул на Алтука, сидевшего в сплетенном из ивовых веток палантине, и сказал:

– Тебя же, нойон, я прошу: дай нам провожатых. Просьба моя угодна богам, и думаю, что ты не станешь возражать.

Нойон величественно кивнул и проговорил:

– Просьба твоя справедлива, чужеземец. Я дам тебе десять провожатых. И да помогут тебе лесные боги.

– Благодарю тебя за помощь, великий нойон. – Рамон снова повернулся к притихшим газарам. – А теперь мы хотим отдохнуть, – объявил он. – Думаю, вы не оставите избранника богов под открытым небом и соорудите для него и его друзей большой и удобный шатер.

8

Воеводе Бранимиру не спалось. Он слышал, как на другом конце просторного шалаша, в паре сажений от него, размеренно и ровно дышит Глеб Первоход, слышал, как похрапывает стрелец Найдена и как тихонько булькает носом стрелец Починок.

Спали все, кроме Бранимира и толмача Рамона. Итальянец лежал на ворохе сухой травы, закинув руки за голову, и что-то тихонько, почти беззвучно, нашептывал. Почему-то это нашептывание раздражало воеводу больше всего.

Не выдержав, Бранимир строго взглянул на Рамона, различив в полумраке шатра его точеный профиль, и осведомился:

– Молишься?

Рамон замолчал, повернул к воеводе свою красивую голову и ответил:

– Нет, сударь, не молюсь. Просто мне припомнился один стих из поэмы Лукреция «О природе вещей». Тот, в котором говорится о...

– Избавь меня от этого, – хриплым шепотом перебил Бранимир. – И вообще, тебе давно пора спать. Сегодня ты сослужил всем нам добрую службу, но завтра снова можешь стать обузой.

Рамон ничего не ответил. Некоторое время он лежал с открытыми глазами, глядя на отблески костра, играющие на кожаном пологе занавески. Потом откинул покрывало и бесшумно поднялся на ноги.

– Ты куда? – тихо спросил воевода.

– Пойду прогуляюсь, – ответил Рамон.

Бранимир нахмурился:

– Не дури, толмач. Эти дикари запросто могут тебя прикончить.

– Вряд ли. Ты забыл, что я избранник богов.

Рамон шагнул к выходу, откинул полог и вышел на улицу.

Отойдя от шалаша шагов на десять, толмач-итальянец немного постоял, глядя на ближайший костер и прислушиваясь к тихой беседе дозорных. Газары говорили о недавней охоте, о новых ловушках и о том, как тяжело нынче добыть в лесу пропитание. Они знали, что Рамон стоит поблизости, но не обращали на него внимания.

Наконец Рамону наскучил разговор воинов. Он зевнул, повернулся и побрел к

широкому ручью с бьющим у берега ключом в надежде на то, что мерный шум воды навевает на него дрему.

Рамон понимал, что чужеземцу не так уж безопасно бродить по лагерю оборотней. Однако странным образом итальянец чувствовал себя здесь своим. Может быть, причиной этому была победа над Фаркуком? А может быть, сила Гиблого места, которую Рамону довелось так явственно ощутить, сделала его излишне самоуверенным?

Как бы то ни было, но к ручью Рамон шел твердой походкой, не прислушиваясь к звукам ночного леса и не вглядываясь в окружающую его ночную тьму.

Не дойдя до ручья нескольких шагов, итальянец остановился. На широком плоском валуне кто-то сидел и смотрел на журчащий ручей.

Приглядевшись, Рамон понял, что это девушка. Первая девушка, которую Рамон увидел в лагере газаров. Интересно, где она была раньше?

Пораздумав об этом, толмач решил, что, должно быть, у газаров не принято выставлять напоказ своих женщин. Что ж, тем любопытнее будет на нее взглянуть.

Рамону приходилось слышать о неземной красоте лесных женщин, но он не верил в эти слухи. Живя среди деревьев и тратя все силы на выживание, трудно сохранить кожу мягкой, а фигуру красивой, даже если природа щедро одарила тебя этим при рождении.

Под ногой толмача хрустнула ветка, и девушка обернулась. Свет луны упал ей на лицо, и Рамон убедился в том, что слухи о красоте лесных женщин не преувеличение. У девушки было худощавое, чуть вытянутое лицо, раскосые темные глаза и густые черные волосы, отливающие синевой.

Сердце Рамона забилося чуть быстрее, как это всегда с ним бывало при виде красивой женщины или во время проникновенной молитвы. Толмач улыбнулся мягкой улыбкой опытного соблазнителя и проговорил своим мелодичным баритоном, созданным, казалось, лишь для молитв и стихов:

– Страшен лук тугой, о Диана, твой! – Потом прищурил свои бархатистые, миндалевидные глаза и негромко спросил, переходя на газарский язык: – Кто ты, прекрасная девушка?

Несколько секунд незнакомка с любопытством разглядывала толмача, затем ответила:

– Я дочь нойона Алтука, зовусь Камиля.

– Дочь нойона? – вскинул черные брови-стрелки Рамон. – Вот оно что. Сколько же тебе лет, прекрасная девушка?

– Восемнадцать. – Газарка глядела на него с нескрываемым любопытством. – А ты тот самый избранник богов, который убил Фаркука?

– Да. Тот самый.

Рамон неторопливо прошел вперед и сел на валун рядом с девушкой, продолжая искоса ее разглядывать.

Газарка была в обычном для лесных людей одеянии: полотняные штаны, длинная замшевая куртка, украшенная узорами из цветных нитей, мягкие сапожки. Волосы Камили заплетены в косы.

Девушка глядела на толмача мерцающими глазами, и во взгляде ее совершенно не было злобы.

– Я не видел тебя здесь раньше, – сказал Рамон. – Похоже, ваши мужчины прячут своих женщин от чужаков. Это так?

Камиля отрицательно покачала головой:

– Нет, не так. Просто этот стан – временный, поэтому в нем нет женщин. Женщины остались там! – Она махнула рукой в сторону запада. – В пятидесяти верстах отсюда.

– Ясно. А как же ты? Почему ты не осталась с другими женщинами?

Камиля улыбнулась, блеснув белой полоской зубов, и ответила горделивым голосом:

– Отец всегда берет меня с собой. Он не хочет со мной расставаться. Я – его любимая дочь.

– Вот оно что. – Рамон тоже улыбнулся. – Что ж, я его понимаю. Если бы у меня была

такая дочь, я бы тоже никогда с ней не расставался.

Камиля склонила голову набок и осведомилась:

– А у тебя есть дети?

– Нет, – ответил Рамон. – Ни детей, ни жены.

– А родители? Родители у тебя есть?

– Нет, Камиля, родителей у меня тоже нет. Они погибли, когда я был совсем маленьким.

Девушка отвела от Рамона взгляд и вздохнула.

– Моя мама тоже погибла. Ее задрал кодыяк, когда мне было четыре года. Я ее совсем не помню. – Камиля отколупнула от валуна крошечный камушек и швырнула его в ручей. Посмотрела на маленькие брызги и задумчиво добавила: – Отец говорит, что я очень на нее похожа. Думаю, поэтому он и таскает меня повсюду с собой.

Несколько секунд оба сидели молча, глядя на темную воду ручья. Первой молчание прервала Камиля. Она покосилась на Рамона и тихо спросила:

– Я слышала, что русы ненавидят газаров. Это правда?

Рамон улыбнулся и негромко продекламировал:

Любовь и ненависть кипят в душе моей.
Быть может: «Почему?» – ты спросишь. Я не знаю.
Но силу этих двух страстей
В себе я чувствую и сердцем всем страдаю.

– Ты говоришь непонятно, чужеземец, – с легкой тревогой в голосе сказала Камиля. – Это что, молитва?

Рамон качнул чернокудрой головой.

– Нет. Это стихи.

– Что? – не поняла девушка.

– Песня, – пояснил Рамон. – Песня, которая поется без мелодии.

Камиля улыбнулась и спросила с легким смущением в голосе:

– А разве так бывает?

– Бывает.

И вновь воцарилось молчание. Однако Рамон не без удовольствия заметил, что теперь это молчание окрашено в легкие интимные тона, словно между ним и этой газарской девушкой возникла какая-то связь.

Толмач пошел в атаку.

– Я не должен этого говорить, Камиля... но ты очень красива.

Девушка смущенно нахмурилась и отвела взгляд.

– Да... Ты не должен этого говорить, – пролепетала она.

– Но я уже сказал, а сказанного не воротишь. И знаешь, Камиля, я был бы рад повторить это снова.

Камиля повернула голову и пристально посмотрела Рамону в глаза.

– Ты смущаешь меня, иноземец, – сказала она.

– Рамон. Зови меня Рамон.

– Рамон... – повторила девушка.

Толмач кивнул.

– Да. Мое имя звучит в твоих устах, как песня. Я понимаю, что веду себя нагло, Камиля, но... – Толмач улыбнулся и как бы невзначай накрыл ладонью прохладные пальцы девушки. – Я бы хотел слушать эту песню снова и снова.

Камиля высвободила руку, однако сделала это не сразу.

– Твои слова опасны для девушки, – сказала она. – Но еще опаснее твой взгляд. В нем пылает огонь, но этот огонь добрый. Ты смелый воин, Рамон, но ты добрый человек. Никогда прежде я не встречала такого.

Рамон чуть приподнял черную, красиво очерченную бровь и спросил чувственно дрогнувшим голосом:

– Я тебе нравлюсь, Камиля?

– Да, – выдохнула девушка. – Ты очень красивый. И ты не похож на наших мужчин. – Камиля повернула голову и пристально посмотрела на Рамона своими черными, чуть раскосыми глазами. – Ты победил Фаркука, странник, а это еще никому не удавалось.

– Значит, я заслужил один поцелуй?

Не дожидаясь ответа, Рамон быстро наклонился к Камиле и порывисто поцеловал ее в губы. Девушка испуганно отшатнулась, но толмач вновь приник к ее устам, и на этот раз Камиля ответила на его поцелуй. Поцелуй был долг, но в конце его девушка вскочила на ноги и закрылась руками.

– Мы не должны... – хрипло прошептала она. – Только не с тобой.

Рамон поднялся с камня и шагнул к ней. Он обхватил девушку за плечи и прижал к себе. Она попыталась вырваться, оба крутанулись, словно в танце, покачнулись и, не удержав равновесия, повалились на траву.

Камиля упала на Рамона, и он успел подхватить ее так, чтоб она не ушиблась. Увидев прямо перед собой лицо толмача, Камиля вдруг мягко рассмеялась.

– Ты чего? – удивленно спросил толмач.

– У тебя смешное лицо! – с улыбкой ответила девушка.

И тут она, должно быть, осознала, что лежит на чужеземце, и груди ее крепко прижаты к его груди. Камиля попыталась подняться, но Рамон удержал ее. Он вдруг перевернулся, и Камиля оказалась под ним. Рамон заглянул девушке в глаза, затем поднял руку к ее лицу и нежно провел пальцами по ее щеке. Затем рука его соскользнула ниже, он погладил Камиле шею, а потом провел пальцами по ее ключице и накрыл ладонью ее грудь.

Камиля робко повела плечами, затем улыбнулась и положила ладони на плечи Рамона. И тут его губы снова нашли ее уста, а рука его скользнула к ее животу...

Камиля зажмурилась и в последний раз сильно прильнула к Рамону, чтобы продлить наслаждение. Сердце девушки гулко стучало в груди. Какое-то время ночная тишина нарушалась лишь ее дыханием и хриплыми вздохами Рамона, словно им никак не удавалось отдышаться.

– Мне так хорошо... – прошептала Камиля с улыбкой. Она снова хотела обнять Рамона, но вдруг замерла и, уставившись на что-то за спиной у толмача, воскликнула:

– Рамон!

Толмач быстро обернулся. Позади него, возле раскидистого куста тетереvyтника, стояли три приземистые фигуры. Рамон быстро поднялся и повернулся к ним лицом. Один из газаров шагнул вперед и свирепо проговорил:

– Ты овладел дочерью нойона!

– Ни один чужеземец не должен касаться дочери нойона, но ты соблазнил ее! – гневно сказал второй.

Третий вытянул из ножен кривую саблю и гортанно пролаял:

– Каждого, кто посмеет дотронуться до дочери Алтука, ждет смерть! А если это сделал чужеземец, то смерть его должна быть мучительной и долгой!

Рамон положил руки на кинжалы и холодно возразил, глядя на воина, обнажившего саблю:

– Моя жизнь не многим отличается от такой смерти. Она длится уже долго и приносит мне множество мучений. Кроме того, я не просто чужеземец. Боги остановили на мне свой выбор. Я убил Фаркука и тем самым получил право голоса и право власти.

Слова толмача, казалось, повергли газаров в замешательство. Они переглянулись, словно бы говоря друг другу: «Чужеземец прав. Но что же нам тогда делать?»

Наконец самый рослый из дикарей сказал:

– Мы не станем тебя убивать, чужеземец. Хотя должны это сделать. Ты пойдешь с нами к нойону. Мы расскажем ему, что ты соблазнил его дочь. А потом мы сделаем с тобой то, что

он нам прикажет.

– И не надейся на милосердие нойона, – с ненавистью пообещал второй воин. – Последнего, кто прикоснулся к Камиле, Алтук велел посадить на кол и поливать кипящим жиром.

Рамон выслушал воинов молча, и на его смуглом, миловидном лице не дрогнул ни один мускул. А когда газары замолчали, он тихо сказал:

– Да будет так.

И первым шагнул по направлению к стану. Камиля схватила Рамона за руку и порывисто проговорила:

– Рамон, любимый мой, я не...

Договорить она не успела. Высокая белая фигура стремительно выскользнула из вересового куста и с хриплым, булькающим клекотом набросилась на газаров. Первый удар белой когтистой лапы снес одному из воинов голову, второй удар распорол живот другому воину, но он не упал, а выхватил саблю и рубанул тварь по руке.

– Призрачный всадник! – в ужасе воскликнул Рамон.

Завязалась драка, но итальянец не стал ждать, чем она закончится. Он схватил Камиллю за руку и быстро потащил ее прочь от ручья.

В глубине стана Рамон выпустил ее руку и выдохнул:

– Беги к отцу! Скажи, что на стан напали!

9

– Первоход, проснись!

Глеб открыл глаза и сонно уставился на Рамона, который тряс его за плечо.

– Полегче, – хрипло пробормотал он. – Какого дьявола ты меня разбудил?

– Первоход, нам надо бежать!

– Куда бежать? – проговорил Глеб осипшим со сна голосом. – Зачем?

– На лагерь газаров напали белые твари! Те, кого ты называешь Призрачными всадниками!

Повторять не понадобилось. Глеб в одно мгновение вскочил на ноги и выхватил из ножен меч.

– Где они? Веди!

– Что случилось? – поднял с охапки травы голову Бранимир. – Что за переполох?

Загудели и остальные стрельцы, разбуженные взволнованным голосом толмача.

– Мы должны бежать! – сказал Рамон. – Газары непустят нас живыми!

– С чего ты взял? – недоуменно спросил Глеб, прислушиваясь к крикам и звукам битвы, доносившимся с другого конца лагеря.

– Я овладел дочкой Алтука, – сухо пояснил Рамон. – А нойон не прощает такого. Газары как раз вели меня к нему, когда появились Призрачные всадники.

Вдалеке кто-то отчаянно закричал. Рамон сглотнул слюну и добавил:

– Газары сражаются с Призрачными всадниками. В пылу битвы мы легко можем ускользнуть.

Первоход задумчиво сдвинул брови.

– Какого лешего тут думать? – сердито спросил Бранимир, который давно поднялся с лежака и стоял рядом с Глебом. – У нас есть дело! И я не позволю своим стрельцам погибнуть из-за кобелиных игр толмача! Уносим отсюда ноги, ходок!

Глеб думал еще секунду, затем кивнул.

– Хорошо. Следуйте за мной и постарайтесь не отстать в темноте.

Он повернулся и выскользнул из шатра.

Путники успели отойти от стана газаров на сто шагов, когда Рамон вдруг остановился. Воевода, следовавший позади, наткнулся на толмача и недовольно проговорил:

– Чего ты? Почему встал?

– Камиля, – выдохнул Рамон.

– Чего?

– Девушка, дочь нойона. Она может погибнуть. Я должен вернуться!

Рамон хотел повернуться, но тяжелая рука Глеба легла ему на плечо.

– Не думаю, что они нуждаются в твоей помощи, Рамон. Тварей не больше трех, и, судя по звукам, газары уже побеждают.

– Ты это слышишь? – недоверчиво спросил Рамон.

– Да, – ответил Глеб. – Я это слышу. Битва заканчивается, и скоро газары хватятся нас.

Он убрал руку с плеча Рамона, развернулся и снова устремился в темноту леса. Толмач пару секунд размышлял, затем вздохнул, перекрестился и последовал за Глебом и стрельцами.

Долго бежали странники по ночному лесу. Постепенно шум битвы за спиной сошел на нет. Наконец Глеб остановился и перевел дух.

– Все здесь? – спросил он, обернувшись.

– Все! – ответил Бранимир, с трудом восстанавливая дыхание. Он вытер рукавом потный лоб и с усмешкой добавил: – Никогда прежде я не бежал с поля битвы. А я воюю уже двадцать восемь лет.

– Не казни себя, старик, – успокоил его Глеб. – Показав врагам спину, ты спас себя и воинов. Если повезет, повоюешь еще лет пять, а то и все десять.

Бранимир хотел что-то сказать, но вдруг напрягся и спросил, обращаясь к усталым, тяжело дышащим стрельцам:

– А где Починок?

– Только что был здесь, – ответил кто-то.

– Леший! – выругался Бранимир, оттолкнул ратника и устремился назад.

Глеб, Рамон и стрельцы последовали за ним.

Пробежав метров двадцать, Бранимир остановился и замер на месте с открытым ртом. Ратник Починок лежал под деревом, а на груди у него сидела белая крылатая тварь. Заслышав шум, она быстро обернулась, и странники увидели жуткое лицо, похожее на человеческий череп.

Глеб среагировал первым. Он выхватил из кобуры ольстру, швырнул ее цевьем на ладонь и нажал на спуск. Прогремел выстрел. Заряд шрапнели разнес белой твари голову, словно капустный кочан.

Чудовище неловко взмахнуло белыми перепончатыми крыльями, похожими на полы длинного плаща, и повалилось на траву. В руках у одного из стрельцов грохнул мушкет. Тело твари, развороченное зарядом свинца, дернулось, однако сама тварь не издохла и снова попыталась встать. Тогда Рамон выхватил из-за пояса кинжалы, подскочил к чудовищу и дважды пронзил ей клинками грудь. Тварь оцепенела.

Рамон выпрямился, пнул чудовище сапогом и тихо выругался:

– Rogso cane. Грязная собака! Первоход, эту тварь не просто уб...

– О, боги! – воскликнул один из ратников. – Чудище вспорол Починку брюхо!

Глеб опустился рядом с телом молодого ратника и склонился над его распоротым животом. Через пару секунд он вынул из выпотрошенной утробы Починка черный, гладкий шар.

– Никак яйцо? – проговорил, угрюмо нахмурившись, Бранимир.

Глеб швырнул черный шар на траву, вытянул из ножен меч и рубанул. Черная скорлупа раскололась надвое, а из утробы яйца вывалилось маленькое, белесое, сморщенное существо.

Глеб достал из кармана бензиновую зажигалку и выщелкнул пламя. Существо, вывалившееся из яйца, издало отвратительный писк и поползло по траве, цепляясь за нее крохотными полупрозрачными ручками.

Путешественники смотрели на таинственную тварь расширившимися от изумления глазами. Маленькая тварь тем временем доползла до сгустка крови, повисшего на широком листе лопуха, сунула в этот сгусток сморщенную физиономию и, заурчав от удовольствия,

как щенок, приникший к сучьему соску, принялась всасывать губами кровь.

– О, боги! – выдохнул один из ратников. – Что это за тварь?

– Похожа на маленького человечка, – пробасил Бранимир.

– На младенца, только очень крохотного, – поправил Рамон.

Тварь между тем всосала в себя весь сгусток крови, облизнула белесые губы прозрачным язычком и, цепляясь ручками за траву, поползла к следующему куску окровавленной плоти. Движения ее стали более сильными и уверенными, да и в размерах она заметно увеличилась.

Дряблая, бледная, полупрозрачная кожица твари разгладилась и уплотнилась. Уже можно было различить у нее на спине багровый шрамик.

Существо подняло головку, взглянуло на Глеба маленькими, полными ненависти глазками и злобно зашипело.

– Я знаю, кто это, – проговорил вдруг один из стрельцов, и голос его жутковато дрогнул.

Взоры путешественников обратились на него. Ратник сглотнул слюну, посмотрел на Глеба и хрипло сказал:

– Это Тихарь. Мужик из нашего села. Он помер два года тому назад от болотной лихорадки.

Путешественники переглянулись.

– Ты хочешь сказать, что эта маленькая тварь – твой земляк? – недоуменно пробасил воевода.

Ратник кивнул.

– Да. Я хорошо его помню. Это его рожа. И шрам на спине – его. Во время драки с костомаровскими его ударили по спине косой.

– Эта тварь растет! – воскликнул кто-то из ратников.

Тварь и впрямь росла. Перебираясь от одного куска плоти к другому и с жадностью заглатывая его, существо увеличивалось в размерах.

– Да что же это такое! – яростно прорычал Бранимир. – Первоход, объясни нам – что все это значит?

Глеб сдвинул брови и отчеканил:

– Боюсь, что эта маленькая тварь – пришелец с того света. Умерший два года тому назад Тихарь.

– Что ты такое говоришь, ходок? – возмущенно и рассерженно произнес Бранимир.

– То, что слышишь. Это Тихарь. Мертвец, вылупившийся из черного яйца, которое снесла адская бабочка, прилетевшая к нам из мира мертвых.

– И пожирающий мертвую плоть, чтобы вернуть себе силы для жизни, – добавил Рамон.

Ратники зароптали, схватились за обереги-амулеты и принялись обмахивать себя охоронными знаками. А Глеб внимательнее взглянул на копошащуюся в крови тварь и проговорил:

– Теперь ясно, почему по улицам Хлынь-града разгуливают ожившие покойники. Похоже, они нашли отличный способ восставать из мертвых.

– И занимать место живых, – снова добавил итальянец и перекрестился.

– Жизнь за жизнь, – отчеканил, глядя на бледную тварь, Глеб. – Точнее, жизнь за смерть!

Тварь тем временем продолжала пожирать разбросанную по траве кровавую плоть. И чем больше она ела, тем крупнее становилась и тем больше походила на человека.

– Что же это получается, – растерянно вымолвил Бранимир. – Эта маленькая дрянь явилась к нам из царства Велеса? А принес ее Призрачный всадник?

Ему никто не ответил. Путешественники смотрели на маленького уродца, и взгляды их были полны ужаса и отвращения.

– Интересно, этот парень сам пожелал выбраться из пекла? – хмуро произнес Рамон. –

Или какой-то демон вызволяет проклятые души грешников из ада, чтобы населить ими землю?

Тварь сожрала последний кусок плоти, привстала на окрепшие ножки, повернулась и, кровожадно оскалив зубы, засемила к телу Починка.

Глеб шагнул вперед и с размаху опустил сапог на злобного уродца. Под каблуком у него отвратительно чавкнуло.

– Возвращайся в ад, тварь! – прорычал Глеб.

Когда он снова поднял сапог, на траве не было ничего, кроме влажного, склизкого пятна.

Рассветало быстро. Еще десять минут назад в лесу стояла тьма, и вот уже первые солнечные лучи сделали воздух сумеречным и прозрачным.

– Ты понимаешь, что это значит, Первоход? – Рамон говорил взволнованно и сбивчиво. – Призрачные всадники – не просто темные твари. Они исчадия ада! Демоны, чья задача – наводнить наш мир мертвыми душами. А это значит... – Рамон осекся и облизнул пересохшие губы. – ...Это значит, что нам предстоит отправиться в царство мертвых. В царство мертвых, Глеб! А это страшнее гиблой чащобы и ее кровожадных обитателей.

Бранимир и его воины смотрели на Рамона недоуменными и недоверчивыми взглядами. Глеб небрежно пожал плечами.

– Одиссей и Геракл сходили в ад. Почему бы туда не сойти и мне? Чем я хуже античного героя? – Глеб посмотрел на растерянное лицо толмача, усмехнулся и добавил: – Не забивай себе этим голову, толмач. Просто положишься на меня, и будет тебе счастье.

Он подмигнул Рамону и хотел отвернуться, но тут Бранимир закричал:

– Первоход, берегись!

На этот раз Глеб среагировал слишком поздно. Белая тень метнулась от деревьев, сбила Рамона с ног и набросилась на Глеба. Он попытался увернуться и выхватить меч, но огромные белые когти впились с размаху ему в голову, круша черепную кость.

Под тяжестью навалившейся туши Глеб рухнул на землю. Тварь ударила его крыльями по вискам и, раскрыв пасть, попыталась вцепиться ходоку в горло, но в этот миг сразу три меча-всеруба вонзились чудовищу в бока. Тварь повернула к недругам белую голову, но выстрел из мушкета разворотил ей челюсть и довершил дело, начатое мечами.

Тварь рухнула на землю и замерла.

– Дьявол! – в сердцах воскликнул толмач и яростно рубанул белую тушу чудовища мечом. Потом развернулся к распростертому на земле Глебу и, тяжело дыша, спросил: – Первоход, ты как?

Глеб не откликнулся. Он лежал на спине, запрокинув голову, и из проломленного черепа его сочились на траву темная кровь.

– Первоход? – Толмач внимательнее взгляделся в бледное лицо Глеба, и ресницы его дрогнули. – Первоход!

Бранимир быстро опустился рядом с ходоком на одно колено и прижал пальцы к его шее. Потом низко наклонился, поднес ухо к приоткрытым губам Глеба и прислушался.

– Ну! – нетерпеливо проронил Рамон. – Как он?

Воевода выпрямился, посмотрел на толмача мрачным, тяжелым взглядом и медленно покачал головой.

– Упокоился, – хрипло проговорил Бранимир.

Кадык на жилистой шее воеводы дернулся. Он отвел взгляд от тела Глеба и посмотрел на своих стрельцов, лица которых были мрачны и суровы.

– Слыхали? – спросил он севшим голосом. – Ходок мертв. У нас больше нет проводника.

Рамон покачнулся, но схватился рукой за ствол дерева и устоял на ногах.

– Боже... – прошелестели побелевшие губы толмача. – Боже...

Он медленно опустился на колени. Понуриив голову, несколько секунд сидел неподвижно, затем медленно поднял лицо к светлеющему небу, перекрестился и тихо что-то

забормотал.

Прислушавшись, воевода понял, что молится толмач на языке русичей.

– ...ибо рука Господня вылепила тебя из этого праха, и ладони Господни соберут этот пепел. Господня рука была гончарным кругом, на котором этот сосуд глины обрел форму свою, и Господня ладонь – та урна, в которой сохранен будет твой прах...

Глава пятая

1

«...Господня ладонь – та урна, в которой сохранен будет твой прах».

Глеб Орлов качнул головой, выходя из дремы, и вновь уставился на экран кинотеатра. Потом незаметно зевнул. «Интересно, что это за цитата? – подумал он. – Наверно, из Библии?»

На огромном экране отважный ходок с длинными, распущенными волосами крушил мечом черепа темных тварей. Глеб поморщился от громкого звука (гребаное долби-сарраунд), потом наклонился к Кате и громко сказал ей на ухо:

– Катюх, я забыл – как называется фильм?

– «Гиблое место», – ответила Катя, не отрывая взгляд от экрана.

– А, ну да.

Глеб выпрямился. Катя Королькова покосилась на Глеба и, недовольно наморщив носик, осведомилась:

– Тебе что, не нравится?

– Действия мало, – небрежно ответил Глеб. – И монстры какие-то картонные. Не научились у нас еще делать хорошие спецэффекты.

– Нормальные монстры, – пожала плечами Катя.

– Молодые люди! – раздался недовольный голос с заднего ряда. – Не могли бы вы говорить потише?

Глеб ухмыльнулся и снова уставился на экран. Некоторое время он пытался смотреть, потом нахмурился, повернулся к Кате и сказал:

– Слышь, Кать, че-то я устал от этой бодяги. Ты смотри, а я пока пойду перекурю.

– Ты еще вернешься?

– Вряд ли. Встретимся в кафе, лады?

Катя нахмурилась, но ответила:

– Хорошо. Только не напивайся, тебе еще меня до дома провожать.

– Молодые люди... – снова гневно зашептали сверху.

– Молчим, молчим, – примирительно отозвался Глеб. И проворчал недовольно: – Все какие-то нервные.

В холле было пустынно и прохладно. Работал кондиционер. В кафе Глеб взял себе рюмку коньяку и чашку черного кофе.

Сидя за столом и потягивая коньяк, он покосился на огромный рекламный постер, раскатанный на стене холла. На постере был изображен длинноволосый парень в длинном плаще и с мечом в руке. Из-за плеча у него торчал приклад обреза. Должно быть, это была ольстра.

Интересно, откуда всплыло такое идиотское название ружья? Вроде бы у немцев ольстрой называлась деревянная кобура?.. Да, кажется, так. Но при чем тут ружье?

Глеб пожал плечами и залпом допил коньяк.

– Как вам фильм? – услышал он чей-то негромкий вежливый голос.

Глеб обернулся. За соседним столиком сидел пожилой мужчина в черном свитере и очках в золотой оправе.

– Не очень, – ответил Глеб. – А вам?

– Довольно простенький квест с невнятно обозначенными целями, плохо прописанными условиями и непроработанными героями, – сказал незнакомец.

– Ну да, – хмыкнул Орлов. – Как вся наша жизнь.

– К тому же слишком много роялей в кустах. Стоит герою попасть в затруднительную ситуацию, как тут же появляется какой-нибудь полезный артефакт. Отдельный минус за ружье.

– А чем вам не угодило ружье? – поинтересовался Глеб, осторожно снимая с блюдца чашку с горячим кофе.

– Оставив герою ружье, автор фильма упростил себе задачу и пошел самым легким путем. Вы согласны?

– Да, наверное. – Глеб отхлебнул кофе и облизнул губы. – Но с ружьем круче. Да и не выжил бы этот парень в Древней Руси без ружья.

Незнакомец улыбнулся и кивнул.

– Ладно, ружье оставим. Но в фильме много других ляпов. К примеру, кузнец Вакар выковал за пару часов два меча-всеруба! Два – представляете? Это ни в какие ворота не лезет.

– Правда? – Глеб поставил чашку на блюдце и потянулся за сигаретами. – А сколько времени нужно, чтобы выковать меч?

Мужчина нахмурился.

– Точно не знаю. Но японские мастера многократно проковывали каждый меч – слой за слоем. И длилось это месяцы.

– Круто, – сказал Глеб и сунул в угол рта сигарету. Затем щелкнул зажигалкой, поднес язычок пламени к сигарете и закурил. – Вообще-то года два назад я был на фестивале кузнецов в Донецке. Там на моих глазах один кузнец очень ловко выковал из стальной заготовки меч. И сделал он это примерно за час.

– Должно быть, это был очень плохой меч, – возразил незнакомец. – Еще раз повторяю: японские кузнецы...

– Да-да, – махнул сигаретой Глеб. – Вы уже говорили. В мечах я ничего не понимаю. Но вот эротических сцен могло бы быть побольше. Да и монстры в Гиблом месте какие-то однообразные. Будь я сценаристом, зарядил бы множество всяких тварей. Орков, троллей и этих, как их... назгулов.

Мужчина чуть прищурился.

– Назгулов? Это из «Властелина колец»?

– Угу. Призрачные всадники, проклятые короли, слуги Тьмы. Жуткие твари.

Мужчина рассеянно посмотрел в окно и проговорил мягким, задумчивым голосом:

– В юности у меня была подружка по имени Назгуль. Не то казашка, не то узбечка – сейчас уже не помню. Кстати, вы заметили, что у Толкиена вся нечисть прет именно с Востока? Все эти назгулы, урукхай... Не слишком-то он жаловал нашего брата, азиата.

– Я об этом как-то не задумывался, – сказал Глеб. – Хотя, если вспомнить Чингисхана, Тамерлана и Атиллу, то писатель был в чем-то прав.

Незнакомец отхлебнул пива, почмокал губами.

– И все же фильм плох, – сказал он. – Древняя Русь выглядит слишком современно. Если верить авторам фильма, менталитет древних русичей ничем не отличается от нашего.

– А должен?

– А разве нет?

Орлов пожал плечами:

– Не знаю. По-моему, люди всегда одинаковы. Это еще Воланд в «Мастере и Маргарите» говорил.

– Да-да, я помню, – усмехнулся незнакомец, и золотые очки его ярко блеснули. – «Такие же люди, как и прежде. Немного жестоки, немного алчны, но иногда жалость стучится и в их серд...» – Мужчина вдруг осекся, внимательнее взгляделся в лицо Глеба и вдруг проговорил с легким удивлением: – А ведь вы на него похожи.

– На кого? – не понял Орлов.

– На этого Первохода. – Незнакомец кивнул подбородком на рекламный постер.

Орлов посмотрел на длинноволосого головореза и пожал плечами.

– Не думаю.

– А по-моему, сходство налицо, – возразил очкастый незнакомец.

Глеб снова посмотрел на рекламный постер и отрицательно качнул головой.

– Ничего общего. У меня не такая зверская рожа. И вообще, я человек миролюбивый. Мухи не обижу. Да и бродячих собак обхожу за километр.

Некоторое время незнакомец с задумчивой улыбкой разглядывал Глеба, а потом вдруг отмолил:

– Слушайте... А почему бы не допустить, что вы обитаете сразу в двух реальностях? В последнее время ученые все чаще говорят о том, что существует бесчисленное количество миров, в которых реализуются все возможные варианты мироустройства. В одном из этих миров вы вполне могли бы быть Глебом Первоходом, отважным борцом с нечистью.

Глеб выдохнул облако табачного дыма, посмотрел сквозь него на незваного собеседника и хмуро проговорил:

– Я не могу быть одновременно зрителем и героем фильма. Это исключено.

– Почему же? – удивился незнакомец, и очки его снова ярко блеснули. – Да и кто вам сказал, что это фильм? Быть может, все это... – незнакомец обвел рукой кафе, – всего лишь ваш сон.

– Это не сон, – сухо возразил Глеб, которому стал надоедать этот шизофренический разговор.

Незнакомец улыбнулся и снисходительно вымолвил:

– Вы не можете это с точностью утверждать, пока не проснетесь. У одного аргентинского писателя... забыл его фамилию... есть забавный рассказ. Герой рассказа существует сразу в двух реальностях. В одной из этих реальностей он разбился на мотоцикле, лежит в больнице и видит сон про то, что он – индеец, крадущийся с ножом в руке по ночному лесу. В другой реальности он – индеец, скрывающийся от преследования, которому во время краткого отдыха снится, что он – парень, разбившийся на мотоцикле и лежащий в больнице.

Глеб стряхнул с сигареты пепел и усмехнулся:

– Парадокс Чжуан-Цзы. Я про это где-то читал. Одному мудрецу снится, что он бабочка, которой снится, что она – мудрец. Это банально.

Незнакомец засмеялся и сказал:

– А вы не из тех, кто ищет истину, верно?

Глеб хмыкнул.

– Если у нас такой серьезный базар, то я скажу: истина – это данный, конкретный момент. И, кроме этого момента, в мире ничего нет.

– А как же память? – все еще посмеиваясь, возразил очкастый незнакомец. – Некоторые считают, что она материальна.

– На свете много дураков, и мне совершенно не важно, что они там «считают». Хоть волосы на голове у Санта-Клауса. А то, что вы говорите, это чистой воды буддизм.

Незнакомец качнул головой:

– Что вы, я никогда не увлекался буддизмом.

– Это не имеет значения, – небрежно проговорил Глеб. – Какой-то умник сказал, что русская мысль в своем саморазвитии всегда приходит к стихийному буддизму. Так-то.

Похоже, реплика Глеба не понравилась незнакомцу. Он нахмурился и уставился на свою полупустую кружку. Глебу, впрочем, на настроение и эмоции случайного собеседника было совершенно плевать. Поэтому он, в своей обычной журналистской манере, подлил масла в огонь:

– В этом парне... – Глеб кивнул на плакат с изображением Первохода, – ...нет ничего необычного и интересного. Заурядный жлоб, привыкший решать любую проблему при

помощи силы. Мне такие персоны неинтересны. К тому же этот образ насквозь фальшивый. Глеб Первоход совсем не испытывает страха и несется сломя голову навстречу любой опасности. В жизни таких дураков не существует. Кроме, разве что, сумасшедшего дома, где им самое место.

Незнакомец внимательно выслушал рассуждения Глеба, затем чуть прищурился и изрек:

– Храбрость Первохода легко объяснить. Настоящий воин рассматривает себя как уже мертвого, поэтому ему нечего терять. А Глеб Первоход – настоящий воин. И, безусловно, человек пути.

Глеб вмял окурок в пепельницу и недовольно проговорил:

– Знаете, я думаю, что этот персонаж не заслуживает такого горячего обсуждения.

– Вот как? Те, кому он резал глотки, с вами бы не согласились.

Глеб хотел отпустить по этому поводу остроумное замечание, но вдруг уставился на руку незнакомца. Рука у того была странно волосатая, а ногти – длинные, желтоватые, загнутые на концах, как когти хищника.

Недоумеая, Орлов поднял взгляд на лицо собеседника и сипло спросил:

– У вас что-то с рукой?

– С которой? – спокойно уточнил мужчина.

– С правой.

– Ах, эта. – Незнакомец спрятал руку за спину и улыбнулся. – Не обращайте внимания. Небольшой атавизм. Так сказать, подарок, оставленный в наследство дикими предками.

Глеб тоже натянуто улыбнулся, но в следующее мгновение улыбка сползла с его лица. Антураж вокруг стал быстро меняться. Стены кафе, барная стойка, столы, стулья, окна – все это задрожало и завибрировало, а потом стало быстро выцветать. А на месте исчезнувших предметов появлялись новые. Деревья, кусты, люди в кольчугах и с мечами на боку.

– Что здесь происходит...

Взгляд Глеба упал на лицо очкастого незнакомца, и внутри у него все похолодело. Никакого лица у незнакомца больше не было, а на его месте красовалась уродливая звериная морда. Глядя на Глеба желтыми волчьими глазами, незнакомец раскрыл клыкастую пасть и пролаял:

– Беги, ходок! Беги!

В мгновение ока Глеб оказался на ногах. Рука потянулась за ольстрой, но схватила лишь пустоту. Меча на боку тоже не было. А оборотень медленно поднимался со стула, глядя на Орлова голодными, злыми глазами.

По спине Глеба пробежала ледяная волна. Он понимал, что надо бежать, но не мог сделать и шага. Ужас сковал его тело, а сердце колотилось о ребра так сильно и судорожно, что готово было выскочить из груди.

Оборотень отшвырнул стул, одним прыжком преодолел, расстояние, отделяющее его от Глеба, сбил ходока с ног и вцепился зубами ему в горло.

– Не-ет! – севшим от боли, ужаса и отчаяния голосом прокричал Орлов. – Прошу – не надо!

Оборотень рванул зубами горло Глеба, и свет в глазах Первохода померк.

2

– ...Не отмеченный печатью Господа нашего, который, будучи Сам бессмертен, вложил в нас искру, отсвет этого бессмертия, дабы могли мы раздуть его в яркое пламя...

– А ну постой, – оборвал бормотания толмача воевода Бранимир.

Рамон замолчал и обернулся. Воевода низко склонился над Глебом и прижал ухо к его груди.

– Кажись, еще не кончился... – пробормотал он. – Точно, дышит!

Рамон быстро присел рядом с Глебом и положил ему руку на плечо.

– Первоход! – позвал он и легонько тряхнул плечо Глеба. – Первоход, ты меня слышишь?

Веки Глеба дрогнули и приоткрылись.

– Первоход! – Рамон улыбнулся и схватил Глеба за руку. – Ты живой!

Глеб попробовал приподняться, но сил для этого у него не хватило. Тогда он легонько сжал пальцы Рамона и еле слышно спросил:

– Что... со мной?

– У тебя разбита голова, – пробасил Бранимир. – Сильно разбита.

Глеб перевел на него взгляд.

– Кость... цела?

Воевода покачал кудлатой седой головой.

– Нет.

Глеб закрыл глаза. Полежал так немного, затем снова открыл.

– Рамон... – позвал он. – Там... В сумке... мертвая вода...

– Мертвая вода? – Лицо Рамона прояснилось. – Сделаю, Глеб! Сейчас!

Рамон вскочил на ноги и поискал глазами холщовую сумку Глеба. Увидев, быстро подошел к ней, раскрыл и принялся рыться.

– Нашел! – Вернувшись к Глебу, он показал ему две оловянные бутылочки. – В которой же тут мертвая вода, друг?

Но Глеб не ответил, он вновь провалился в забытие.

– А ты открой и понюхай, – посоветовал толмачу Бранимир.

– Понюхать? Но мертвая вода не пахнет!

– Верно. Вот ту, что не пахнет, и возмешь.

Рамон кивнул, быстро свинтил пробку с одной бутылочки, поднес к носу и скривился.

– Пахнет гнилой кровью, – сказал он. – Должно быть, это кровь волколака.

– На что она? – с удивлением спросил один из стоявших в стороне ратников.

Рамон не ответил. Закрыв и положив на траву бутылку с гнилой кровью, он свинтил крышку со второй бутылки и понюхал ее содержимое.

– Ну, как? – спросил Бранимир.

– Она, – ответил толмач.

Он поднес бутылку к голове Глеба и осторожно перевернул над раной. Мертвая вода тонкой струйкой полилась на проломленный череп ходока.

Рана зашипела, запенилась. Рамон испуганно отвел бутылку и уставился на багрово-белую пену. Между тем лицо Первохода стало смертельно белым, но затем снова налилось кровью и посмуглело. И вдруг волосы Глеба, серебристо-белые, словно у старца, стали темнеть. Когда несколько секунд спустя пена опала, Рамон увидел, что страшная рана на голове Первохода полностью заросла.

Глеб открыл глаза. Несколько секунд он, прищурившись, смотрел на толмача, словно пытался сфокусировать на нем взгляд, а затем схватил его за руку и, опираясь на нее, медленно сел.

– Уф-ф... – выдохнул Глеб.

Тряхнул темными волосами, затем поднял руку и провел ладонью по своему лицу и пробормотал:

– Раскрыт секрет хозяйственного мыла...

– Что? – пророкотал Бранимир и с тревогой посмотрел на Рамона. Тот пожал плечами. Воевода перевел взгляд на лицо Глеба и спросил: – О чем ты говоришь, ходок?

Глеб улыбнулся.

– Ни о чем, старина. Просто пробую голос.

– Мертвая вода излечила твою рану, – пробасил Бранимир. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. – Глеб подвигал головой, потом сжал пальцы в кулаки, снова разжал их. – Похоже, я здоров.

– И не только здоров, но и темноволос, – сказал Рамон. – Мертвая вода вымолодила

тебе волосы.

Бранимир ухмыльнулся и сказал:

– Не мешало бы и мне помыть себе этой водичкой голову. Глядишь помолодею.

Глеб, опираясь на руку Рамона, поднялся на ноги. Впрочем, сделал он это без особых усилий, и это не укрылось от внимательного взгляда Бранимира.

– Твои движения полны силы, – заметил он.

– Ты считаешь? – Глеб прищурил глаза, обвел ироничным взглядом хмурые, ошеломленные лица ратников и сказал: – Запомните, парни: то, что нас не убивает, делает нас сильнее.

– Воевода! – негромко позвал один из ратников, разглядывая белую тушу убитого Призрачного всадника. – ...Тут еще одно яйцо.

Взгляды Бранимира, Глеба и Рамона устремились на тварь. Из-под ее белого, костлявого брюха и впрямь выглядывал черный, идеально гладкий бок «адского яйца».

Глеб нахмурился и сказал:

– Думаю, ни у кого из нас нет желания посмотреть, что внутри.

С этими словами он вытянул из ножен меч, размахнулся и одним ударом разбил яйцо вдребезги.

3

Глеб был удивлен и растерян не меньше других, и на душе у него было паршиво. Открывшаяся перспектива его совсем не грела. А в ад он не верил, равно как и в рай, но то, что Призрачные всадники выбрались из какой-то клоаки, заполненной фантастической, кровожадной дрянью, было неоспоримым фактом.

Тревожило Глеба и другое. Он помнил, какое облегчение испытал в шалаше нойона Алтука, когда узнал, что драться с воином Фаркуком предстоит не ему.

Помнил Глеб и черный, удушливый ужас, который охватил его во сне – когда оборотень сомкнул на его горле свои острые клыки. Разумеется, Первоходу и раньше приходилось испытывать страх, но таких приступов отчаяния и паники ему не доводилось переживать никогда.

Размышляя об этом, Глеб вынужден был признать, что уже не верит в свои силы так безоговорочно, как прежде. Три года в Мории не прошли даром. Они не только выбелили его волосы, но и выморозили ему душу.

Мысли о собственной слабости и трусости были столь мучительны, что Глеб поспешил выбросить их из головы. Вместо этого он стал думать о деле, за которое взялся. И додумался до любопытных и жутковатых идей.

Во время очередного привала Глеб решил поделиться своими соображениями с Рамоном. Солнце уже перевалило через полдень. Плотнo закусив, ратники растянулись на траве, и спустя пять минут все дружно захрапели, погружившись в крепкий сон и доверив свои жизни Глебу и Рамону, которые сами вызвались быть часовыми.

И между старыми друзьями произошел серьезный разговор.

– Рамон, – негромко заговорил Первоход, – мы с тобой предположили, что падшие души, выбравшиеся из ада, это что-то вроде будущей армии Повелителя мертвых. Однако я думаю, мы ошиблись.

– Ошиблись?

Глеб кивнул.

– Да. Для армии это как-то хлипковато. По-моему, все эти мертвецы, вылупившиеся из яиц, никакие не солдаты.

– Тогда кто они? – прищулив черные глаза, спросил толмач.

Глеб в упор посмотрел на Рамона и ответил:

– Беглецы. Возможно, какой-то проклятой душе, жарящейся в огненной геенне, пришло в голову оседлать адскую бабочку и вернуться на ее крыльях в мир живых. А остальные

лишь последовали дурному примеру.

– Но при чем тут черное яйцо?

Глеб сунул в рот бутовую сигарету.

– Ну, это совсем просто, – сказал он, прикуривая от бензиновой зажигалки. – В наш мир можно попасть лишь одним путем. – Он махнул перед лицом рукой, отгоняя дым, снова посмотрел на Рамона и договорил, понизив голос: – Догадываешься каким?

Несколько секунд толмач размышлял, затем предположил:

– Ты говоришь о том, что в наш мир нужно *родиться*?

– Точно, – кивнул Глеб. – А так как это невозможно проделать естественным образом, проклятые души придумали этот фокус с яйцом. Что-то типа фальшивой визы. – Глеб выдохнул облако дыма, посмотрел, как расплывается оно в воздухе, и добавил: – Имитация рождения. Смерть, копирующая жизнь.

Вдоволь наглядевшись на облако, он стряхнул на траву пепел, снова посмотрел на Рамона и сказал:

– Эти твари – что-то вроде нелегальных мигрантов, пересекающих границы в трюмах кораблей. «Трюмы» – черные яйца. «Корабли» – белые твари, которых мы называем Призрачными всадниками. Понимаешь, о чем я?

– Кажется, да. – Рамон обдумал слова Глеба и сказал: – Предположим, ты прав. Но как мы сможем их остановить?

– Так же, как любую контрабанду. Обратимся к пограничникам. Укажем им на канал нелегальной доставки. А остальное они сделают сами.

– Они? – приподнял бровь Рамон.

Глеб, дымя сигаретой, кивнул:

– Угу. Те, чей долг – охранять адские врата.

– Ты говоришь о падших богах? – пробасил за спиной у Глеба воевода Бранимир.

Глеб обернулся и недовольно посмотрел на воеводу.

– Ты слышал наш разговор, Бранимир?

– Слышал, – кивнул тот.

– И что ты об этом думаешь?

– Что я думаю?.. – Бранимир сунул пальцы за широкий пояс, посмотрел на Глеба сверху вниз и сказал: – Твои слова заставляют мое сердце цепенеть от ужаса, ходок. Однако они кажутся мне разумными. Но скажи: где нам отыскать этих «пограничников»?

– Мы найдем врата, ведущие в Иноземье, и переступим границу. Думаю, когда мы это сделаем, «пограничники» сами найдут нас. – Глеб вынул изо рта окурок, посмотрел на него и небрежно отшвырнул в траву. – Нам пора выдвигаться, ребята. Бранимир, буди своих вояк и вели им собирать сумки.

* * *

Лес был невыносимо, противоестественно мрачен, словно боги Гиблого места готовили для странников нечто настолько страшное, что ужасались сами и безотчетно сгущали и без того мрачные декорации, чтобы отпугнуть непрошенных гостей, заставить их повернуть назад.

Лица ратников были под стать этому лесу – такие же мрачные, угрюмые. Шагая по зловеще похрустывающему валежнику, они с опаской поглядывали по сторонам. Лица их были бледны, а за хмурыми взглядами скрывался страх.

Глеб и сам чувствовал себя неважно. Перед глазами у него стояла отвратительная тварь, похожая на скользкую куклу со сморщенным человеческим личиком, которую он раздавил каблуком. Тварь, которая когда-то была человеком, потом угодила в ад и по прошествии двух лет пожелала вернуться на землю в своем прежнем обличье.

«Интересно, – мрачно размышлял Глеб, – те белые крылатые чудовища – это просто безмозглые насекомые, разносящие смерть, как заразу? Или эти твари обладают разумом и

отдают себе отчет в том, что делают?»

Глеб припомнил голову Призрачного всадника, похожую на обглоданный череп, его глаза – черные, пустые, без единого проблеска чувства или мысли. Припомнил и передернул плечами.

А может, эти мотыльки-переростки – ангелы смерти? Мрачные жнецы, собирающие свой скорбный урожай? Те самые, которых люди изображают на картинках в виде старух с острыми косами, закутанных в темные плащи и с черепами вместо голов?

Додумать эту жутковатую мысль до конца Глеб не успел. До его чуткого, обостренного опасностью слуха донесся легкий шорох, который явно произвело живое существо.

Первоход поднял руку в предостерегающем жесте и остановился, тщательно вслушиваясь в звуки сумеречного леса. Ему снова почудился легкий шорох – словно под мягкой звериной лапой шелохнулась сухая трава.

Глеб, продолжая вслушиваться, положил руку на торчащий из-за плеча приклад ольстры. И тут шорох раздался совсем рядом. Глеб молниеносно выхватил из кобуры ольстру, направил ее на ближайший куст можжевельника и нажал на спуск.

Громыхнувший выстрел гулким эхом прокатился по лесу. Из куста можжевельника, ломая ветки, вывалилась волосатая туша. Ткнувшись мордой в траву, оборотень затих.

– Дьявол! – хрипло выдохнул Глеб. – Это газары-оборотни! Они нас догнали!

Стрельцы, уже успевшие достать свои мушкеты, испуганно и напряженно оглядывались по сторонам, но, не будучи такими чуткими, как Первоход, они не слышали, не видели и не чувствовали опасности.

Рамон, сжимая в руках кинжалы, хмуро вглядывался в сумрак леса, но, похоже, тоже нечего не видел.

– Прости, Первоход, – сказал он. – Это все из-за меня.

Глеб, чьи зоркие глаза уже заметили четырех оборотней, прячущихся в кустах и за деревьями, отчеканил в ответ:

– Никогда не мог понять, Рамон, как неистовый богомолец соседствует в твоей душе с неутомимым бабником?

Толмач, окидывая взглядом деревья и кусты и готовясь отразить внезапную атаку, шепотом вымолвил:

– Сам не знаю. Возможно, в каждой женщине мне видится отблеск красоты Пресвятой Девы Марии.

– Где же они? – спросил воевода. – Где твои оборотни, ходок?

– Пригнись! – выкрикнул Глеб.

Бранимир быстро пригнул массивную голову, и пуля, выпущенная Глебом, осой прожужжала у него над макушкой. Вопль раненого оборотня слился с грохотом выстрела.

Глеб одним прыжком преодолел расстояние, отделяющее его от корчащегося на траве черного чудовища, и приставил дуло ольстры к его безобразной ушастой голове.

– Нет, русич... – сипло пролаял зверь. – Не убивай...

– Скажи своим приятелям, чтобы не высовывались из-за деревьев! – рявкнул Глеб. – Сунутся – прострелю тебе башку!

Оборотень хмуро взглянул на Глеба своими желтыми волчьими глазами и глухо пролаял:

– Алтук... послал нас... помочь...

– Помочь?

– Да... Он обещал.

Глеб, продолжая держать оборотня на прицеле, скользнул взглядом по деревьям и кустам и крикнул:

– Эй, газары! Я знаю, зачем вы пришли! Выходите, но только медленно! Попробуете напасть, отстрелю яйца! Рамон, переведи им!

Толмач шагнул вперед и громко повторил слова Глеба на газарском языке, добавив кое-что и от себя.

Зашуршали кусты, и взглядам странников предстали восемь чудовищ, все рослые, со вздыбленными холками, с пылающими яростью глазами и с боевыми топорами в огромных, когтистых руках-лапах.

– Видишь! – пролаял оборотень, которого держал на прицеле Глеб. – Они не нападут.

Глеб сдвинул брови и сухо проговорил, обращаясь к оборотням-газарам:

– Мы разрешим вам пойти с нами, но не подходите к нам слишком близко!

Черный оборотень, раненный Глебом, мотнул ушастью головой и что-то негромко приказал своим товарищам рыкающим голосом. Вся стая тотчас развернулась и бесшумно скрылась за деревьями.

Глеб отвел дуло ольстры от головы черного вожака.

– Ступай к ним и не показывайся мне на глаза, – отчеканил Первоход. – До тех пор, пока не разрешу.

Оборотень вскочил на ноги и, не желая больше искушать судьбу, прихрамывая, затрусил к деревьям.

Когда и он скрылся из вида, воевода Бранимир опустил меч и проворчал:

– Послал же Сварог провожатых... – Затем взглянул на Глеба и спросил: – Что ты об этом думаешь, Первоход?

– Думаю, что эти лохматые парни нам не помешают. Впереди Моревские рудники. Не знаю, как сейчас, но три года назад они кишели волколаками.

– Ты прав, – согласился Бранимир. – У меня осталось всего пять воинов, и я не хочу скормить их темным тварям. Пусть лучше эти гады жрут друг друга.

4

Местность пошла посветлее и поприятнее. Вокруг шумели на ветру кусты, на орешнике щебетали и свистели птицы, в недалекой речке плескалась рыба. Можно было подумать, что путешественники снова вышли из гиблой чащобы к меже.

Странники слегка воспрянули духом. Стрельцы чувствовали себя увереннее от того, что где-то рядом были оборотни-защитники. Газары, конечно, тоже темные твари, но, по крайней мере, изъясняются по-человечьи. А значит, и о цене человеческой жизни разумение имеют.

Рамон долго шел позади и о чем-то негромко переговаривался со стрельцами. Должно быть, рассказывал им о Гиблом месте. Или учил, как выжить в этом жутком, обманчиво безопасном лесу. Потом нагнал Глеба и пошел рядом.

– Как думаешь, Первоход, удастся нам найти «волшебного упыря»? – спросил он.

– Волшебный упырь... – повторил Глеб и усмехнулся. – Никогда не слышал ничего глупее. Хотя как еще назвать тварь, способную отворять ворота в иное измерение? – Первоход вздохнул и проговорил усталым голосом: – Не знаю, что тебе и сказать, Рамон. Голица утверждала, будто я сразу пойму, что это он. Но стоит ли верить безумной вещунье?

– Раньше Голица никогда не ошибалась, не так ли? – осторожно спросил толмач.

Глеб усмехнулся.

– Верно. Но раньше ее не бросали в темницу и не насиловали.

– Если ты не уверен в правоте ее слов... – Толмач покосился на ратников и воеводу Бранимира, шагающих позади, снова перевел взгляд на Глеба и договорил, понизив голос: – Почему ты ведешь этих парней на Кишеньский жальник? Почему не бросил их в паре верст от межи?

– Мне нужен амулет Сорни-Най, – так же тихо ответил Глеб.

Рамон несколько секунд молчал, задумчиво хмуря брови, потом медленно покачал головой и сказал:

– Нет. Причина не в этом.

Глеб посмотрел на друга холодным, насмешливым взглядом.

– Думаешь, ты знаешь меня лучше, чем я сам?

– Может быть, и так. Не каждый способен заглянуть в собственную душу. Свиток ее темен и мрачен, а письма неразборчивы и почти неразличимы. Я думаю, тебя привела сюда гордыня, Глеб. А еще – ненависть и мстительность. Каждое вторжение темных тварей в Хлынь-град ты воспринимаешь как личную обиду. Не знаю, в чем тут дело. Быть может, в том, что ты пытался стать Демиургом и все еще воспринимаешь Хлынь-град как творение собственных рук.

– А ты, оказывается, психолог. – Глеб прищурился. – Хорошо, убедил: когда снова займу княжий трон, переименую Хлынь в Глебоград или в Глебобург. А лучше назову его Орел. Кажется, города с таким названием на Руси еще нет?

Глеб хотел еще что-то добавить, но вдруг тряхнул рукой и, зашипев от боли, выдохнул:

– А, черт!

– Что случилось? – насторожился Рамон.

– Да ничего. Порезался о ветку. – Первоход скривился и снова тряхнул оцарапанной ладонью. Алые капли крови веером легли на траву. – Угроздило же!

Рамон достал из кармана платок и протянул Глебу:

– На, перетяни.

Глеб взял платок и дважды обернул его вокруг ладони.

– Спасибо, толмач. – Затем обернулся и окинул взглядом дерево со скрюченными ветвями, усыпанными шипами. – Странное дерево. Никогда прежде не встречал такого. Уж не ядовитые ли у него шипы? Эй, поосторожней там! – крикнул он ратникам. – Держитесь подальше от этого дерева!

– Давай осмотрим рану тщательнее, – предложил Рамон.

Глеб дернул щекой.

– Не надо. Боль уже утихла.

– Сколько слов, и все ради одной-единственной царапинки, – с угрюмой усмешкой проговорил воевода. – Может, сложишь во славу своей раны песню?

Глеб рыкнул в ответ что-то невразумительное и, ускорив шаг, зашагал вперед.

Крохотная птичка-падальщица, названная ходаками чивин, спикировала вниз, привлеченная запахом свежей крови, села на мокрую от крови землю и клонула ее, пробуя на вкус.

Затем, блаженно прищутив отвратительные круглые глазки, хотела клонуть еще раз, но не успела – обгаренный кровью земляной бугор схватил чивина за лапы и принялся заглатывать его, хрустя сухожилиями и хрящами.

Не прошло и минуты, как от птицы осталась горстка обглоданных костей.

Отрыгнув комок перьев, прожорливый ком быстро заскользил по мокрой траве, оставляя за собой влажный и липкий, будто у слизняка, след. Очертания его были нечетки, однако пристальный взгляд – если бы таковой был – легко различил бы в них контур птицы.

Слопав чивина, ком увеличился раза в два и продолжал увеличиваться, пожирая попадавшихся на пути жуков, червей и прочих насекомых, пульсируя и то и дело принимая форму твари, которую только что съел и переварил.

5

Туман был таким густым, что за пятнадцать шагов ничего нельзя было разглядеть. Путникам приходилось брести почти наобум. Но вскоре туман расслоился – верхний его слой стал почти прозрачным, а нижний сгустился так, что напоминал скорее снег, чем туман.

– Парни, мы подходим к Моревским рудникам, – сказал Глеб, повернувшись к ратникам. – Держите ухо востро. Обычно волколаки стелются брюхом по земле, высунув из тумана один лишь нос. Заметить их сложно, услышать – почти невозможно. Но когда волколак ринется в атаку, у вас будет примерно секунда, чтобы среагировать, взять тварь на прицел и выстрелить.

Ратник Боеглав, самый пожилой и опытный, пригладил рукою усы и заверил:

– Ты, ходок, в нас не сумлевайся. Все сделаем как надо.

Глеб хмуро на него посмотрел, затем вновь обвел лица ратников взглядом и сказал:

– Укус волколака не заразен. Но зубы его загнуты внутрь, поэтому не просто кусают, а рвут мясо с кости. Самая уязвимая часть у волколака – брюхо. Но если видите перед собой его морду – посильнее бейте по носу. На какое-то мгновение такой удар собьет волколака с толку, и, возможно, это мгновение спасет вам жизнь.

Он глянул на туман и добавил:

– Да, и еще. Я пойду первым. Понапрасну поднимать тревогу я не стану. Но если начну стрелять – стреляйте не туда, куда я, а примерно на сажень левее и правее. Увидите в тумане темную тень – тут же отскакивайте в сторону и садите в нее пулю. Вопросы есть?

– Нет, – ответил за всех стрелок Куныр.

– Хорошо. – Глеб вынул из кобуры ольстру и взял ее наизготовку. – Да поможет нам Бог, – негромко произнес он и двинулся вперед.

Волколаки появились внезапно. Их огромные черные тела вынырнули из белого тумана, как демоны из серного облака.

– Мушкеты к бою! – закричал Глеб и, вскинув ольстру, нажал на спусковой крючок.

Огромный волколак-секач, едва выскочив из тумана, снова рухнул в траву. Глеб послал туда еще одну пулю и резко повернулся к следующей тени. Рядом загрохотали мушкеты стрельцов. Выстрелы слились в канонаду, растерявшееся эхо разнесло грохот на тысячи осколков.

Пули защелкали, попадая в деревья, в широкие лбы волколаков, в скрытые туманом камни-валуны, картечь со свистом сбивала листья и царапала стволы. Из тумана брызнули фонтаны черной крови. Ветки деревьев, срезанные пулями, разлетались в стороны. На пару десятков секунд долина белого тумана превратилась в хаос и ад.

Глеб отметил краем глаза, что несколько пуль достигли цели – волколаки, не добежав до стрелков нескольких сажень, ткнулись мордами в траву. Однако на помощь им спешили другие. Разряжая в тварей обойму, Глеб поразился тому, как много огромных теней шныряет в тумане. Никогда еще ему не приходилось видеть столь большую стаю волколаков.

Но вот канонада стала утихать, шквальный огонь прекратился. Как ни хороши были мушкеты, но требовалось время, чтобы их перезарядить, а этого времени у стрелков не было. Мечи с лязгом выскочили из ножен, и началась кровавая сеча.

Один из стрелков взлетел вверх, словно его подкинула неведомая сила, а затем упал в туман, и когти волколака разорвали его на куски. Еще один ратник, махнув мечом, внезапно повалился в туман, и струя алой крови, брызнувшая на темную, кривую березу, возвестила о его страшной кончине.

Глеб, разрядив в волколаков обе обоймы, отшвырнул ольстру и выхватил из ножен меч.

Клинок его засверкал в воздухе, подобно молнии Перуна, разрубая волколакам морды и перешибая хребты. И лик Глеба в этот миг был так же страшен, как морды темных тварей. Глаза его сверкали яростью, длинные волосы разметались, на скулах вздулись желваки, с губ срывалась пена. Он был похож на молодого бога, только что осознавшего свою силу и не ведающего пределов собственной мощи.

Мало уступал ему и Бранимир, хотя тактика у воеводы была другая. Он рубил мечом скупое, с короткого замаха, словно экономил силы, и почти не двигался с места. Однако после двух минут битвы силы стали ему изменять, лицо Бранимира побагровело, а из приоткрытого рта вырывалось хриплое, тяжелое дыхание. Старик-богатырь явно сдавал, но не собирався отступать или прятаться. Он бился с волколаками, как старый лев.

Чудовища падали на землю, однако их место занимали новые. Не меньше двух десятков волколаков теснили путников к оврагу, заполненному голодной грязью. Ратники выбивались из сил, держа оборону, однако оружие не бросали и продолжали остервенело отбиваться от атак зубастых тварей.

Рамон, ловко уворачиваясь от волколачьих клыков, разил тварей своими обоюдоострыми кинжалами, нанося им удары в самое уязвимое место на теле – мягкое,

незащищенное твердой, ороговевшей кожей брюхо. Однако и у него силы были на исходе.

Когда до оврага оставалось не больше сажени, а битва казалась почти проигранной, из леса пришла наконец долгожданная помощь. Девять оборотней-газаров выскочили из-за деревьев и, размахивая дубинами, бросились на волколаков.

Оборотни крушили волколакам головы, рвали их зубами, черная кровь и выдранная шерсть летели во все стороны. Однако волколаков было больше, на каждого оборотня бросалось сразу по три или четыре чудовища, и постепенно оборотни-газары стали выбывать из битвы.

Вскоре три газара были убиты. Еще одному волколак перекусил руку, а второй вцепился ему в горло и повалил на землю. Черный оборотень-газар, самый рослый из всех, потеряв дубинку, схватил волколака огромной когтистой лапой за холку и ударил его головой о дерево, с треском сокрушив чудовищу череп.

Затем отшвырнул мертвого волколака в сторону, подхватил в воздухе второго и одним быстрым движением вырвал ему горло. Но в следующую секунду еще один волколак прыгнул ему на плечи и вцепился зубами в мохнатый затылок.

Прошло еще несколько минут, и всего один оборотень остался на поле битвы, а восемь изуродованных тел его товарищей темнели в тумане, разбросанные по всей поляне. Однако и волколаков осталось намного меньше. Теперь всего пять чудовищ щелкали зубами, пытаясь схватить странников за глотки или руки и утащить их в туман. Воины продолжали отбиваться и разить тварей мечами.

Отрубив коренастому, крепко сбитому волколаку голову, Глеб воспользовался краткой передышкой, подхватил с земли ольстру. Достав из сумки-ташки, притороченной к поясу, патроны, он быстро перезарядил магазин.

На поле брани осталось всего три волколака, и Глеб, тщательно прицеливаясь, разрядил в каждого из них по заряду картечи. Последний волколак, истекая кровью, прыгнул на оборотня-газара, вцепился ему зубами в морду и повалил вместе с собой в траву.

Рамон, молниеносно оказавшись рядом, добил волколака кинжалами, но оборотня-газара это уже не спасло. Дернувшись несколько раз, он затих на земле, так и не расцепив судорожно сжатых на шее волколака пальцев.

Битва закончилась.

6

Тихо было в лесу. Теплый ветерок рассеял туман, и усыпанная трупами людей и чудовищ поляна открылась взорам уцелевших воинов во всей своей неприглядности.

Странники были сильно утомлены боем, однако, отдохнув несколько минут, снова поднялись с травы, чтобы похоронить погибших до того, как те превратятся в упырей. Ибо тот, кто принял смерть в Гиблом месте, вновь поднимется с пропитанной кровью земли, но уже не человеком, а ходячим и страждущим свежей плоти мертвяком.

После наспех проведенного похоронного обряда путники отошли от поляны на версту и разбили небольшой лагерь, чтобы хорошенько отдохнуть и подкрепиться хлебом и вяленым мясом.

Воевода сидел на бревне, ссутулившись и обхватив лицо ладонями. Глеб остановился рядом, посмотрел на его кудлатую седую голову и спросил:

— Бранимир, ты в порядке?

— Я потерял еще двоих. У меня осталось всего три воина. — Воевода вытер рукою сухие глаза. — Ну, ничего, — со злостью проговорил он. — Зато у нас много мушкетов и целая куча патронов.

Бранимир поднял взгляд на Глеба и сказал, сверля ходака своими холодными, прозрачными глазами:

— Я слышал про Иноземье, ходок. Это место, которое захватили нелюди, и путь туда лежит через волшебные врата. Я знаю, что эта земля похожа на блаженный Уграй. Ты ведь

знаешь, как отыскать врата, ведущие в иной мир, правда?

Глеб нахмурился.

– Воевода, если ты думаешь, что это легко сделать, ты сильно ошибаешься. Иноземье существует. Но вход туда закрыт, и как его открыть, я не знаю. Кроме того, Иноземье граничит с царством владыки мертвых – Велеса. Адские твари прорываются в Иноземье и приносят его обитателям много бед. Ты уверен, что сможешь найти на них управу, Бранимир?

Воевода сдвинул седые брови и сжал пудовые кулаки.

– Пусть это тебя не тревожит, ходок! – прорычал он. – Найди врата в Иноземье, а остальное я сделаю сам.

Глеб прищурил глаза и внимательно вгляделся в изрытое морщинами и шрамами лицо воеводы. Затем вздохнул и посмотрел на небо.

Через несколько часов стемнеет, на небе появятся звезды. А в Иноземье звезд не видно. Глебу однажды довелось побывать в ином мире. Правда, был он там не больше получаса и не отходил далеко от открывшегося Прохода. И все же многое успел разглядеть и запомнить. А еще больше – услышать.

В дождливые ночи небо в Иноземье багровое. В ясные – лиловое. Никаких звезд, никакой луны. Кошмарное, если вдуматься, место. И с чего это князю Доброволу взбрело в голову называть его раем? С какого такого перепоя?

– Что ж, воевода, – задумчиво проговорил Глеб, снова взглянув на старика, – утешить мне тебя нечем. За спиной у нас ад, но то, что впереди, ничем не лучше. И мой тебе совет: если нам снова доведется вступить в схватку с нечистью, следи не за своими стрельцами, а за собой. Иначе будет только хуже.

* * *

Багровый, вибрирующий и дергающийся ком выкатился на поляну, на мгновение замер, словно к чему-то прислушиваясь, а затем быстро устремился к труп волколака, лежащему в стороне от других.

Пожирая волколака, чудовищный ком пульсировал и раздувался. Пищу он переваривал быстро, и эта пища в считанные секунды становилась частью его багровой, вибрирующей, испещренной прожилками плоти.

Когда от волколака не осталось ничего, кроме белых, начисто обглоданных костей, багровый ком издал странный, жутковатый звук, отдаленно напоминающий отрыжку, а затем на мгновение изменил форму, превратившись в огромного волколака с кривым телом и перекошенной мордой. Потом по телу его пробежала рябь, он снова принял форму шара и покатился к следующему трупу, урча от голода и предвкушения обильной трапезы.

* * *

Мокрую землю окутывал мягкий пасмурный воздух. Подлесок покрывала легкая дымка. Близ прогалины блестели влажные березы, с полуголых веток скатывались крупные блестящие капли. Из редящего белесого тумана навстречу странникам вырастали черные стволы деревьев.

До Кишеньского жальника оставалось около двух верст. Странникам приходилось тщательно смотреть себе под ноги, так как в этой местности было полно разрозненных лужиц голодной грязи. Некоторые из них напоминали размерами небольшие озера, другие – крохотные кляксы.

Путники были страшно измотаны походом и сражениями, некоторых ратников просто качало от усталости. Глеб решил, что им не помешает передохнуть перед тем, как ступить на землю упырей.

Отдав приказ расположиться на отдых, Глеб и сам сел на траву, спиной к толстому,

замшелому дереву, и опустил затылок на его влажноватый ствол. Прикрыв глаза, он решил подремать пять минут, ибо сон, даже самый краткий, – это лучший способ восстановить растраченные силы.

Во сне Глебу привиделся старый друг, который сгинул в гиблой чащобе много лет назад. Это был охотник Громол – человек, научивший Глеба владеть мечом и луком, читать следы зверей, как раскрытую книгу, легко ориентироваться в лесу и убивать темных тварей тем, что попало под руку.

Громол совсем не изменился с момента их последней встречи. Высокий, худощавый, в длинном плаще, с длинными, тронутыми проседью волосами и подстриженной бородой, он был похож на странствующего рыцаря из славного, но обедневшего рода.

– Здравствуй, Первоход, – сказал Громол, улыбнувшись.

– Здравствуй, Громол, – отозвался Глеб. – Я рад тебя видеть.

Они обнялись, затем сели на упавшее бревно, и Глеб закурил крепкую бутовую сигарету.

– Ну? – спросил охотник после паузы. – И зачем ты меня звал?

– А я тебя звал?

Громол кивнул:

– Да. Иначе бы я не пришел.

– Пожалуй, ты прав. Я очень хотел, чтобы ты появился. Я веду своих людей в Иноземье. Но не знаю толком, что это такое. Знаю лишь, что Иноземье – это другой мир. Ты можешь мне все разъяснить?

Несколько секунд Громол молчал, разглядывая носок своего сапога, а затем покосился на Глеба и спросил:

– А ты уверен, что проделываешь это путешествие в реальности, а не в воображаемом мире сновидений?

«Конечно, уверен!» – хотел ответить Глеб, но призадумался. Вопрос охотника насторожил Первохода и поверг его в легкую растерянность. В самом деле, как отличить сон от яви, если границы и того, и другого столь зыбки и размыты?

Подумав об этом, Глеб вздохнул и с горечью проговорил:

– Не знаю, Громол. Я уже ни в чем не уверен. С одной стороны, мне бы хотелось, чтобы это был сон, потому что от сна можно очнуться. С другой – мне бы не хотелось думать, что все, что нам довелось испытать, – всего лишь сон. Слишком много сил и энергии потрачено. Слишком много крови пролито.

Громол помолчал, обдумывая ответ Первохода, потом сказал:

– Человек постоянно приносит жертву Высшим Силам, даже когда сам этого не замечает. Гораздо важнее тут не сам факт жертвы, а то, чтобы жертва твоя была принята этими силами. Принята, а не возвращена тебе обратно в чудовищном, ужасном виде.

– Ты, как всегда, говоришь загадками, – хмуро произнес Глеб.

Громол качнул головой.

– Вовсе нет. Сон это или явь – не важно. Если ты хочешь найти истину, ты должен пройти свой путь до конца. Ты не должен терять решимость, Глеб. Стоит тебе хоть раз отступить или запаниковать, и ты горько об этом пожалеешь.

Глеб хмуро посмотрел на Громола и спросил:

– У этого пути есть конец?

– Да, – ответил охотник.

– И где он?

– Везде. И нигде.

Некоторое время Глеб угрюмо молчал, потом кивнул.

– Я понял, что ты хочешь сказать. Важен только путь, верно?

Громол отрицательно покачал головой.

– Нет, не верно. Гораздо важнее то, что ты найдешь на этом пути.

– Ты говоришь о чудных вещах?

– Можешь называть их так. Хотя сами по себе они ничего не значат. Все эти «чудные вещи» – лишь камушки на пути твоего восхождения. Рисовые зернышки, которые бросает твоя собственная душа, чтобы твой вечно не поспевающий разум нашел по ним путь и не сбился с дороги.

– Но как же мои спутники? Если все это сон, то почему они должны страдать вместе со мной?

– Возможно, каждый из них видит свой собственный сон, – пожал плечами охотник. – А может быть, вы все видите один и тот же сон. Это не слишком важно.

Прошуршав лапами длинного плаща, охотник поднялся с бревна.

– Будь тверд, Глеб, – сказал он. – Иноземье – загадка. Но со временем ты разгадаешь и ее.

– И тогда я пойму, что я здесь делаю? – спросил Глеб, почувствовав внезапное волнение. – Я пойму, для чего Высшим Силам, о которых ты говорил, понадобилось отправлять меня в прошлое?

– Поймешь... Когда-нибудь...

Охотник улыбнулся. Фигура его стала медленно отплывать и таять.

– Ты всего лишь призрак! – крикнул Глеб, вскочив на ноги. – Ты существуешь только в моем воображении!

– Может быть, и так... – Голос Громола звучал все тише. – Но не стоит недооценивать воображение... Это такой же путь познания, как и прочие... По крайней мере, в твоем случае это именно так.

Гроمول растаял среди деревьев, оставив после себя легкую золотистую дымку.

Глеб открыл глаза.

– Выспался? – хмуро спросил Бранимир.

Первоход потянулся и крутанул головой, разминая затекшую шею.

– Долго я спал?

– Пять минут, – так же угрюмо ответил воевода. – Тебе приснилось что-то нехорошее?

– Почему ты так думаешь?

– Ты шептал во сне. И лицо у тебя было несчастное.

Глеб покачал головой.

– Нет. Мне ничего не снилось. За три года, проведенные в Мории, я насмотрелся кошмаров на всю оставшуюся жизнь и с тех пор не вижу снов.

– Не видеть сны – это редкий дар богов. Хотел бы я, чтобы боги были так же благосклонны ко мне. – Бранимир повернулся к стрельцам и хрипло крикнул: – Ратники, пора в путь!

7

И они снова отправились в путь. Но путь этот стал чрезвычайно тяжел. Почва под ногами превратилась в настоящую топь. Местами ноги странников проваливались по колено, покуда не нащупывали скользкое твердое дно. Они шли, стараясь ступать на камни и заросшие мелким тальником островки.

– Когда же это кончится? – не выдержал наконец Бранимир.

– Что? – оглянулся Глеб. – О чем ты, воевода?

– Ты ходок, и путь – твое предназначение, – угрюмо пробасил Бранимир. – А я – воин. Я должен воевать, а не отмахивать версты на пути к призрачной цели.

Глеб пожал плечами и отвернулся. Дальше довольно долго шли в молчании. Воевода то и дело глядел по сторонам, и с каждой минутой взгляд его становился все тревожнее и тревожнее. Наконец он не выдержал и сказал:

– Эй, Первоход, ты говорил, что до Кишеньского жальника всего две версты, однако мы идем уже очень долго, и никаких примет кладбища я не вижу.

– Время в Гиблом месте течет иначе, чем за межой, – ответил Глеб. – Иногда то, что

прежде казалось долгой, опасной дорогой, превращается в короткий, безопасный переход. И наоборот.

Воеводе ответ Первохода не понравился.

– Сколько же нам еще идти? – проворчал он.

– Час, минуту, вечность... Я не знаю, воевода. Я не был в Гиблом месте больше трех лет. А здесь все меняется ежедневно. К тому же...

– В укрытие! Мушкеты к бою! – крикнул воевода раньше, чем Глеб успел увидеть то, что уже заметил своими старческими глазами Бранимир.

Воевода сбил Глеба плечом в овраг и прыгнул следом. А за ним в овраг попрыгали и другие ратники. Не прошло и десяти секунд, как проклятый лес наполнился грохотом стрельбы.

Ратники, высунувшись из оврага, словно из окопа, палили из мушкетов по внезапному врагу. Глеб тоже сжимал в руках ольстру, но стрелять не спешил. То, что открылось его глазам, было столь поразительно, что он не мог произнести ни слова.

Бой длился уже минуту, когда Глеб наконец сбросил оцепенение и крикнул:

– Стойте! Не стреляйте! Отставить стрельбу, я сказал!

Он ударил одного из стрельцов по руке, затем схватил Бранимира за ворот полукафтана и хорошенько встряхнул. Благодаря столь решительным действиям Первохода, стрельба прекратилась.

– Почему ты запретил нам стрелять? – гневно спросил Бранимир.

– Ты ведь не слепец, воевода. Неужели ты не видишь, что пули не причиняют им никакого вреда?

– Но они стреляют в нас!

Глеб покачал головой и жестко проговорил:

– Нет. Не в нас. Выгляни из оврага и посмотри на них внимательнее.

Воевода сдвинул брови, но послушался – дал стрельцам знак подождать, а затем осторожно выглянул из оврага. Стрельцы, держа пальцы на спусковых крючках своих мушкетов, последовали его примеру.

И вот что они увидели. Из рощицы молодых дубков вышли два человека. Первый был седовлас и сутуловат, одет как небогатый купец. Второй – молодой, рыжебородый и тоже похожий на купца. В руках у обоих незнакомцев были легкие походные луки. Стрелы лежали на тетиве, а сами купчики испуганно озирались по сторонам.

Вдруг один из них что-то крикнул, хотя изо рта его не вылетело ни звука, а в следующий миг оба купчика уставились на что-то с таким невыразимым ужасом, что по спине Глеба, наблюдавшего эту сцену из укрытия, пробежал мороз.

Секунду или две купчики тарасились на неведомого врага, затем вскинули луки и стали стрелять в него, выдергивая из колчанов одну стрелу за другой. Стрелы летели в направлении путников, укрывшихся в овраге, но, едва сорвавшись с тетивы, странным образом растворялись в воздухе.

Вдруг молодой купец упал на землю, а из его левой руки брызнула кровь, словно кто-то разорвал ее клыками. В ту же секунду из-за деревьев выскочил третий человек – в замшевой охотничьей куртке и с мечом в руке. Несколько мгновений он стоял на месте, с ужасом озираясь по сторонам. Но тут старик что-то крикнул ему, причем, как и прежде, с губ его не сорвалось ни звука. Однако мужчина в замшевой куртке услышал. Он воззрился туда, куда показывал ему старик, побледнел, потом подбежал к истекающему кровью парню. Вдвоем со стариком они подхватили молодого купца под мышки и потащили его к кусту бузины. Через секунду они скрылись из вида, но в то же мгновение оба купца – молодой и старый – вновь выскочили с другой стороны прогалины, и все началось с начала.

– О, боги... – хриплым от ужаса голосом проговорил Бранимир. – Это повторяется... Что же это, а?

– Силки Времени, – мрачно пояснил Рамон.

Незнакомцы на прогалине снова и снова повторяли свои действия. Добежав до куста

бузины, они тут же появлялись на другом конце прогалины, беззвучно кричали от ужаса, вскидывали луки и стреляли в кого-то, потом один из них падал с окровавленным плечом, двое других подхватывали его и тащили к кусту бузины. И все начиналось сначала.

Глеб сглотнул слюну, посмотрел на Рамона и спросил:

– Ты слышал о таком раньше?

– Да, – ответил итальянец. – Один спившийся ходок, Полип Кривой, рассказывал в кружале, как его спутники попали в ловушку, с которой прежде никто из ходоков не сталкивался. Полип назвал ее Силками Времени. Рассказ ходока был сбивчив, но из него следовало, что год назад его спутник, ходок по кличке Хвощ, и двое ведомых попали в эту ловушку. Каждую минуту для них повторяется этот кошмар, и остановиться они не могут. Они не стареют и не меняются, и все время двигаются по замкнутому кругу, как бельчата в колесе скомороха.

Несколько секунд все молчали.

– Никогда не думал, что ловушки бывают такими страшными, – угрюмо произнес один из воинов, обмахнув себя охоронным знаком.

– Неужели их никак нельзя оттуда вызволить? – упавшим голосом спросил другой.

Рамон покачал головой.

– Нет. Ходок Хвощ пытался помочь своим ведомым, но вместо этого сам угодил в силки. Человек в охотничьей куртке – это он. Думаю, нам не следует подходить к этому месту слишком близко.

Еще до того, как Рамон закончил фразу, Глеб опустил ольстру и быстро выбрался из оврага. Дав своим спутникам знак не двигаться и не говорить, он цепким взглядом осмотрел близлежащие деревья, потом приподнял голову и втянул ноздрями воздух.

– Ты чего, Первоход? – тихо спросил из оврага Бранимир.

Глеб взглянул на него и ответил таким же тихим голосом:

– Эти трое что-то увидели. И они во что-то стреляли. Во что-то... или в кого-то.

Воевода нахмурился, осторожно поднял голову над краем оврага и тоже оглядел лес. Его примеру последовали и другие. На душе у всех было беспокойно. Стрельцы старались не смотреть на купцов и ходока, мечущихся в Силках Времени.

Рамон хотел заговорить, но Глеб жестом заставил его молчать и снова к чему-то прислушался. Первоход чувствовал опасность всеми фибрами души, но никак не мог понять, в чем она таится и откуда исходит.

Казалось, чувство опасности исходило от самой земли. Сам не зная почему, Глеб вложил ольстру в кобуру и вытянул из ножен заговоренный меч. Вновь огляделся по сторонам и шагнул к оврагу, но споткнулся обо что-то и едва не упал.

– Проклятие, – тихо выругался он и, держа меч наготове, нагнулся, чтобы получше рассмотреть предмет, о который зацепился носок его сапога.

Это был корешок-клубень какого-то вывороченного сухого растения. Глеб потрогал его наконечником меча, потом обхватил его пальцами и вырвал из земли. Клубень был размером с ладонь и своей формой походил на вытянутую фигурку человека со сложенными на груди руками и кистями рук, сплетенными в замок.

И тут что-то щелкнуло, словно длинный, узкий бич, и облако пыли и сухой травы взметнулось над путниками, на мгновение накрыв их своей клубящейся сенью и забив им глаза землей и лесным мусором.

– Что за... – прохрипел было воевода, но окончание его фразы перекрыл отчаянный крик, полный ужаса и боли.

Глеб выронил из руки странный клубень и быстро протер пальцами забившиеся мусором глаза.

Крик повторился, а через мгновение к нему добавился другой. Потом кто-то выстрелил из мушкета, и отголосок грохота выстрела вновь потонул в отчаянном крике.

Когда Глеб прочистил глаза и взглянул на овраг, в котором сидели его спутники, лицо его дернулось и на миг оцепенело. Из пологих стен оврага вырвались длинные, блестящие

нити, похожие на струны, и обвили ратников.

Бранимир и Рамон рубили эти струны мечом. Одна из струн-нитей обвила руку воеводы, и из рассеченной кожи его брызнула кровь.

Глеб устремился к оврагу и, еще не добежав до его края, заметил, что блестящие струны разорвали тела ратников. И тут же из пологих склонов вылетели другие нити, темные на вид. Эти нити, подобно кровожадным щупальцам или хищным червям, впились в куски изуродованной плоти ратников, и по их полупрозрачной утробе толчками потекла кровь, которую они высасывали из мертвых тел.

Глеб с ходу рубанул по переплетению темных струн-кровососов. Из обрубков на землю заструилась кровь, однако из стены оврага тут же вырвались три новые блестящие струны и, захлестнув сапог Глеба, дернули его к оврагу.

Глеб рухнул на землю, но успел вырвать ногу из сапога. А затем, как мог быстро, отполз от оврага. А в овраге творились ужасные вещи. Тела воинов бились в переплетении блестящих нитей, как мухи в паутине. Бранимиру удавалось отбиваться от шевелящихся нитей мечом, но его кольчуга была оплетена ими и трещала под их напором. Рамон рассекал кровожадные струны молниеносными ударами кинжалов, однако было видно, что толмач выбился из сил и удары его с каждой секундой становились все медленнее.

– Глеб! – хрипло крикнул он. – Глеб, уходи отсюда! Беги!

Все новые и новые струны выскакивали из стен оврага и устремлялись к попавшим в силки странникам. Глеб вскочил на ноги и хотел снова ринуться к оврагу, но тут земля у него под ногами дрогнула и зашаталась...

На этот раз выброс пыли, песка и лесного мусора был подобен взрыву. Огромная черная масса стремительно выросла из земли и зависла над Глебом, шевеля сотней черных, гибких щупальцев, усеянных жесткими волосками и желтоватыми, гноящимися присосками. Словно сам повелитель земных недр вырвался наружу и предстал глазам путников во всем своем пугающем великолепии.

Зрелище было настолько грандиозное и ужасающее, что Первоход на секунду лишился дара речи. Он попятился и, снова споткнувшись обо что-то, растянулся на земле.

Чудовище, изогнув стан, стремительно склонилось над Глебом, и он стал быстро отползать, пятясь задом, как рак, и с изумлением глядя на огромного черного монстра.

Загребая пальцами землю, Глеб случайно ухватился за корень-клубень, похожий на человеческую фигурку, который минуту назад он держал в руках. Стоило его пальцам коснуться клубня, как огромное тело подземного чудовища содрогнулось.

Глеб, почти не осознавая, что делает, и целиком положившись на инстинкты, поднял клубень и сжал его в пальцах. Чудовище задрожало и издало оглушительный, нечеловеческий стон. И тут Глеб увидел, что на вершине Владыки недр, как обезьяна в раскидистой кроне дерева, сидит маленькое черное существо размером с кошку. У существа были красные, будто у лабораторной крысы, глазки, а взгляд этих глазок – злобный, полный гнева, голода и ненависти – был устремлен на Глеба.

– Не нравится? – процедил Глеб сквозь испачканные землей и забитые песком зубы. – А так?

И он изо всех сил сжал клубень в руке. Карлик, оседлавший гиганта, взвизгнул от боли и ярости, и Глеб вдруг понял, что карлик этот – не просто наездник. Маленький монстр по пояс утонул в теле Владыки земных недр и выглядел, как гриб-нарост.

Черные ветви-щупальца гиганта, судорожно извиваясь, потянулись к Глебу. Однако Глеб опередил монстра. За секунду до атаки он с размаху ударил клубнем об землю. Чудовище отшатнулось и вновь застонало, да так оглушительно, что у Глеба заложило уши. Владыка недр потрянул кроной, осыпав Глеба влажной, пахнущей плесенью землей, и тут же его щупальца снова потянулись к Глебу.

Первоход быстро откатился в сторону, выхватил из-за пояса кинжал и одним ударом клинка пригвоздил клубень к земле.

Гигантский монстр задержался, как в припадке, потом на мгновение замер и вдруг

взорвался, превратившись в огромный, клубящийся черный гриб.

Облако мелкой, как пыль, трухи посыпалось уцелевшим путникам на головы.

* * *

Глеб поднялся – оглушенный, сбитый с толку, с лицом, черным от налипшей земли. Слегка пошатываясь, он направился к оврагу.

Рамон сидел на дне оврага и тряс головой, словно контуженный боец. От ратников осталась лишь грудa окровавленной плоти, а воевода Бранимир, багровый от своей и чужой крови, стоял на ногах и неистово рубил мечом струны-корни, которые и без того уже были мертвы.

Глеб провел по лицу ладонью, стирая грязь, отплюнул набившийся в рот песок и хрипло крикнул:

– Бранимир!

Воевода не отозвался. Он рубил и рубил, превращая мертвые корни в бесформенную кашу.

– Воевода! – снова позвал Глеб.

Но седовласый воин не отозвался. Он продолжал остервенело махать мечом.

Глеб спустился в овраг по зыбучему пологому склону, зашел Бранимиру за спину, схватил воеводу за плечи и, резко развернувшись, отшвырнул его назад. Бранимир упал на землю и с размаху вогнал клинок меча в склон оврага.

– Хватит! – хрипло проговорил Глеб. – Довольно!

Бранимир, тяжело дыша, вытер тыльной стороной ладони потный лоб. Потом посмотрел на Глеба сверкающими глазами и проревел с яростью и горечью:

– Они мертвы, ходок! Они все мертвы! У меня было двадцать ратников, и теперь не осталось ни одного! Я не уберег их!

Глеб стиснул зубы и ничего не сказал в ответ. Да и что тут скажешь? Рамон, уже пришедший в себя, поднялся на ноги, посмотрел на останки ратников, перевел взгляд на рыдающего воеводу и мягко проговорил:

– Ну, будет, Бранимир... Будет. На все воля Божья.

Потом протянул руку и погладил воеводу по седым, взлохмаченным волосам.

8

Минут двадцать моросил мелкий, колкий дождик, однако путники не спрятались под сень деревьев, предпочитая сидеть на открытом месте.

Валежник, объятый пламенем, тихонько потрескивал, языки огня метались под резкими порывами ветра, как рыжая грива. Трое странников, сидя на траве, глядели на огонь, и лица их были омрачены печальными мыслями.

Рамон, сложив руки лодочкой, тихо, почти беззвучно молился. Бранимир вслушивался в его монотонный шепот, пытаясь уловить смысл слов. Глеб был занят костерком, не давая сырым после дождя углям потухнуть.

После долгой паузы воевода мрачно изрек:

– Мы не были готовы к этому походу.

Глеб нахмурился, поворошил палкой угли и сказал:

– К походу в Гиблое место нельзя подготовиться.

Воевода, казалось, не слышал его. Он обхватил голову руками и тихо простонал:

– Если бы я знал... Если бы я только знал...

– Ты ничего бы не смог изменить, воевода, – снова возразил Глеб. – Приказ отдал князь Добровол. Тебе оставалось лишь выполнить его.

Несколько минут сидели молча. Потом Глеб подтянул к себе сумку с едой, раскрыл ее и достал несколько ломтей мяса. Один ломоть протянул Рамону, другой – Бранимиру.

Воевода посмотрел на еду с отвращением и мотнул головой:

– Не надо.

– Ты должен поесть, – сказал Глеб. – Еда – это топливо. Наш путь не закончен, и впереди будут новые испытания. Я хочу, чтобы ты восстановил потраченные силы.

– Силы? – Бранимир угрюмо усмехнулся. – Какой в этом смысл? Какого лешего нам идти дальше? Зачем?

– У нас есть цель, воевода. Мы должны остановить Призрачных всадников и армию мертвецов, которые собрались занять место живых. Надеюсь, ты об этом еще помнишь?

– Цель? – Воевода сжал кулаки. – Кому нужны твои «всадники»? Подумаешь – убили десяток смердов. Велика важность.

Глеб растерянно нахмурился.

– Я тебя не понимаю.

– А чего тут понимать? – вспыхнул Бранимир. – Думаешь, князю есть какое-то дело до их жалких жизней?

Лицо Глеба оцепенело. Он несколько секунд обдумывал слова воеводы, а затем медленно проговорил:

– Значит, Добровол послал нас в Гиблое место не за этим?

Воевода качнул кудлатой головой.

– Нет.

– Тогда зачем?

– Князь положил глаз на Иноземье. Это благодатная страна сродни Угрю. И князь возжелал получить ее блага и покорить ее дремучий народец.

Выслушав Бранимира, Глеб холодно усмехнулся.

– Князь Добровол решил захватить Иноземье с помощью двадцати воинов? Надо сказать, что это очень самонадеянно с его стороны. Гордыня затмила ему разум и затуманила глаза.

– Это не просто воины. Это стрельцы, вооруженные смертоносными огнестрельными мушкетами. Один наш стрелец стоит сотни дикарей, вооруженных одними лишь копьями.

– Правда? – Глеб дернул уголками губ и презрительно вымолвил: – Ну, и где же они теперь – эти твои могучие и непобедимые стрельцы?

Мгновение Бранимир смотрел на ходока недоуменным взглядом, будто позабыл о погибших воинах, потом снова обхватил голову ладонями и простонал:

– О, боги... Гиблое место убило их... Убило их всех....

– Верно. И «смертоносные мушкеты» не слишком им помогли.

Рамон осуждающе посмотрел на Глеба, а тот дернул щекой и недовольно проговорил:

– Ладно. Теперь нас трое. Возможно, нас должно было быть трое с самого начала, и Гиблое место просто избавило нас от лишних людей.

– Твои слова жестоки, – с упреком произнес Рамон.

– Да, толмач, знаю. Но что поделать – мы с вами в гиблой чащобе, а это очень жестокое место. Итак, нас трое, и это увеличивает наши шансы на выживание. Мы будем следить друг за другом. До Кишеньского жальника осталось всего ничего. Правила следующие. Не отходить от меня дальше, чем на две сажени. Оружие держать наготове. Сторониться кустов и камней-валунов. Если увидите что-то необычное, тут же говорите мне. И главное – безоговорочно выполняйте мои приказы. Бранимир, ты слышал, что я сказал?

– Слышал, – угрюмо ответил воевода.

– Тогда возьми мясо и съешь его. Еда не только восстановит твои силы, но и вернет тебе твердость духа.

Бранимир секунду или две сидел неподвижно, потом протянул руку, взял ломоть вяленого мяса, поднес его ко рту и впился в него зубами.

После трапезы воевода уснул. Лицо у него было бледное, изможденное, а морщин, казалось, стало в два раза больше, чем до этого похода.

Погрев руки у костерка, Глеб оглядел деревья и тихо сказал:

– Странно все это.

– Что именно? – уточнил Рамон, лежа на траве и глядя на проплывающие облака.

– Мы в двух шагах от проклятого кладбища, а до сих пор не встретили ни одного упыря. Обычно их тут – как клопов.

– Быть может, они чувствуют твоё приближение? Ты обрел прежнюю силу, и темные твари чувствуют это. Вот и не рискуют показываться у тебя на пути.

– Волколаков это не остановило, – напомнил Глеб.

– Верно. Но тогда ты был слабее. С каждым пройденным шагом ты впитываешь в себя силу Гиблого места. Поступь твоя становится тверже, взгляд острее. Это видно со стороны. Особенно после твоей победы над тем огромным «земляным червяком».

Глеб остро взглянул на толмача и спросил:

– С тобой это тоже происходит? Ты тоже становишься сильнее?

Рамон вздохнул и покачал головой.

– Нет. Я ведь не ходок, как ты. Я – простой толмач.

– Простой толмач, который мастерски владеет кинжалами?

Рамон улыбнулся.

– Скитания по миру многому меня научили. Даже тому, чему я рад был бы не учиться никогда.

Глеб снова погрел руки у костра, потом вздохнул и поднялся на ноги.

– Пойду осмотрюсь, – сообщил он. – Хочешь пойти со мной?

Рамон удивленно приподнял брови.

– А как же Бранимир?

Глеб посмотрел на спящего богатыря и, небрежно пожав плечом, ответил:

– Сейчас ему ничто не угрожает.

– Откуда ты знаешь?

– Я хорошо чувствую опасность. И сейчас опасности нет.

– Ты полностью доверяешь своему чувству?

– Теперь да. Ты ведь сам сказал, что я стал сильнее.

Во взгляде Рамона, однако, все еще читалось сомнение, и тогда Глеб добавил:

– Умение предугадывать опасность – один из навыков, которым меня одарило Гиблое место. И после схватки с «земляным червяком» этот навык вернулся ко мне в полной мере. Но, чтобы тебе было спокойнее, я орошу траву кровью волколака. Она отпугнет упырей и оборотней, а волколаков сделает осторожными и неуверенными.

С этими словами Глеб достал из сумки, притороченной к поясу, маленькую оловянную бутылочку с волколачьей кровью, откупорил ее и разбрызгал черную кровь по траве.

Ветер утих, грозовая туча ушла на восток, почти не пролив дождя, и лес был тих и спокоен.

– Странно, – сказал Глеб. – Я по-прежнему не чувствую никакой опасности. Хотя на душе у меня беспокойно.

Лес и впрямь не казался опасным. Легкий порыв ветра качнул позолоченные листья осинника, и с веток испуганной стайкой вспорхнули красные дрозды. Трава под ногами была блеклой, а воздух – легким, ясным и безвкусным.

– Первоход, этот лес кажется мне безо...

– Тише!

Глеб остановился и уставился на что-то. Рамон проследил за его взглядом и побледнел. Сквозь редкие ветви засохшего малинника странники увидели толстый ствол дуба, а к этому стволу был прибит железными штырями плотно обтянутый кожей человеческий скелет.

Глава шестая

– Много морей переплыв и увидевши много народов, брат мой, достиг я теперь грустной гробницы твоей...

Голос Рамона прозвучал тихо и грустно. Но еще грустнее был его взгляд, устремленный на прибитого к дереву мумифицированного мертвеца.

– Не хочется даже думать о том, какая трагедия тут разыгралась много лет назад, – со вздохом произнес итальянец.

Глеб между тем тщательно осмотрел скелет и вдруг, мрачно нахмурившись, присвистнул.

– Что случилось, Первоход? Что ты увидел?

Глеб указал пальцем на левую руку скелета. Рамон взглянул туда и, сдвинув брови, обронил:

– Браслет?

– Это не браслет, – сухо проговорил Первоход. – Это часы. Русские. Фирмы «Полет». Похожие были у моего отца.

– Значит, этот мертвец...

– Боже мой! – негромко воскликнул Глеб. – А рубашка-то у него из нейлона! – Лицо ходока передернулось, он облизнул губы и хрипло проговорил: – Этот парень родом из семидесятых. Похож на туриста. Или на студента-стройотрядовца.

Рамон посмотрел на Глеба ошарашенным взглядом и спросил:

– Хочешь сказать, что он твой земляк?

Глеб нервно усмехнулся.

– Что-то вроде этого. Только с разницей лет в тридцать.

– В таком случае, ему повезло меньше, чем тебе.

– Это уж точно.

Рамон протянул руку, осторожно потрогал потемневший от времени череп и сказал:

– Думаю, он висит здесь уже лет сто. Странно, что звери его не тронули.

Глеб взял правую руку мертвеца – сухую, мумифицированную, плотно обтянутую потемневшей кожей. Рука Глеба задрожала, а на лбу выступили крупные капли пота. Рамон опустил взгляд и тоже взглянул на правое предплечье мумии. Перевел взгляд на лицо Глеба и растерянно спросил:

– Такие же шрамы, как у тебя?

– Да. Похоже на то. – Глеб легонько провел пальцем по темным полоскам, похожим на зарубки. – Три штуки. Если раньше их было десять, как у меня, то этому парню пришлось здорово тут потрудиться.

Первоход выпустил руку мумии из своих побелевших пальцев и угрюмо добавил:

– И все же домой он вернуться так и не смог.

Рамон отвел взгляд от мертвеца и оглядел лес. И вдруг воскликнул:

– Господи, Глеб! Там еще один!

Минуту спустя, пробившись к соседнему дереву сквозь сухие заросли кустарника, странники остановились перед вторым мумифицированным трупом. Он так же, как первый, был прибит к стволу дерева гвоздями.

Здесь Глеба ждал еще один сюрприз. Взглянув на часы мертвеца, он проговорил севшим от волнения голосом:

– «Bvlgari Diagono». Судя по виду, модель вполне современная.

– То есть – из твоего времени?

Глеб кивнул:

– Да. Стоит тыщи четыре баксов. Этот парень точно не был студентом-стройотрядовцем. Интересно, как он оказался в Гиблом месте?

На шее мертвеца висела цепочка, а на ней – бронзовый жетон. Глеб взял жетон в пальцы и осторожно поскреб его ногтем.

– Имени уже не различить, но тут есть дата... Две тысячи... О, черт... – Рука Глеба

дрогнула.

– Что там, Глеб? – насторожился Рамон.

– Этот парень из будущего! Видишь эти цифры? Я отправился сюда, в ваше гиблое Средневековье, за десять лет до этой даты!

Глеб выпустил жетон из пальцев, затем нагнулся, поднял что-то с земли и взвесил предмет на ладони.

– Что это? – спросил Рамон, разглядывая ржавую железную скобу, похожую на большую разогнутую подкову.

– «Пустынный орел», – ответил Глеб. – Девятый калибр, пятнадцать патронов в магазине. Только здорово усовершенствованный. В мое время таких еще не было.

– Там, откуда он прибыл, шла война?

– Не знаю. Надо посмотреть, есть ли у него на предплечье шрамы.

Глеб проверил. Шрамы действительно были, и очень много.

– Десять, – насчитал Глеб. – Если с ним случилась та же история, что и со мной, он погиб сразу после прибытия, не успев ничего сделать.

– Что вы здесь возитесь?! – раздался за спинами друзей грубый голос Бранимира.

Он с треском протиснулся сквозь кусты и встал рядом с Глебом.

– Леший! – воскликнул воевода, уставившись на мумию. Потом повернул голову, увидел вторую мумию и коротко выругался. Затем воззрился на Глеба и спросил: – Кто они?

Глеб открыл рот для ответа, но Рамон его опередил:

– Мы думаем, что это добытчики бурой пыли.

Широкий лоб Бранимира прорезали глубокие морщины.

– Обычно добытчики не заходят так далеко, – задумчиво произнес он. – Как же их сюда занесло?

– Должно быть, заблудились, – угрюмо ответил Глеб.

Вдалеке послышался негромкий вой. Воевода передернул плечами и сказал:

– Шли бы вы к костру, парни. Если волколаки вас сожрут, мне тоже придет крышка.

– Ступай, Бранимир, мы сейчас подойдем.

Воевода окинул их лица подозрительным взглядом, потом повернулся и пошел к лагерю, недовольно бормоча себе под нос:

– Все шепчутся, шепчутся... Когда уже нашепчутся...

Глеб и Рамон подождали, пока он отойдет подальше, после чего Глеб вынул из ножен меч и, прорубая широкими ударами просеку, устремился к третьему дубу, стоявшему в пяти саженях от первых двух. И не зря. К стволу третьего дуба тоже был прибит мертвец. В отличие от прежних мумий эта очень плохо сохранилась.

У третьей мумии не было половины черепа, а то, что осталось, находилось в таком жутком состоянии, что могло рассыпаться от простого прикосновения. То же было и с другими костями. От грудной клетки уцелело всего два ребра. Левая рука отсутствовала, да и от правой остались только плечо и часть предплечья. Одежды на мертвце не было, только кое-где к костям прилипли обугленные лохмотья.

– Что, по-твоему, с ним случилось? – спросил Рамон.

– Часть костей обуглилась, – задумчиво ответил Глеб. – Похоже, по нему шибанули чем-то вроде лазера.

Рамон заметил на траве медный жетон, поднял его и поскреб ногтем. Потом побледнел, поднял взгляд и уставился на спину Глеба с суеверным ужасом. На несколько секунд толмач словно оцепенел, а затем судорожно сглотнул слюну и быстро спрятал жетон в карман камзола.

Глеб между тем тщательно осмотрел кости мертвца и остатки его одежды.

– Надо же – от тела почти ничего не осталось, но часть волос сохранилась. – Он взял в пальцы длинную прядь волос, свисающую с полуразрушенного черепа. – Такой же волосатик, как я.

– Эти трое прибыли в наш мир из будущего, – хмуро произнес Рамон. – Как думаешь,

Первоход, что с ними случилось?

– Не знаю. Но думаю – то же, что и со мной. Сунулись в аномальную зону, но плохо себя здесь вели. Одно непонятно... Судя по всему, эти трое – родом из разных времен. Как же они оказались рядом? И почему?

– У тебя есть какие-нибудь предположения? – осторожно спросил Рамон.

Ходок подумал и покачал головой.

– Нет. Никаких.

– И что мы будем делать?

– Продолжим путь к Кишеньскому жальнику.

– Но эти трое...

– О них подумаем после.

Первоход сунул меч в ножны, повернулся и зашагал к костру. Рамон проводил его взглядом, затем достал из кармана медный жетон и поднес его к глазам, чтобы удостовериться, что зрение не подвело его.

На медной пластинке, покрытой темной патиной, с трудом угадывалось одно слово. И это было слово «Глеб».

2

– Знаешь, о чем я подумал? – спросил у толмача Глеб, шагая к костру.

– О чем? – мрачно отозвался тот.

– Мы хотим найти «пограничников», которые охраняют вход в иной мир, и нажаловаться им на Призрачных всадников. Так?

– Так.

– А что, если Призрачные всадники и есть эти «пограничники». Что, если эти жуткие существа из другого мира, призванные охранять границу между мирами, сами, в силу неизвестных нам причин, превратились в контрабандистов? И именно они... они, а не кто-нибудь другой... пытаются поменять местами мир мертвых и мир живых.

Рамон вздохнул и признался:

– Друг мой, от твоих слов в жилах у меня стынет кровь. Если все так, как ты говоришь, то мы с тобой блуждаем во тьме, а единственная дверь, которая может нас вывести к свету, закрыта на ключ.

Глеб усмехнулся.

– Не переживай, толмач. Это мое путешествие, а когда у меня нет ключа, я поступаю просто.

– И как же?

– Вышибаю дверь.

Рамон вдруг остановился.

– Ты чего? – удивленно спросил его Глеб.

Толмач протянул руку и попросил:

– Дай мне свою ольстру, Первоход.

– Зачем?

– Дай и узнаешь.

Первоход усмехнулся, вынул из кобуры ольстру и всучил ее Рамону. Тот неторопливо отщелкнул магазин и выбил на ладонь патроны. Затем достал из-за пояса кинжал и принялся надрезать головки пуль – крест-накрест.

Глеб следил за его действиями с усмешкой.

– Думаешь, это поможет?

– Может, да. А может, нет, – продолжая метить пули крестами, отозвался толмач. – В любом случае, мне будет спокойнее, если наш путь осенит крестное знамение.

– А ты, я вижу, мистик. Что ж, я не против. Разрывные пули – хорошее подспорье в борьбе с дьявольским отродьем. Даже когда на спусковой крючок нажимает палец атеиста.

И тут со стороны лужайки донесся крик. Глеб стрелой сорвался с места. Рамон выхватил из-за пояса кинжалы и понесся следом.

Продравшись сквозь кусты, друзья остановились. Костер, который они оставили без присмотра, потух. Рядом с ним была расстелена попона, которую старик Бранимир таскал с собой, используя вместо спального мешка. Однако самого воеводы на попоне не было. Как не было его и рядом.

– Бранимир! – крикнул Глеб, оглядывая траву, кусты и деревья цепким, холодным взглядом. – Воевода, отзовись!

Но никто не отзывался.

– Там! – крикнул Рамон и указал на рощицу кривых берез, видневшуюся неподалеку.

Глеб выхватил из кобуры грозную ольстру и бросился к березам.

Бранимир лежал возле вересовых зарослей, опутавших стволы берез, головой к Глебу, силясь подняться. Но тут что-то резко дернуло его за ноги, мигом затащило в кусты и с треском поволокло дальше.

Глеб вскинул ольстру и выстрелил несколько раз туда, где мог находиться враг. Затем побежал следом.

Лес тут был с богатым подлеском, и густые, колючие кусты делали его почти непроходимым, однако чудовище, утащившее воеводу, было настолько велико и могуче, что проделало в этих зарослях настоящую просеку.

Глеб побежал по этой просеке, готовый в любой момент встретиться с врагом лицом к лицу и выпустить ему в грудь заряд картечи или влить в лоб тяжелую пулю, отлитую из свинца и белого железа.

На листьях и на траве алела кровь, но чья это кровь, было неясно.

Рамон бежал позади и старался не отставать.

В отдалении послышался жуткий и отвратительный шум – будто огромный хищник с громким чавканьем и урчанием пожирал свою добычу.

Глеб, чуть замедлив бег, быстро определил правильное направление, свернул к сухому кустарнику и устремился прямо сквозь него. Толмач побежал следом, сжимая в руках обоюдоострые кинжалы.

Огромная черная тень мелькала впереди между стволами, круша пни и корни, ломая тонкий сухостой и молодняк. Глеб ускорил бег, выскочил на лужайку и остановился. В трех саженях от него, возле трухлявого пня, лежал воевода Бранимир. А рядом стояло огромное существо. Ростом оно было не меньше трех метров, а фигурой и обликом напоминало голого мужчину, обросшего шерстью и покрытого слизью.

Но самым поразительным было лицо чудовища. Оно пребывало в постоянном движении – дергалось, пульсировало, морщилось, но даже сквозь это лихорадочное подергивание Глеб разглядел знакомые черты. Это было лицо воеводы Бранимира, только карикатурно искаженное, будто кто-то совместил сразу несколько картинок. Благодаря подергиваниям и пульсации в нем то и дело прорезались посторонние черты – оборотня, волколака, газара, остроклювой птицы...

Усмехнувшись, монстр повернулся и быстро метнулся под темную сень деревьев. Глеб вскинул ольстру и трижды выстрелил ему вслед. Затем опустил ольстру и подбежал к Бранимиру, чье тело лежало на разворошенном муравейнике.

В этот миг из кустов выскочил Рамон. Увидев присевшего рядом с Бранимиром ходока, он подбежал к нему и, запыхавшись, остановился.

Толмач хотел спросить Глеба о том, что все это значит, но слова застряли у него в горле, когда он увидел, что у воеводы нет головы.

3

Тело Бранимира решили сжечь там, где оно лежало. Рамон поначалу хотел стащить его с муравейника, но когда увидел, какими были эти «муравьи», переменял свое решение и сам

навалил на труп воеводы сухого хвороста.

– Боже мой, похоже, в Гиблом месте нет нормальных существ, – проговорил он, смахнув в огонь маленькую трехголовую муравьиноподобную тварь, которая пыталась прогрызть ему рукав.

Глеб на это ничего не сказал. Он достал из кармана зажигалку, откинул металлическую крышку и крутанул колесико. Кремний издал резкий, шаркающий звук, но лепесток пламени из сопла не выскочил. Глеб крутанул колесико «Зиппы» еще раз. Потом еще раз. И еще. Но огонь так и не появился.

– Дьявол! – выругался Глеб. – Кажется, зажигалка накрылась.

Он еще несколько раз щелкнул кремнием впустую, потом с досадой сплюнул на траву и сунул зажигалку в карман куртки.

– Что будем делать, Первоход? – осведомился Рамон.

– Ничего. Оставим тело как есть.

Толмач взглянул на трехголовых муравьев, снующих по обезглавленному телу Бранимира, и с сомнением проговорил:

– Но эти твари его сожрут.

– Тем лучше. Все. Объявляю похоронную церемонию законченной. Бери сумку и пошли.

Толмач нахмурился, но возражать не стал. Пока собирались, оба не проронили ни звука. Лишь снова тронувшись в путь, оба нашли в себе силы и желание для разговора.

– Как думаешь, что это было за чудовище? – спросил толмач, шагая по лесу рядом с Глебом.

– Не знаю, – сухо ответил тот. – Ясно одно – эта тварь способна менять облик, как сказочный Метаморф. Возможно, сама по себе она бесформенна и просто трансформирует свое тело, подделываясь под того, кого только что сожрала.

Толмач побледнел и перекрестился.

– Откуда же могло взяться подобное чудовище? – спросил он.

Глеб ухмыльнулся и ответил вопросом на вопрос:

– А откуда они все берутся?

Вопрос был риторический, но Рамон задумчиво нахмурился и после паузы ответил:

– Думаю, врата Преисподней прикрыты неплотно. И через эту щель время от времени на Землю выбирается какая-нибудь адская тварь.

Глеб дернул расцарапанной щекой и небрежно проговорил:

– Все может быть. Но об этом мы погадаем как-нибудь потом. Кишеньское кладбище рядом, толмач. Сейчас продеремся сквозь вот эти кусты – и будем на месте. Ты готов?

– Да.

– Тогда вперед.

Выбравшись из кустов, странники остановились, и лица их вытянулись от удивления. В зарослях камыша, осоки и желтого рогоза мерцала гладкая кромка воды.

– Боже! – выдохнул Рамон. – Откуда здесь взялось озеро?

Глеб молчал. Легкая дымка окутала склон на том берегу, где между деревьями смутно виднелись надгробия, и некоторые из них вплотную подходили к воде. Легкий ветерок покачивал голые ветки, шуршал высокой травой.

– Половина кладбища ушла под воду, – снова заговорил Рамон, хмуро глядя на другой берег. – На дне этого озера – древние могилы.

Глеб сложил над глазами ладонь козырьком и взглянул в противоположный берег.

– Твою мать... – тихо выругался он. – Рамон, ты это видишь?

– Что?

– Там, на другом берегу!

Рамон, прищурившись, посмотрел на противоположный берег.

– Я вижу только могилы и надгробия, которые подступают к самой кромке озера и уходят под воду, – сказал он.

– Посмотри лучше.
Толмач снова взгляделся вдаль и покачал головой.
– Это все, что я вижу, Первоход. А что видишь ты?
– Не знаю, как объяснить... – Глеб нахмурился, подыскивая нужные слова. – Это что-то вроде... мерцания.
– Мерцания?
Глеб снова перевел взгляд на толмача, и брови его дрогнули.
– Ты тоже мерцаешь, Рамон. Но твоё мерцание – это мерцание жизни. А там, среди могил и над могилами, мерцает сама смерть. – Глеб облизнул пересохшие губы и вновь взглянул на тот берег. – Но есть там и ещё кое-что... Не жизнь и не смерть, а что-то третье.
– Разве есть что-то в мире, помимо жизни и смерти? – удивился Рамон.
Глеб не ответил.
– Первоход, взгляни! – окликнул вдруг толмач.
Глеб посмотрел туда, куда показывал Рамон, и увидел легкий одноместный челнок, плавно покачивающийся на волнах.
– Отлично, – хрипло произнес он. – Значит, у меня есть возможность переправиться на тот берег.
– У тебя?
Глеб чуть прищурил свои темные, поблескивающие сухим, недобрым блеском глаза.
– В челноке место только для одного человека, Рамон. Разве ты не видишь?
– Я могу добраться до другого берега вплавь.
Глеб задумчиво посмотрел на озеро, потом шагнул к кромке воды, нагнулся и осторожно тронул пальцем изрезанную рябью поверхность.
На мгновение вода у берега изменила цвет, став багровой, и Глеб, зашипев от боли, тут же отдернул руку. Кожа на кончике его пальца лопнула, а края раны обуглились.
– Боже... – тихо выдохнул толмач.
– Бог тут ни при чем, – холодно отчеканил Глеб. – Боюсь, что водичка эта – не из нашего мира.
Рамон перевел взгляд на озеро и, заворуженно глядя на его мерцающую поверхность, хрипло пробормотал:
– Адская вода.
– Да, что-то вроде этого. Не будем тратить время попусту. До встречи, толмач!
Глеб хлопнул Рамона по плечу и стал спускаться к лодке. Итальянец молча и растерянно смотрел ему вслед.
Запрыгнуть в лодку, не касаясь воды, оказалось сложной задачей, но Глеб с нею благополучно справился. Взяв в руки весло, он стал грести прочь от берега и на Рамона больше не смотрел.
Тремя сильными гребками Первоход вывел лодку из маленькой бухточки. Потом, став на одно колено, начал равномерно грести, и весло его быстро погнало суденышко по тихой воде. Глеб рассчитывал силу так, чтобы лодка двигалась без рывков и задержек. Теперь он видел, что это был искусственный водоем, образованный, должно быть, старой бобровой запрудой. Запруда так надежно перегородила ручей, что получилось озерко с пологими, заросшими осокой берегами.
Над серой, маслянисто мерцающей поверхностью воды возвышались травянистые, слепленные из грязи и веток островки. На тех, что побольше, были норы, похожие на норы ондатр. Когда лодка проплыла мимо одного из таких островков, с него поднялась туча маленьких птиц, отдаленно похожих на чирков и крохалей. Они вспорхнули шумной стайкой и скрылись в лесу.

* * *

Когда в кустарнике за спиной послышался шорох, Рамон стоял на берегу и смотрел

вслед уплывающему челноку. На душе у него было беспокойно. Заслышав шорох и треск ветвей, толмач быстро обернулся и уставился на кусты. Глаза его расширились, а кровь отлила от лица.

– Метаморф! – выдохнул Рамон странное, незнакомое слово.

Чудовище остановилось и уставилось на Рамона. Лицо твари стало меняться, словно оно торопливо и усиленно подыскивало нужную маску. Наконец подергивания прекратились, и на Рамона уставилось лицо Глеба Первохода.

Толмач попятился и охрипшим от волнения голосом проговорил:

– Но как?... Как ты сумел? Ты ведь не сожрал Первохода, гад?

Метаморф раскрыл рот и вдруг захохотал. Все его огромное багровое тело завибрировало в такт этому смеху, а черты лица от каждого судорожного сотрясения вновь запульсировали, становясь то волколачьей мордой, то морщинистой физиономией Бранимира. Наконец Метаморф оборвал смех и снова уставился на Рамона. По лицу его пробежала рябь, и оно снова стало точной копией лица Глеба Первохода, только багровой, словно пораженной какой-то жуткой болезнью.

Рамон вынул из-за пояса кинжалы и, устремив холодный, спокойный взгляд на приближающееся чудовище, заговорил:

– Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь – крепость жизни моей: кого мне страшиться? Если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падут! Господи, будь со мной и укрепи мой дух!

И, не дожидаясь, пока чудовище нападет, Рамон смело ринулся в атаку.

4

Нос лодки ткнулся в песчаный берег. С опаской поглядывая на домовины и каменные кресты, Глеб швырнул весло на дно лодки и, ловко перепрыгнув через борт, приземлился на твердую почву.

– Ну, вот и прибыли, – хрипло проговорил он.

Солнце уже зашло за вершины деревьев, и воздух стал темным и неверным. Сумерки сгущались с невероятной быстротой. Глеб выволок лодку на песок, затем выпрямился, вытер рукавом потный лоб и окинул могилы спокойным взглядом. Могилы мерцали синеватым светом.

– Ну? – громко спросил Первоход. – И что дальше?

Земля в сажени от Глеба вспенилась и обвалилась, а секунду спустя из ямы, подобно огромному жуку, выбрался упырь.

– Театр начинается, – выдохнул Глеб. – Вешайтесь, гады!

Молниеносно выхватив из-за спину ольстру, он выстрелил упырю в голову. Голова разлетелась на куски. Но тут же из рыхлой, влажной земли выбрался еще один упырь. Встряхнувшись, как собака, он уставился на Глеба белыми глазами и, осклабив клыкастый рот, низко зарычал.

– Исчезни, демон! – рывкнул ходок и нажал на спуск.

Упырь колодой рухнул на землю, а Глеб, привлеченный громким шумом, повернулся направо. Из-за каменной замшелой домовины вышел высокий, тощий упырь. Лохмотья его одежды развевались и колыхались на ветру, подобно полам длинного плаща. Глеб быстро взял его на мушку.

– Привет, «черный плащ»! – прорычал он и разрядил в голову монстра заряд картечи.

Почти у самых ног Глеба зашевелилась земля. Он отпрыгнул в сторону и выставил перед собой ольстру. Из земли выбралась старуха. Глянула на ходока маленькими, злобными глазами, затем быстро подняла руки с желтоватыми когтями и пошла на Глеба.

Он мрачно усмехнулся.

– «Бабушка-бабушка, а почему у тебя такие большие уши?» – «Это чтобы лучше

слышать тебя, моя деточка!»

Пуля, выпущенная из ольстры, разнесла старухе голову в клочья. Слева от Глеба послышалось глухое рычание. Он быстро повернулся и увидел полусгнившего мертвеца с лицом, изъеденным белой плесенью.

Глеб нажал на спуск, и верхняя часть трухлявого тела мертвеца разлетелась на куски. Однако в ту же секунду из земли, выбив фонтан грязевых ошметков, поднялись еще два упыря. Глеб осклабил рот в ледяной усмешке и хрипло спросил:

– Вы как раз вовремя, бродяги. Раздача бесплатного супа только началась!

Два выстрела, прогремев один за другим, уложили мертвецов наповал. Но едва Глеб расправился с ними, как со всех сторон поперли новые упыри. Мертвецы выскакивали из-под земли с такой скоростью, словно их выбрасывала наружу невидимая пружина.

– Да сколько же вас тут? – яростно крикнул Глеб и снова нажал на спуск.

Уворачиваясь от упырьих когтей и клыков, Глеб перебежал от могилы к могиле, расстреливая тварей из ольстры. А когда патроны закончились, он швырнул ольстру на траву, выхватил из ножен меч и принялся рубить тварей сверкающим клинком.

Глебу показалось, что прошла целая вечность, хотя на самом деле битва длилась не больше десяти минут. Расправившись с очередным упырем, он вскочил на толстую могильную плиту и замер с покрытым гнилью мечом в руке. Шевеление вокруг прекратилось.

Глеб выждал минуту, потом опустил меч и отер рукавом мокрое от пота и крови лицо. И тут он почувствовал, что за спиной кто-то есть.

Первоход обернулся. Посреди груды гнилых, расстрелянных и изрубленных мечом трупов стоял безголовый упырь. Тело его было покрыто кольчугой. Одна нога босая, на другой красовался сапог с высоким голенищем. На штанах безголового мертвеца поблескивали жемчужные лампасы.

Глеб прищурил холодные глаза и процедил:

– Должно быть, ты шел сюда другим путем, раз добрался так быстро, воевода.

Мерцание, исходившее от безголового тела, не было мерцанием смерти. Но и живого в нем тоже ничего не было.

Глеб расстегнул сумку, достал из нее холщовый мешочек с бурой пылью и швырнул его безголовому мертвецу. Тот вскинул правую руку и ловко поймал мешочек на лету.

Несколько секунд ничего не происходило, затем раздался тихий, неприятный звук, похожий на треск раздираемой ткани, и из расширившейся раны на шее мертвеца появился темный бугор. Медленно, короткими толчками, бугор стал выбираться из шеи, и вот уже не бугор, а верхняя часть человеческой головы с седыми, слипшимися от крови локонами возвышалась, подобно могильному холму, над широкими плечами Бранимира.

Фальшивые и мучительные «роды» продолжились, и наконец над поверхностью рваной, окровавленной шеи показались глаза. Потом нос. Потом губы. А еще секунду спустя голова полностью вылезла из разреза и с легким хлопком заняла свое место.

Свободной рукой воевода схватил себя за волосы и подергал из стороны в сторону, словно хотел удостовериться, что голова достаточно прочно сидит на плечах. Затем дряблые, морщинистые веки его открылись, и на Глеба уставились два белых, слепых глаза.

– Твою мать... – пробормотал Глеб и невольно отступил на шаг.

Бранимир медленно поднял правую руку к лицу и сунул мешочек с бурой пылью в свой большой, окровавленный рот. Затем зашевелил челюстью. Бурая пыль захрустела на зубах воеводы, как песок.

Проглотив бурую пыль, мертвец несколько секунд стоял неподвижно, потом снова поднял правую руку, выставил обглоданный муравьями указательный палец и медленно начертил им в воздухе знак. В то же мгновение примерно в сажени от упыря появилось легкое облачко синеватого пара и, серебристо мерцая, стало увеличиваться в размерах.

Глеб напрягся. Облако становилось все больше и больше. Оно было похоже на тонкий, серебристо-лиловый блин, зависший в воздухе. Достигнув размеров входной двери, облако

перестало расширяться и замерло.

Как только это произошло, Бранимир рухнул на землю, и разверзшаяся земля, словно огромный, прожорливый рот, в мгновение ока поглотила его.

В тот же миг серебристо-голубое облако дрогнуло, из его мерцающей утробы выступил белый силуэт, и на залитую кровью траву шагнула увенчанная острыми белыми когтями нога.

5

Призрачный всадник остановился и, стоя спиной к мерцающему Проходу, пристально посмотрел на Глеба. Затем узкие белые губы его приоткрылись, и страшный голос произнес:

– Ты знаешь, кто я такой, ходок?

– Знаю, – хрипло ответил Первоход. – Такой же упырь, как остальные. Только покрупнее.

Рот монстра открылся шире, и из гортани его, будто из глубокого погреба, донесся глухой, утробный смех.

– Ты мне нравишься, ходок, – проговорил страшный голос, который не мог бы принадлежать ни одному человеку на земле. – Клянусь Велесом, ты мне очень нравишься.

– А ты мне нет.

Глеб шагнул вперед и занес меч. Раздался глухой звук удара – и клинок по самую рукоять вошел в грудь Призрачного всадника. Глеб с хрустом провернул лезвие, затем выдернул клинок и отступил от чудовища на шаг, как бы для того, чтобы оценить удачность и точность удара.

Призрачный всадник рухнул на землю. Еще несколько секунд белые, перепончатые крылья его трепетали, как флаги на ветру, а потом замерли и вялой, мешковатой тканью опустились на траву.

Глеб перевел дух, затем перешагнул через труп чудовища и зашагал к Проходу. Однако страшный голос у него за спиной громко проговорил:

– Неужели ты и впрямь надеялся меня убить?

Глеб резко развернулся. Призрачный всадник стоял перед ним в полный рост.

– Глупый, глупый ходок, – усмехнувшись мертвым ртом, произнес монстр. – Тебе никогда меня не одолеть!

– Если бы ты знал, сколько раз я слышал эту фразу, ты бы удивился, – холодно отчеканил Глеб.

«У демона десять жизней, – вспомнил он слова вещуньи Голицы. – На одну больше, чем у кошки. Помни об этом».

Он вскинул меч и рубанул чудовище по голове. Потом двумя точными, быстрыми ударами рассек ему грудь и живот.

Призрачный всадник рухнул на колени, но тут же снова поднялся на ноги и ринулся на Глеба. Ходок снова взмахнул мечом, однако на этот раз монстр опередил его. Ударом крыла он выбил меч, а вторым ударом сбил Первохода с ног. Затем навис над ним и, раскрыв белый рот, гортанно проговорил:

– Загляни в мои глаза, Первоход! Это глаза твоей смерти!

Рот чудовища стал быстро расширяться, и в лицо Глебу пахнуло могильной гнилью. И вдруг монстр рыкнул и отшатнулся от ходока, словно увидел что-то страшное. Секунду Глеб смотрел на чудовище ошеломленным взглядом, потом усмехнулся и торжествующе воскликнул:

– Крест! Ты боишься креста!

Глеб сорвал с шеи серебряный крестик Рамона, сжал его в кулаке и ударил монстра кулаком по белой, похожей на череп голове.

Призрачный всадник взмыл в воздух, а Глеб схватил меч и вскочил на ноги. Издав громкий клекот, монстр ударил ходока когтями по голове. Глеб успел отпрыгнуть, но когти

чудовища распорол ему щеку.

– Дьявол! – выкрикнул Глеб, скривившись от боли.

– Не совсем, – прошепел монстр, с ненавистью глядя на ходока. – Но очень близко.

– Неужто ты и впрямь одна из тех тварей, о которых повествуется в священных книгах?

Монстр, шумно и тяжело работая крыльями, продолжал наматывать круги вокруг Глеба. Дыхание его было тяжелым и смрадным.

Улучив момент и изловчившись, Глеб молниеносно вонзил меч чудовищу в грудь. Затем выхватил меч из раны, прыгнул вперед и с размаху всадил в кровавый разрез серебряный крестик.

В глотке у чудовища булькнуло, оно еще дважды нелепо взмахнуло перепончатыми крыльями, а затем рухнуло на траву. По телу его пробежала дрожь, а затем кожа твари начала темнеть, а из ее пор вырвался удушливый дымок. Вдруг тело Призрачного всадника быстро вздулось, а из пасти его вылетел огненный всполох, словно в утробе чудовища взорвалась бомба. После чего потемневшее тело снова опало и замерло на траве со скрюченными лапами, как пережаренный гусь на противне.

Глеб подошел к мертвому всаднику, нагнулся и, с трудом сдерживая тошноту, вынул из обугленного разреза серебряный крест. Отошел от трупа на несколько шагов, положил крестик в карман, затем поднял с травы ольстру, достал из сумки-ташки последние два патрона и зарядил ими магазин.

Едва он сделал это, как вода у берега вспенилась, и вдруг из озера стало подниматься что-то большое и темное. Через несколько мгновений Глеб понял, что на берег выбирается та самая тварь, которая откусила голову Бранимиру и приняла его облик. Метаморф.

На этот раз никаких определенных черт у чудовища не было, облик его менялся ежесекундно. Страшные звериные морды, человеческие лица, которые казались Глебу неприятно знакомыми, но для которых в памяти не находилось подходящего воспоминания – все это сменялось с такой скоростью, что ужасающая *многоликость* чудовища начала казаться еще более жуткой *безликостью*.

Метаморф медленно приближался, глядя на ходока сотнями, тысячами глаз. Глеба прошиб пот. Он почувствовал, как страх черной удушающей волной подкатил к горлу.

БЕГИ, ПЕРВОХОД! БЕГИ!

Глеб качнул головой, прогоняя позорные мысли. Сцепив зубы и сделав над собой невероятное усилие, чтобы не повернуться и не побежать, Глеб поднял ольстру, наставил ее на чудовище и нажал на спуск.

Громыхнул выстрел. Пуля прошила Метаморфу грудь, выбив фонтан крови, но он не остановился, продолжая медленно наступать на Глеба, а сам Глеб согнулся пополам, схватившись рукой за солнечное сплетение. Одежда у него на груди и животе взмокла от крови.

– Ничего... не понимаю.

Собрав волю в кулак, Первоход выпрямился и снова выстрелил в приближающуюся многоликую тварь. На этот раз пуля угодила чудовищу в правое плечо, и в тот же миг Глеб выронил ольстру, рухнул на колени и застонал от боли.

Правое плечо его ожгла такая лютая боль, что на глазах выступили слезы. Подступающая темная фигура расплылась в жгучей, влажной пелене.

Сомнений не осталось. Каждая пуля, выпущенная Глебом в монстра, каким-то непостижимым образом наносила рану самому Глебу.

БЕЖАТЬ! НАДО БЕЖАТЬ!

Глеб поднялся с колен и облизнул пересохшие губы. Вид подступающего чудовища был невыносим.

– Убей его! – прозвучал в голове ходока спокойный голос охотника Громола.

– Нет, – прошептал Глеб. – Убив его, я убью самого себя.

– Ты убьешь не себя, а свой страх. Тот страх, который три года точит твою душу и сводит тебя с ума. Убей его!

Метаморф ринулся вперед и сбил Глеба с ног. От удара перед глазами у Первохода все закружилось. А потом на него опустился туман – черный, непроглядный, пугающий.

– Глеб, соберись! – снова прозвучал в голове у Первохода спокойный, властный голос охотника Громола. – Возьми себя в руки!

Глеб до крови закусил губу. Туман рассеялся, и Орлов обнаружил, что стоит за углом какого-то кирпичного здания. В руках у него автомат «АКМ». На кожаном поясе висят три гранаты-«лимонки».

Мир вокруг был страшен. Заросшее травой и чахлыми деревьями шоссе, улицы, ставшие звериными тропами, огромные высотки, заросшие деревьями и превратившиеся в вертикальные экосистемы. И, конечно, мутанты. Уродливые звери и люди, рыскающие по Москве в поисках добычи и устраивающие настоящие битвы за кусок живой плоти.

На плечо ходоку легла легкая ладонь Кати Корольковой.

– Глеб, – тихо окликнула она, – мы не можем торчать здесь вечно. Скоро стемнеет. Надо пробираться к дому.

Глеб снова осторожно выглянул из-за угла, затем быстро отпрянул и, повернув голову к Кате, прошептал:

– Улица кишит волками-мутантами. Мы не сможем добраться до дома.

– Рано или поздно ветер переменится, и они нас учуют. У нас нет другого выхода, Глеб.

Орлов несколько секунд молчал. Страх черным чернильным пятном расплзался по его душе. Спина взмокла от пота. Руки, держащие автомат, мелко подрагивали.

– Глеб, – снова позвала Катя. – Ты должен решиться.

Да, должен. Но как это сделать, если ужас сковал тебя по рукам и ногам? Да и кто сказал, что сражение с мутантами окажется успешным?

– Я не могу рисковать, – хрипло проговорил Глеб. – Не могу и не хочу.

– Но у нас нет другого выхода, – повторила Катя и погладила его ладонью по напряженной спине. – Ты справишься с ними, Глеб.

Катя видела, как подрагивают плечи Глеба. Она часто думала о том, через какой кошмар пришлось пройти ее возлюбленному. Когда случилась *Катастрофа*, Катя была в бункере вместе с тремя тысячами счастливчиков, а Глеб оказался в самом эпицентре воцарившегося ужаса и прошел через настоящий ад.

Страх любимого человека передался и Кате, и она тоже стала дрожать. А ведь это была лишь малая частичка того, что испытывал сейчас Глеб.

– Глеб, – окликнула она. – Если мы не доберемся до дома засветло, нам конец.

Он несколько секунд молчал, потом вытер плечом потную щеку и сказал:

– Ты права. Идем!

И он первым вышел из укрытия.

Волки-мутанты, обгладывающие останки убитого лося на пандусе гостиницы, вскинули головы и уставились на Глеба и Катю. Шерсть на их загривках встала дыбом, из глоток вырвалось угрожающее рычание.

– Приготовься! – тихо сказал Глеб и поднял автомат.

Катя крепко сжала в руках два автоматических пистолета.

Самый крупный из волков-мутантов, резко развернувшись, бросился в атаку. Остальные волки устремились за ним, и вот уже семь огромных зверей крупными скачками понеслись на Глеба и Катю.

– Огонь! – хрипло командовал Глеб и нажал на спусковой крючок.

Все потонуло в грохоте выстрелов.

А потом наступила тишина... Когда дым пороховых газов рассеялся, Глеб понял, что находится в ночном парке. Неподалеку, на Пионерской аллее, белели гипсовые статуи трубачей и знаменосцев. Секунду или две он еще видел перед собой зыбкие фигуры волков-мутантов, а потом контуры их развеял холодный ветер, и воспоминание о них стерлось из памяти Глеба.

Теперь ему было одиннадцать лет, и он сидел за кустом сирени с судорожно бьющимся

от страха сердцем. Между белыми гипсовыми скульптурами сновали черные тени. Их было трое, и они искали Глеба.

Поиски продолжались уже минут десять. Глеб продрог за своим кустом, но и хулиганам до смерти надоело шляться по парку в поисках какого-то мальчишки.

– Слышь, Ляма, брось ты этого пацана, – сказал один из них. – Пошли лучше накатим еще по бутылке «Жигуля».

– Этот недомерок все расскажет, – хрипло отозвался самый рослый из парней, со зверской рожей и в длинном светлом плаще.

– Чего расскажет-то? – возразил ему кто-то. – Да он даже наших лиц не видел.

– Все равно надо его найти, – упрямо проговорил бандит.

Глеб все вспомнил. Он вспомнил, как возвращался с другом из кинотеатра и, чтобы сократить путь, первым свернул в темный парк. И как в одном из глухих уголков парка они наткнулись на подвыпивших хулиганов.

Друга схватили и избили, а Глеб убежал. Убежал, вместо того чтобы прийти другу на помощь. Слишком взрослыми были парни, слишком страшными были ножи в их руках.

Глеб сидел на корточках, ноги его затекли, однако он боялся пошевелиться. И тут он увидел своего преследователя. Его длинный светлый плащ серебрился в свете луны. Пальцы сжимали нож.

На мгновение в голове у Глеба промелькнула мысль, что бандит похож на огромного белого мотылька со сложенными крыльями. И Глебу вдруг показалось, что он видел что-то подобное раньше. Но странная мысль тут же улетучилась из головы, как только парень в плаще повернулся и посмотрел на куст, за которым прятался Глеб.

Это продолжалось долго, целую вечность. Враг в белом плаще стоял возле аллеи и смотрел на Глеба, прячущегося за кустом сирени. И пока это длилось, страх заполнял душу Глеба, пропитывал собой каждую клетку его тела, забивал холодным потом каждую пору его кожи.

Наконец парень сплюнул себе под ноги, спрятал нож в карман, повернулся и зашагал к своим приятелям.

А Глеб... Глеб вдруг отчетливо осознал, что даже когда опасность минует, страх останется с ним навсегда. И от этой мысли в душе его засадила тоска.

...Сознание Орлова вновь пошатнулось, а глаза снова застила пелена. Потом что-то сверкнуло перед глазами, и Глеб обнаружил, что стоит на ногах посреди небольшой лужайки. Над головой у него – хмурое небо Гиблого места, а перед глазами – чудовищный Метаморф, принявший облик его самого страшного кошмара.

От ужаса у Глеба перехватило дыхание, а на глаза навернулись слезы. Сердце колотилось в груди, как раненая птица.

Первоход сцепил зубы и тряхнул головой, прогоняя остатки тумана. Он не помнил, когда успел встать на ноги и как сумел увернуться от клыков чудовища. Однако он четко осознавал, что каждая рана, нанесенная Метаморфу, отзовется болью в его собственном теле. Огромная багровая масса, пульсируя и подергиваясь, сжалась в тугой комок, напоминая огромную сжатую пружину. Метаморф изготавился к прыжку.

– Убей его, Первоход! – снова прозвучал в ушах Глеба голос охотника Громола. – Справься со своим страхом! Убей его!

С трудом сбросив оцепенение, Глеб вытянул из ножен меч и шагнул к чудовищу.

«Что я делаю?» – пронеслось у него в голове, но изменить что-либо было уже невозможно.

Клинок меча, ярко сверкнув в багровых лучах заходящего солнца, обрушился на голову чудовища и расколол ему череп. В тот же миг в мозгу у Глеба словно бы взорвалась граната. Он закричал от боли и выронил меч из побелевших пальцев.

«Страх больше нет...» – пронеслось в пылающем мозгу Глеба, а в следующий миг сознание его угасло, ноги подкосились, и он пластом рухнул на траву.

Сначала Глебу показалось, что он видит Призрачного всадника. Но постепенно туман перед глазами рассеялся, и Глеб снова обрел возможность видеть четко.

– Охотник Громол... – с облегчением выдохнул он.

Громол улыбнулся.

– Да, Глеб. Это я.

Первоход сел на траве и огляделся. Поблизости по-прежнему поблескивало озеро, но оно уже не выглядело так зловеще, как прежде. Небо над головой прояснилось и потеряло свой жутковатый багровый оттенок.

Трупов на лужайке не было, да и надгробия куда-то исчезли. Недоумевая, Глеб осмотрел свою одежду. И еще больше удивился. Кровь, пропитавшая куртку, испарилась. Не было ни ран, ни боли.

– Должно быть, ты хочешь, чтобы я объяснил тебе все, что здесь произошло, – снова заговорил охотник, заметив удивление Глеба. – Но скажи мне, что ты помнишь?

Глеб нахмурился.

– Помню, как сражался с упырями. Потом Бранимир открыл Проход в иную реальность. Оттуда вышел Призрачный всадник, и я убил его. А потом... – Глеб сглотнул слюну. – Потом из воды вылезло многоликое чудовище. Я расколол ему мечом голову.

Первоход снова огляделся, затем устремил взгляд на Громола и хмуро спросил:

– Я не вижу трупов. Куда они подевались?

– Их не было, Глеб, – ответил охотник. – И не могло быть. Эти твари никогда не существовали в реальности. Их создало твое воображение.

Глеб уставился на охотника непонимающим взглядом и изумленно пробормотал:

– О чем ты, дьявол тебя поберет, говоришь?

– Эти твари – воплощение твоих страхов. Сны, которые ты видел на протяжении трехлетнего беспробудного сна. Как сказал бы твой друг Яков Фендель – «персонализация твоих кошмаров». Три года, проведенные в темнице, изменили тебя. Волхвы, охраняющие Морию, питались страхами узников. Ты ведь это помнишь?

– Да, – упавшим голосом проговорил Глеб. – Я это помню. Они усыпляли узников с помощью колдовского отвара и насылали на них кошмарные сны.

– Верно, – кивнул Громол. – Отравленный зельем волхвов, ты видел один кошмар за другим. Твой сон длился почти три года. Обычно пленники Мории теряют рассудок после нескольких месяцев, проведенных в узилище. Тебе удалось продержаться три года. Однако рассудок твой был поврежден. И не только рассудок.

Глеб молчал, пытаясь осмыслить услышанное. Это было непросто.

– Волхвы подняли со дна твоей души все страхи, включая те, о которых ты давно забыл, – продолжил охотник. – И даже те страхи, которые тебе еще предстоит испытать. Страхи эти, подобно смертельной опухоли, пожирала твою душу и отравляли твою кровь. И излечить тебя было совсем непросто.

Первоход по-прежнему молчал, угрюмо и недоверчиво глядя на Громола. Он уже понял, куда тот клонит, но не хотел верить странным речам призрачного гостя. Между тем Громол продолжил:

– Страшная темница высосала из тебя все соки и преждевременно превратила тебя в старика. Ты чувствовал, что не сможешь справиться с болезнью сам. И тогда ты призвал на помощь богов Гиблого места. Ты умолял помочь тебе, вдохнуть в тебя прежнюю силу. И Гиблое место откликнулось на твой зов.

У Глеба засадило под ложечкой.

– Значит, долгий путь, который я проделал вместе с Рамоном и стрельцами...

– Ты проделал этот путь в своем воображении, – спокойно произнес Громол. – Твоя душа блуждала во мраке, из которого не было выхода. Страх настолько прочно угнезвился в твоём сознании, что грозил свести тебя с ума. Был лишь один способ спасти тебя, Первоход.

Глеб подавленно молчал. После долгой паузы он взглянул Громулу в глаза и сказал:

– Значит, Гиблое место решило поиграть со мной в доктора Фрейда? А все ужасы, которые мне пришлось испытать, – это что-то вроде «восстановительной психотерапии»? А Мегаморф, которому я отрубил голову...

– Он – зримое воплощение твоих кошмаров, – сказал Громул. – Последний бастион тьмы, заполнившей твою душу. Ты должен был одолеть чудовище, чтобы изгнать из своей души страх. И ты это сделал.

Глеб облизнул губы, посмотрел на охотника с холодным прищуром и подозрительно проговорил:

– А кто ты сам, Громул? Ты действительно призрак моего погибшего друга, или...

«Или тебя создало Гиблое место, чтобы твоими устами поговорить со мной?» – хотел сказать Глеб, но не смог произнести эти страшные слова.

Громул понял все и так. Он улыбнулся и вымолвил:

– Я – рука, которую протянуло тебе Гиблое место. Повелитель снов, которого создали падшие боги и послали тебе на подмогу.

– Что-то вроде старичка Оле-Лукойе с волшебным зонтиком в руке⁶. – Глеб нахмурился. – Значит, Гиблое место каким-то образом воздействовало на мой мозг и усыпило меня. Долгий сон, в котором я побеждал чудовищ, должен был восстановить мои силы и вернуть мне уверенность в себе. Ловко!

– Однажды ты едва не разоблачил меня. Помнишь кинотеатр?

Охотник Громул улыбнулся, и вдруг внешность его изменилась. Теперь на Глеба смотрел пожилой, гладко выбритый незнакомец в свитере и очках в золотой оправе.

– Твое подсознание, как маньяк, желающий, чтобы его разоблачили, пыталось подсказать тебе, что все, что ты видишь, – просто сон.

Громул снова обрел свой привычный вид. Глеб отвел взгляд от его лица и посмотрел на озеро. На его поверхности играли блики.

– А как же Бранимир и его стрельцы? – тихо спросил Глеб и повернулся к Громулу. – Что ты скажешь про них? Они тоже моя выдумка?

Охотник кивнул:

– Да. Их создало твое подсознание.

Глеб поднял руки и потер пальцами ноющие виски. У него слегка закружилась голова, а во рту стало сухо. Кроме того, он испытал приступ чудовищного голода, будто не ел несколько дней. Борясь с головокружением, Глеб лег на траву и уставился на небо. Белое облако, висевшее прямо над ним, не двигалось и в своей неподвижности было похоже на часть театральной декорации. Глеб разлепил спекшиеся губы и прошептал:

– Вероятно, я просто устал...

– Да, ты устал, – отозвался Громул. – Ты прошел долгий путь и едва не погиб. Но теперь все в порядке.

Охотник еще что-то говорил, но уже так тихо, что слов его было не разобрать. Лишь последнюю фразу Глеб расслышал четко, и фраза эта была:

– Пора просыпаться.

Глава седьмая

1

– Пора просыпаться, Глеб. Ну же! Открой глаза!

⁶ Оле-Лукойе – волшебник, усыпляющий детей и насылающий на них сны, персонаж сказки Г.-Х. Андерсена.

Первоход открыл глаза. В ушах стоял колокольный звон, перед глазами крутились желтые круги. Во рту стоял противный кисло-сладкий вкус.

Прямо перед собой Первоход увидел круглую, толстощекую физиономию своего друга Хлопуши. Толстяк вытаращил глаза и радостно завопил:

– Рамон! Клянусь бараньей лопаткой, он очнулся! Первоход, ты ведь уже не спишь? Скажи что-нибудь!

Глеб растянул онемевшие губы в улыбку и с трудом проговорил:

– Привет, обжора. Надеюсь, я не лежу на сковороде? И ты не собираешься засунуть меня в печь?

Толстяк захохотал и хлопнул подошедшего Рамона по плечу. Толмач покачнулся и недовольно поморщился.

– Полегче, великан. – Затем улыбнулся Глебу и мягко, чуть грассируя, произнес: – С пробуждением, Первоход.

Глеб сел на лавке и огляделся. Стол, скамейка, закопченная печь. Окно затянуто бычьим пузырем. Над дверью – маленькое волоковое оконце, почерневшее от копоти. Это была изба воренка Прошки.

Глеб взглянул на толмача. Тот выглядел неплохо. Бородка и усики аккуратно подстрижены. Смуглое, миловидное, словно у девушки, лицо его было невозмутимо, а черные глаза мерцали из-под длинных ресниц бархатистым, благородным мерцанием.

Глеб усмехнулся.

– Рад видеть тебя живым и невредимым, толмач.

– Я тоже рад тебя видеть, Первоход, – с улыбкой произнес Рамон.

Глеб поднял руку и потер затекшую шею.

– Значит, я спал.

– Да как крепко! – восторженно воскликнул Хлопуша. – Мы боялись, что ты уже никогда не проснешься!

Рамон метнул на него строгий взгляд, и Хлопуша, поняв, что ляпнул что-то не то, смутился.

– Сколько я спал? – спросил Глеб.

– Твой сон был очень долг, – ответил Рамон. – Ты проспал шесть дней.

Глеб нахмурился. Помолчал, задумчиво поскреб пальцами заросшую щеку и сказал:

– Что ж... По крайней мере, я чувствую себя выспавшимся.

Хлопуша и Рамон переглянулись.

– Скажи ему! – поторопил друга Хлопуша. – Ну же!

Рамон нахмурился, смущенно кашлянул в кулак и не совсем уверенно проговорил:

– Видишь ли, Глеб... Пока ты спал, ты менялся. Четыре дня назад ты выглядел как изможденный старик. Мория выбелила твои волосы, но во время сна они снова потемнели. От седины не осталось и следа. Твоя кожа, до этого бледная и вялая, разгладилась и стала смуглой и здоровой, как прежде. Твои мышцы налились силой. Этот долгий сон сделал тебя прежним Первоходом.

– Да. – Глеб прищурил темные глаза. – И он полностью избавил меня от страхов. Оле-Лукойе не обманул, я действительно чувствую себя здоровым.

Глеб опустил ноги на пол и нашарил сапоги.

– Помочь тебе? – осторожно спросил Рамон.

Глеб отрицательно качнул головой, натянул сапоги и пристукнул каблуками об пол.

– Первоход, а что тебе снилось? – полюбопытствовал Хлопуша.

– Мне снилось, что мы отправились в Гиблое место. С нами был воевода Бранимир. И еще двадцать стрельцов с мушкетами.

Хлопуша растерянно заморгал.

– Первоход, княжьего воеводу зовут Твердибой.

– Да, помню. Я же говорю – это был сон. – Глеб вздохнул и вдруг почувствовал адский голод. Чувство голода окончательно вернуло его в мир реальности. – Эй, парни, в этой

хибаре есть какая-нибудь еда?

– Вот это другое дело! – обрадовался Хлопуша, повернулся и шагнул к печке. – Я поджарил для тебя цыпленка, Первоход! – крикнул он, ворочая сковородки. – Правда, это было позавчера, и за два дня он немного остыл.

Вскоре здоровяк вернулся со сковородой и брякнул ее на шаткий стол. Один бок цыпленка был объеден. Заметив это, Глеб усмехнулся.

– Вижу, цыпленок не только остыл, но и потерял в весе.

– Я не виноват, – смущенно прогудел Хлопуша. – Этот проклятый цыпленок все время попадался мне на глаза.

Глеб набросился на еду так ретиво, что Рамон и Хлопуша раскрыли от удивления рты. Разделавшись с цыпленком, Глеб поднялся на ноги и потянулся. Чувствовал он себя великолепно. Откинув со лба темную, длинную прядь, он взглянул на Рамона и сказал:

– Надеюсь, пока я спал, вы с Хлопушей не пропили мое оружие?

Рамон, не говоря ни слова, прошел к шкафу, распахнул скрипнувшую створку, вынул из его затхлых глубин кожаную перевязь, меч, кинжал в дорогих ножнах и пояс-соты с метательными ножами.

Затем вернулся к столу и с грохотом вывалил оружие на широкую столешницу. Глеб взял ножны с мечом, обхватил пальцами рукоять и слегка обнажил клинок. Затем снова вложил меч в ножны, взглянул на Рамона и сказал:

– Спасибо, друг.

Затем он прошел к вешалке, снял с гвоздя замшевую, затертую до дыр куртку и надел ее. Повел плечами, услышал легкий треск и усмехнулся:

– Видать, я и впрямь раздался в плечах, пока спал. Скажите-ка, друзья, князь Добровол все еще лютует?

– Еще как, – мрачно проговорил итальянец. – Два дня назад на Сходной площади обезглавили двух молодых парней – за то лишь, что они посмели срезать несколько снопов пшеницы на княжьем поле.

– А отцу одного из них, который видел это и не донес охоронцам, Добровол приказал отрезать язык, – хмуро пробасил Хлопуша.

Рамон сдвинул черные брови и вздохнул:

– После того как снова у княгини случился выкидыш, Добровол совсем озверел. Охоронцы хватают молодых девиц прямо на улице и привозят к нему в покои. А если девица оказывается не девицей, Добровол, вдоволь насытившись, отправляет бедняжку на конюшню, где ее хлещут плетью до тех пор, пока спина не превращается в кровавое месиво. Князь говорит, что так он учит распутниц приличию.

– А двух купцов из Онтеевки пожгли раскаленным железом лишь за то, что они отказались продать охоронцам ткань на новые кафтаны за полцены, – вставил свое слово Хлопуша.

Глеб прищурил глаза и холодно проговорил:

– Значит, князь Добровол совсем распоясался?

– Не то слово, Глеб. Кровь льется рекой, темные твари лютуют в городе каждую ночь, все на всех доносят. Бывали времена хуже, но подлее не было.

– Покорив соседние княжества с помощью пушек, которые ты для него сделал, Добровол вообразил себя богом, – поддакнул другу Хлопуша. – А разве есть на свете сила, способная остановить бога?

Глеб сжал зубы и с ненавистью процедил:

– Добровол не бог. Он продал свое сердце ведьме Мамелфе в обмен на власть и могущество. – Глеб набросил на плечи плащ и застегнул бронзовую пряжку. – Парни, у нас остались бомбы?

– Только одна, – ответил Рамон. – Но она с коротким фитилем.

– Ничего, сгодится.

Толмач взял с воронца полотняный мешочек, набитый взрывчатой смесью. Из плотно

стянутой горловины торчал огрызок фитиля. Глеб сгреб бомбу с ладони Рамона и небрежно сунул ее в карман охотничьей куртки.

– Глеб, тебе опасно ходить по городу, – с сомнением проговорил итальянец. – У каждого охоронца в кармане лежит парсуна с твоим лицом. А за твою голову назначена большая награда.

Глеб поправил плащ и одернул охотничью куртку.

– Об этом не волнуйтесь, – отчеканил он. – С охоронцами я как-нибудь справлюсь.

Хлопуша посмотрел, как Глеб проверяет на поясе метательные ножи, нахмурился и сказал:

– Первоход, если ты не возьмешь меня с собой, я очень сильно обижусь. А если я обижусь – я расстроюсь. А если я расстроюсь – я похудею. А если я похудею...

– То нашему княжеству придет конец, – закончил за него Глеб и улыбнулся. – Я возьму тебя с собой, здоровяк.

Хлопуша просиял и тут же зашпешил к комоду, в котором лежала его амуниция. Рамон проводил парня задумчивым взглядом, затем посмотрел на Глеба и мягко проворковал:

– Первоход, возможно, я не так ловок и силен, как в твоем сне, но от меня тоже может быть польза.

– Я знаю, толмач, – кивнул Глеб. – Твоей ловкости и быстроте может позавидовать лесная кошка. Но это не сон, и Добровол знает, что я приду за его головой. А ты провел в Мории почти столько же времени, как я. Ты еще слаб, толмач.

Лицо Рамона вспыхнуло, а его черные глаза яростно сузились.

– Cazzata!⁷ – выругался он. – Я дам фору любому из вас!

– Рамончик, Глеб прав, – снисходительно проговорил Хлопуша. – Ну, посмотри на себя. Ты даже вес набрать не успел. Я семилетним мальцом был тяжелее, чем ты сейчас. К тому же...

Рамон молниеносно крутанулся вокруг собственной оси, и два кинжала, тускло блеснув в свете сальных огарков, уткнулись здоровяку остриями в горло.

– Ну? – сухо спросил толмач. – Ты по-прежнему думаешь, что я не готов к драке?

Хлопуша скосил глаза на кинжалы, насупился и прогудел:

– Первоход, по-моему, мы недооценили нашего толмача.

– Да уж, – улыбнувшись, согласился Глеб. – Придется взять этого джигита с собой. А то зарежэт.

2

Меч Первохода дважды со свистом рассек воздух. Два медведеподобных охоронца рухнули на пол. Из-за угла вышел третий. Глеб вскинул меч, но тут же получил удар кулаком в висок. Голова загудела, однако ему удалось устоять на ногах.

А громила уже лежал на полу, сбитый с ног ударом Хлопушиной палицы. Глеб тряхнул головой и сказал:

– Хлопуша, останься здесь и приглядывай за дверями.

Здоровяк нахмурился, но подчинился. Глеб и Рамон продолжили путь.

Дважды свернув направо, они пересекли внутренний дворик и попали в сенную клеть, из которой вели два хода: левый – в караульное помещение, правый – в княжеские палаты.

Глеб зашагал к палатам, Рамон последовал за ним. Едва ходок распахнул дверь, как на пути у них возникли еще четыре рослые фигуры.

– Куды прешь, теленок! – проревел один из охоронцев и, выхватив меч, бросился на Глеба.

Глеб увернулся от сверкнувшего клинка и ударил громилу рукоятью меча по зубам.

⁷ Чепуха! (итал.).

Громила отлетел к стене. Второго Рамон пронзил кинжалами, а оставшихся двух Глеб оглушил, пройдясь по их черепам голом меча.

Тут первый гигант «отлип» от стены и прохрипел:

– Эвона как... Лез на теленка, а попал быку на рога.

Глеб шагнул к нему и ударил кулаком в грудь. Второй удар вышиб из богатыря дух, и тот рухнул на пол.

Глеб перешагнул через него и двинулся дальше. Рамон не отставал. По пути к светлой княжеской горнице им пришлось еще дважды схватиться с охоронцами и один раз – с двумя стрельцами. Один из стрельцов успел поднять мушкет, но Глеб вонзил ему в горло метательный нож, а Рамон со скоростью рыси прыгнул на второго и проткнул ему кинжалом сердце.

С охоронцами они поступили жестоко – двоих убили, а троих оглушили. Вынырнувшего из-за угла крепыша-поручика Глеб обезоружил двумя ударами меча, затем быстро зашел ему за спину, обнял за шею рукой и сдал.

– Зачем тебе это, ходок? – прохрипел княжий поручик, косясь на Глеба налитыми кровью глазами. – Отправляйся к себе в Эльсин и возделывай свой огород.

– Я вернулся из Мории не для того, чтобы возделывать землю и нюхать цветочки, – холодно проговорил Глеб. – Я намерен вернуть себе свою жизнь.

– Жизнь?... Дурак. Ты уже мертвец. И скоро ты отправишься в ад.

– Ты там будешь раньше меня.

Глеб резко крутанул голову поручика. Шея крепыша хрустнула, глаза его закатились под веки, и он обмяк в руках Глеба. Первоход разжал руки, и поручик мешком свалился к его ногам. Глеб вытер рукавом потный лоб и поднял с пола меч.

– Идиоты, – со злостью проговорил он. – Думают, мне доставляет удовольствие ломать им шеи.

– Да смилостивится Господь над их душами, – тихо произнес Рамон и перекрестил мертвые тела.

Друзья направились дальше.

Остановившись перед дверью горницы, Глеб крепче сжал в руке меч и ударом сапога распахнул дверь.

3

Князь Добровол сидел в горнице один. Перед ним стояло блюдо с холодной бараниной, а рядом – широкий кубок с разведенным водкой медом. Сам князь был закутан в плотные ткани, хотя в зале не было холодно, а лицо его – белое, с голубоватыми прожилками – напоминало лицо мертвеца.

Заслышав шум, Добровол поднял голову и уставился на вошедших в горницу Глеба и Рамона таким взглядом, будто не узнавал их. Потом лицо его прояснилось, и он глухо проговорил:

– Кого я вижу. Решил зайти ко мне в гости, ходок?

Глеб холодно прищурился.

– Как видишь. Прости, что без приглашения, князь. Хотя... какой ты, к дьяволу, князь.

Добровол криво ухмыльнулся и сказал, по-прежнему обращаясь только к Первоходу:

– Ты говоришь так, будто обижен на меня за что-то.

– Обижен? Ты заточил меня в Морию. Я провел там три года. Три года беспробудного сна.

– Вот как? – Синеватые губы Добровола изогнулись в подобие улыбки. – Тогда тебе не на что жаловаться. Я давно забыл, что такое крепкий сон. Ночь не приносит мне ничего, кроме мучений.

Добровол облизнул губы темным языком, покосился на меч, который держал в руках Глеб, и сказал:

– Возможно, я был с тобой груб. Но я никогда не желал тебе зла.

– Да ну? – Глаза Глеба сузились. – Расскажи это своей ручной куропатке и свирепому хорьку. В Мории я не просто спал. Все три года мне снились кошмары. Они едва не свели меня с ума.

– Тебе следует винить за это не меня, а волхвов. Это они опаивали тебя сонным зельем. – Добровол поежился и облизнул синеватые губы. – Как бы то ни было, но теперь все позади. Мы еще можем сговориться, Первоход.

– Правда? – Глаза Глеба замерцали жестоким, холодным блеском. – Это как же?

Некоторое время Добровол молчал, разглядывая Глеба, а затем негромко вымолвил:

– Служи мне, Первоход. Я самый великий князь на русской земле. А скоро я стану князем всего мира. И даже больше. Подумай об этом, ходок. Ты станешь моей правой рукой, и мы будем властвовать над миром вместе.

Глеб присвистнул.

– Над миром? Ого. Не слишком ли резво ты шагаешь?

Некоторое время Добровол сидел неподвижно, а затем вдруг подался вперед и просипел, сверля Глеба своими холодными, прозрачными глазами:

– Я много знаю про Иноземье, ходок. Это место похоже на блаженный Уграй, но живут там вонючие нелюди!

При слове «Уграй» глаза Добровола заблестели сумасшедшим блеском, и Глеб вдруг все понял. Тот, кто заключил сделку с ведьмой Мамелфой, не может остаться прежним. Вместе с сердцем великая ведьма забрала у Добровола и разум. Перед Глебом сидел сластолюбивый безумец.

– Уверен, ты знаешь, как отыскать эти врата, – хрипло проговорил Добровол. – Приведи туда мою дружину. Перебей нелюдей и присоедини блаженную страну к Хлынскому княжеству. Вот все, чего я хочу!

Слова Добровола прозвучали так яростно и страшно, что у Глеба не осталось сомнений – князь обезумел.

Глеб натянуто усмехнулся.

– Действительно, не так уж много, – произнес он после паузы. – Стать владыкой страны, которая граничит с владениями самого Велеса. Уподобиться богам. Этого ты хочешь?

Добровол облизнул пересохшие от волнения губы и выпалил:

– Да, я хочу уподобиться богам! Что тут необычного? Разве я первый из людей, кого переполняет это желание? Отведи моих стрельцов в Иноземье, Первоход. Помогите им перебить нелюдей. И я отдам тебе заветный амулет Сорни-Най.

Глеб наморщил лоб, словно обдумывал слова Добровола, затем сказал:

– Предложение заманчивое, князь. Но я говорю «нет». Я пришел сюда за твоей головой, Добровол. И не уйду, пока не вышибу из нее мозги. Вернее, ту зловонную жижу, которую ты считаешь мозгами.

Несколько секунд князь в упор разглядывал Глеба, не в силах поверить тому, что Глеб отказался, потом откинулся на спинку кресла и проговорил с презрительной усмешкой на устах:

– Скоморох. Никчемный, тупоголовый скоморох.

Лицо Глеба дернулось будто от пощечины, а потом похолодело, превратившись в ледяную маску. Сунув меч в ножны, он достал из кармана бомбу и зажигалку. На этот раз зажигалка сработала безотказно. Фитиль бомбы зашипел и заискрил, а язычок пламени стал быстро взбираться наверх.

Добровол, ослепленный собственной ненавистью, не обратил на это никакого внимания.

– Ты думаешь, я боюсь тебя? – презрительно продолжил он. – За три года, что ты провел в Мории, я прожил сотню жизней. Я убивал, насиловал, благодетельствовал, казнил, миловал. Пушки и мушкеты дали мне все, что я хотел. Я испробовал все и повидал все. И я

не боюсь смерти. А вот ты... – Вцепившись в подлокотники кресла, Добровол резко подался вперед и, выкатив на Глеба побелевшие от ярости глаза, прорычал: – Я прикажу разрезать тебя на куски, ходок! А потом изжарю эти куски и съем!

– Сперва съешь это! – Глеб резко сунул Доброволу в рот самодельную бомбу и, не дав отплюнуть, ударом кулака забил эту бомбу ему в глотку. Затем развернулся и крикнул: – На пол, Рамон!

Не дожидаясь, пока толмач сообразит, Глеб плечом сшиб его с ног и прыгнул сверху.

Взрыв потряс своды зала, вышиб из окон стекла и засыпал Глеба и Рамона штукатуркой.

4

Через несколько секунд Глеб выпрямился и стряхнул с головы мусор. Рамон последовал его примеру. Потом потер пальцами ушибленную при падении скулу, глянул на пустое кресло и сказал:

– Горяч был князь Добровол.

– Да уж, – согласился Глеб и стряхнул с рукава обугленный кусок княжеской ферязи. – Взрывной мужик!

Ухмыльнувшись, Глеб полез в карман за бутовыми сигаретами. Потом не спеша закурил. Рамон посмотрел, как он пускает дым, и сказал:

– Амулет богини Сорни-Най взорвался вместе с Доброволом. Как же ты теперь попадешь домой?

– Прежним путем. Раз уж не удалось срезать.

Глеб сунул сигарету в губы, прищурился от дыма и засучил правый рукав. На предплечье его красовались четыре белесых шрама, похожих на зарубки.

– Еще четыре, – сказал Рамон.

Глеб кивнул:

– Угу. Еще четыре раза станцюю жигу на раскаленной сковородке – и домой. Кстати... – Глеб снял с шеи гайтан с серебряным крестиком и протянул его толмачу: – Кажется, это твой.

Толмач сдвинул брови и спросил:

– Уверен, что он тебе больше не нужен?

– Если понадобится, обзаведусь своим собственным.

Рамон секунду раздумывал, потом кивнул, взял крестик, надел его на шею и перекрестился. Глеб вынул сигарету изо рта и небрежно стряхнул пепел на дубовый пол. Потом посмотрел на Рамона и вдруг сказал:

– Я должен попасть в Иноземье.

– Зачем? – не понял тот.

– Когда-то охотник Громол сказал мне, что у Гиблого места нет сердца. А я вот думаю: что, если Гиблое место устроено по принципу матрешки и все эти годы я просто ходил кругами – вместо того, чтобы отыскать сердце Гиблого места и вырвать его?

Рамон нахмурил смуглый лоб и растерянно переспросил:

– Матрешки?

– Прости, ты ведь не знаешь, что такое матрешка. До их появления в России еще несколько веков. Попробую объяснить проще. Представь себе, что Гиблое место – это не сам орех, а всего лишь скорлупа ореха. А Иноземье...

– Его ядро, – договорил толмач.

Глеб кивнул.

– Верно. И я вырву это сердце. – Глеб затянулся сигаретой и выдохнул вместе с дымом: – Однако есть еще кое-что. Пока я спал, мне снился сон. В этом сне я отправился в Гиблое место, чтобы найти дорогу в Иноземье. Ты сопровождал меня. Мы кое-что нашли в лесу. Кое-что такое, чего там не должно было быть.

– И что же мы нашли?
– Три старых трупа. Это были трупы пришельцев из будущего.
Рамон трижды моргнул, затем недоуменно проговорил:
– Это странно.
– Да, – согласился Глеб. – Я помню, где мы их нашли. И я отправлюсь туда. Но уже не во сне, а наяву.

Лицо Рамона вытянулось от изумления.

– Ты хочешь прийти в то место, которое видел во сне?

– Угу. Надеюсь, твоя религия не имеет ничего против вещих снов?

Толмач нахмурился.

– Святой Иоанн видел вещие сны на острове Патмос и описал их в Апокалипсисе. А значит, у меня нет никаких причин не верить твоим снам, Первоход. Надеюсь, ты позволишь мне пойти с тобой?

– Куда ж я без тебя.

Толмач улыбнулся.

– Было бы неплохо взять с собой Хлопушу. Толстяк не простит нам, если мы провернем это дело без него.

Глеб кивнул.

– Ты прав. Главное – не забыть взять с собой съестные припасы. Иначе этот троглодит не заметит, как слопает нас с тобой.

Усмехнувшись, ходок отбросил окурок, быстро встал и протянул руку толмачу.

– Хватай лапу. Пора отсюда убираться.

Рамон, скривившись от боли в плече, тяжело поднялся на ноги.

– Мы еще вернемся в Хлынь-град? – спросил он.

– Только если Господь пошлет на этот город ангела-разрушителя, – сухо ответил Глеб. – Помогу ему в его нелегком, но праведном деле.

Друзья повернулись к двери и зашагали прочь, оставив за спиной тлеющий резной трон, на котором десять минут назад восседал князь-самозванец, уверенный в том, что обрел власть над целым миром.

Когда дверь за друзьями закрылась, обугленный комок, лежащий под столом, слабо дернулся. Потом еще раз, и еще, словно пробовал силы. Секунду комок лежал неподвижно и вдруг забился – равномерно и мощно.

В тот же миг разбросанные по горнице части тела князя Добровола пришли в движение. Оставляя за собой темные полосы, они потянулись, поползли к бьющемуся на полу сердцу, словно кусочки железа – к магниту, и стали собираться вокруг него, как части огромной кровавой мозаики.

Сначала грудная клетка, потом шея, затем – голова. Когда голова собралась больше чем наполовину, единственный глаз Добровола открылся и несколько раз моргнул. Затем страшный глаз покосился на дверь, а половина рта приоткрылась и глухо рывкнула:

– Иноземье!

Оставшиеся части тела, словно услышав приказ командира, стремительно заскользили по полу к полусобранному телу и стали встраиваться в него с пугающей быстротой.

Не прошло и десяти секунд, как страшный монстр, собранный из сотен кусочков, рывком сел на полу, отплюнул черную кровь, попробовал языком дыру в щеке, скривился и хрипло прорычал:

– Первоход! Я найду тебя!

Затем пошарил взглядом по полу, увидел обугленный кусок плоти, скovyрнул его с пола окровавленными пальцами и ловко заделал дыру на щеке.